

HD
1995
V6 V67
V.1

UC-NRLF

В 4 572 176

Отъ автора.

О черк
ОЧЕРКЪ

Sel'sko-khoziaistvennoi Promyshlennosti
СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Voronezhskoi Gubernii
ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ.

Изслѣдованіе члена-секретаря Воронежскаго губернскаго Статистиче-
скаго Комитета Л. Б. ВЕЙНБЕРГА.

Выпускъ II
ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

(XVI—XVIII в.)

ВОРОНЕЖЪ.
ТИПО-ЛИТОГРАФІЯ ГУБЕРНСКАГО ПРАВЛЕНІЯ.
1890.

ОЧЕРКЪ

СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ.

Изслѣдованіе члена-секретаря Воронежскаго губернскаго Статистическаго Комитета Л. Б. ВЕЙНБЕРГА.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

(XVI—XVIII в.)

ВОРОНЕЖЪ.
ТИПО-ЛИТОГРАФІЯ ГУБЕРНСКАГО ПРАВЛЕНІЯ.
1890.

Печатано по постановленію Воронежскаго губ. Статистич. Комитета.

HD1995
V6V67
v. 1.

ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ.

ОТЪ ОСНОВАНІЯ ВОРОНЕЖА И ДО ОТКРЫТІЯ НАМѢСТНИЧЕСТВА.

инструктор

современное экономическое положеніе Воронежской губерніи не блестяще: почти всѣ отрасли мѣстной промышленности находятся въ незавидномъ положеніи, — и это неутѣшительное явленіе, при ближайшемъ знакомствѣ съ нимъ, не можетъ быть признано временнымъ — недугъ безусловно хроническій. Эпидеміи, эпизоотіи, градобитія и неурожаи, идя рука объ руку, становятся все чаще и чаще, такъ что замѣчается даже нѣкоторая связь между ними, а между тѣмъ всѣ эти бѣдствія были еще довольно рѣдки даже въ концѣ прошлаго столѣтія. Очевидно, изучить причины, ихъ обусловливающія, возможно только историческимъ путемъ, — что и составляетъ главная задача настоящаго труда, раздѣленнаго нами на два главныхъ, хотя и неравныхъ періода. Первый — отъ основанія *польскихъ* городовъ и до открытія Воронежскаго намѣстничества, — который можно по всей справедливости назвать періодомъ возрожденія мѣстной сельско-хозяйственной промышленности, и *второй* — по настоящее время — періодъ постепеннаго упадка ея. Второй выпускъ надѣмся издать въ недалекомъ будущемъ.

Очеркъ составленъ частью по мѣстнымъ актамъ, изданнымъ Н. Второвымъ и А. Дольникомъ, О. де-Пуле и нами, частью же по неизданнымъ еще матеріаламъ мѣстныхъ архивовъ. Въ виду совершеннаго почти отсутствія изслѣдованій по этому вопросу, мы не ссылались на литературу, приведенныя же у насъ величины *косты* и *мортки* заимствованы изъ статьи А. Доброклонскаго (*).

Въ концѣ очерка мы помѣстили рядъ собранныхъ нами фактовъ, прямо или косвенно связанныхъ съ исторіею мѣстной сельско-хозяйственной промышленности. Этотъ перечень, названный „Лѣтописью“, надѣмся постепенно дополнить и исправить.

Л. Вейнбергъ.

(*) Его статья „Оч. изъ жизни Солотчинскаго монастыря“ въ Труд. Ряз. Уч. Арх. Ком., за 1888 годъ.

Начало сельско-хозяйственной промышленности при-Донского края—Бортничество.—Медоварение и воскобойное производства.—Хлѣбопашество и винокурение.—Ловля и выление рыбы.—Бобровые гоны.—Имущественный инвентарь при-Донского обитателя въ началѣ XVII в.—Четвертное землевладѣніе.—Наплывъ бѣглыхъ.—Цѣны, существовавшія на хлѣба и скотъ.—Мѣропріятія Правительства къ развитію сельскаго хозяйства.—Роль Черкассъ въ исторіи мѣстнаго сельскаго хозяйства.—Причины малоуспѣшности въ началѣ и замѣтнаго развитія сельскаго хозяйства во второй половинѣ XVII в.—Заботы царей Алексѣя Михайловича, Петра I и Екатерины II.—Учрежденіе Воронежскаго акціонернаго общества.—Успѣхи Воронежской сельско-хозяйственной промышленности въ XVIII в. и цѣны существовавшія въ этомъ столѣтіи.—Мѣстная метрологія.—Торговые пути.—Сухопутныя дороги и судоходство.—Правительственныя и общественныя мѣропріятія къ ея развитію въ прошломъ столѣтіи.—Современное положеніе.—Лѣсоводство.—Коневодство.—Коннозаводство.—Опытъ сельско-хозяйственной лѣтописи.—Характерныя особенности сельско-хозяйственной промышленности при-Донскаго края.

Не знаемъ, какъ въ другихъ областяхъ, но въ предонскомъ краѣ заботы Правительства относительно развитія сельско-хозяйственной и заводской промышленности начались очень рано. Отдѣльныя мѣропріятія въ этомъ отношеніи можно прослѣдить въ концѣ XVI в., т. е. одновременно съ основаніемъ городовъ и даже ранѣе того. Сюда относятся бортничество или лѣсное пчеловодство и тѣсно связанныя съ нимъ медовареніе или *медовыя ставки*, какъ тогда говорили, и воскобойное производство, рыболовство, звѣринный промыслъ, въ которомъ видное мѣсто занимали бобровые гоны. Хлѣбопашество съ самаго начала обнимаетъ собою почти всѣ тѣ полевныя и огородныя растенія, какія и понынѣ встрѣчаются въ крестьянскомъ хозяйствѣ, за исключеніемъ конечно картофеля, появившагося у насъ лишь въ восьмидесятихъ годахъ прошлаго вѣка и то на первый разъ въ немногихъ помѣщичьихъ хозяйствахъ, и, вѣроятно, салата и такихъ зонтичныхъ и лилейныхъ растеній, какъ сельдерей и порей и имъ подобныхъ, кои намъ ни разу не встрѣчались въ историческихъ документахъ XVII в.

Въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, въ періодѣ времени съ 1632 по 1633 г., были проданы воронежскимъ губнымъ старостамъ съ публичныхъ торговъ *опальные животы* нѣкоторыхъ атамановъ и крестьянъ; сохранившіяся купчія отписи и росписи дадутъ намъ наглядное понятіе не только о сельско-хозяйственной промышленности воронежцевъ того времени, но и о существовав-

шихъ цѣнахъ какъ на сельскохозяйственные продукты, такъ и на домашній скотъ.

Такъ, напримѣръ, наличное имущество усманца Кондрашки Кодулина заключалось въ слѣдующемъ. Жорнова въ клѣти, въ закрои четыре чети ржи; коробыя осиновая, а въ ней двое штаны, кожаные да сермяжные; попоны Турская, два блюда, братина бражная; конюшня, кобыла савраса ногайская да жеребёнокъ рыжъ ногайской, корова сама-друга, три осминника ржи, осминникъ ячменю, полосминника гречихи, двѣнадцать ульевъ пчель. Прошлогодняго или какъ тогда выражались *ужаваго* хлѣба: пятнадцать копенъ ржи, восемь копенъ пшеницы яровой, четырнадцать копенъ ячменя. Кромѣ этого, за какую то вину, были еще проданы на великаго государя слѣдующіе опальные животы Кодулина: дворъ, а на дворѣ изба и дворовая городба, клѣть съ прикѣтомъ омшеникъ, 3 лошади, 10 овецъ, 5 свиней и проч.

У другаго усманца, у Тимошки Лебедянцова непроданными оказались:

Дворъ, конюшня, клѣть, анбаръ, двѣ повѣти, тыномъ огорожены; въ избѣ въ подѣ жорновы, коробыя осиновая, въ коробѣ двѣ рубашки женскія, скатерть, двои портки, рубашка мужская посконная (суконцо сермяжное тонкое, окрашена, одиннадцать аршинъ *), сукно сермяжное бѣлое, шапка лапчатая подѣ сукномъ, два зипуна сермяжные вѣчаны, двѣ шубы борани, шесть братинокъ малыхъ, ендовка съ вѣскомъ винная деревяная, три корчаги бражнѣе, четыре наполь липовые, бочка въ четверть, двѣ рукавицы, двѣ узлы сыромятные, блюда деревяная, два топора дровосѣчныхъ (сошники съ полицею), масла горшокъ коровы, пятнадцать гривенокъ, сапоги женскія вѣчаные, (двое лошадей) двѣ коровы, трое телятъ, три десятины ржи въ земли, три осминника ерового хлѣба, овса осминникъ, ячменю, овца, двадцать куревъ старыхъ и молодыхъ, на огородѣ высѣена полосминны конопель, восемь градъ капусты, пять градъ огурцовъ.

Кромѣ этого, изъ его животовъ было продано губнымъ старостою: 4 свиньи, 5 лошадей, 2 коровы, 5 овецъ, суконникъ да сошники съ полицею 2 братины, 3 деревянныя блюда да 10 ложекъ.

У третьяго усманца, Богдашки Тарасова, въ наличности оказывается:

Жорновы, три копны овса, три копны ржи, три телѣги гречихи, въ земли десетина ржи съ осминникомъ, осминникъ пшеницы, двое лошадей, двѣ телѣцы лонскія, теленокъ селѣтокъ, свинья, четыре гусей, семь куровъ, топоръ, косарь, три десятка поскони, двои сани, двѣ телѣги двоеколки, корыта, ночвы, три коробы, судва осиновая, два мѣшечка лненова сѣмени, кузовъ боршу, десеть мочалниковъ, четыре хомуты, четыре дуги, братина, ен(дова?), пять братинокъ, ендовка, винная чарка, два ковша, два блюда, ставень, сумки переметныя, три сумки сыромятныя, ступа, лопата, толкатель, три лукошка съ шерстью, чаша хлѣб . . . , два арчака, два кувшина бражныхъ, тр . . . ны . ку(в)шинъ водоносной. 139 голу у жите(ли?) Богдашкова Пробитого-Лба хлѣба полше(с)ты копны ржи.

Кромѣ того продано губнымъ старостою кледню пшеницы, 7 овецъ, стойку да наполецъ липовый, весь усманскій дворъ, корову черную и свинью.

*) Слова въ скобкахъ зачеркнуты въ подлинникѣ, вѣроятно, какъ вещи проданныя.

Мы нарочно сдѣлали эту выпись, чтобы познакомить читателя съ сельско-хозяйственнымъ инвентаремъ воронежца-колониста придонскихъ степей того времени. Изъ дальнѣйшаго перечня усматривается, что особенно рѣзкихъ колебаній въ имущественномъ отношеніи въ тѣ времена еще не замѣчалось; ни выдающихся богачей, ни голытьбы еще не было, и тѣ и другіе появились лишь съ развитіемъ торговли, къ срединѣ XVII в.

Интересны цѣны, существовавшія въ тѣ отдаленныя времена (1632 г.) Кледня овса или пшеницы—1 р.; жеребенокъ лонской—1 р.; меривъ 2 р. 12 алт. 2 деньг.; кобыла 1 $\frac{1}{2}$ р.; корова 16 алт. и 20; овца отъ 3 до 4 алтынъ, свинья—6 алт. безъ 2 денегъ. Дворъ—35 алтынъ; дворъ съ избою и съ дворовою городбою—4 р. и за омшеникъ 5 алт.

Черезъ 40 лѣтъ, въ 1672 г., цѣны значительно измѣнились. Четверть ржи или овса уже стоитъ 2 р. за юфть; конь—15 руб., корова 2—3 рубля, лисица—20 алт.; возъ дровъ—6 денегъ; ведро вина—11 алт. 4 деньги; пудъ прѣснаго меду—1 р.; пудъ мѣди—5 р. 25 алт.; четь земли—1 р. и т. д. цѣны слѣдовательно удвоились и даже утроились.

Мѣропріятія Правительства къ развитію сельскаго хозяйства заключались въ томъ, что оно большинство повинностей принимало сельскохозяйственными продуктами, посопнымъ хлѣбомъ: какъ стрѣлочій, четвериковый, житенный и кромѣ того для Донскаго отпуска ежегодно 500 ведръ вина и 6500 чет. хлѣбныхъ запасовъ.

Преимущественно воздѣлывались: пшеница, рожь, ячмень, овесъ, конопля, ленъ, гречиха и хмѣль; изъ огородныхъ—капуста, свекла (борщъ), лукъ, огурцы, рѣдка и чеснокъ; изъ садовыхъ—яблоки и вишни. *)

Мельницы упоминаются лишь съ начала тридцатыхъ годовъ, когда начали прибывать въ придонскій край бѣло-и-малоруссы, а ранѣе того крестьяне хлѣбъ молотили жерновами въ подклѣткахъ или толкли въ ступахъ **). Вообще хлѣбопашество находилось въ началѣ въ самомъ первобытномъ состояніи. Не взирая на баснословное плодородіе почвы, голода бывали здѣсь не особенно рѣдки. Въ 1674 г. валуйчане ѣли съ мякиною мѣшаючи племъ и жолуди, племяковые кюки отъ голоду и брели рознь; такихъ примѣровъ не мало.

Нѣкоторыми производствами Правительство или само занималось или отдавало на откупъ, таковы: ямчужное т. е. вареніе селитры, винокуреніе, вале и копченіе рыбы.

Сельско-хозяйственная промышленность придонскаго края начала развиваться въ срединѣ XVII в. благодаря задѣйпровскимъ черкассамъ, переселявшимся изъ за дѣйпровскихъ степей на Донъ; они не только ввели культуру многихъ новыхъ растений, какъ ганусъ (анисъ) подсолнухъ и др., но своимъ присутствіемъ увеличили и производство и сбытъ разныхъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ. Крупный и мелкій домашній скотъ, приведенный ими съ собою, также не мало посодѣйствовалъ къ улучшенію мѣстныхъ породъ, за исключеніемъ, какъ кажется, однихъ только лошадей, ибо мѣстныя, *ногайскія*, цѣнились гораздо выше.

*) Строго запрещеннымъ при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ табаководствомъ, повидному, также занимались въ широкихъ размѣрахъ.

**) Впрочемъ у большинства помѣщиковъ и тогда были уже свои мельницы.

При всемъ томъ, вслѣдствіе близости ордынскихъ хищниковъ, болѣе широкое развитіе сельско-хозяйственной промышленности было немислимо почти во все продолженіе XVII столѣтія. Безпрерывные набѣги, въ особенности ногайцевъ, сопровождались грабежемъ рабочаго скота, плѣненіемъ земледѣльцевъ и безцѣльнымъ истребленіемъ хлѣбовъ въ полѣ. Хлѣбопашество ограничивалось поэтому мѣстностями, защищенными близостью крѣпостей. При первомъ ударѣ колокола (набатъ) и люди, и скоть, и хлѣбъ спасался въ ближайшій городъ. Кто не могъ поспѣть перевести хлѣбъ въ городъ, обязанъ былъ зарывать его въ землю, а если и для этого не оставалось времени, то смотря по обстоятельствамъ—топить или сжечь его. Нѣкоторымъ помѣщикамъ-дворянамъ болѣе удаленнымъ отъ города, гдѣ мѣстность позволяла, Правительство отводило особое, не въ зачетъ помѣстья, глухое, *укромное*, мѣстечко, гдѣ нибудь въ глубокомъ лѣсномъ оврагѣ съ спеціальною цѣлью—для *убѣгу съ своими людьми отъ воинскихъ людей*. Понятно, что при подобныхъ условіяхъ сельское хозяйство развивалось въ началѣ очень слабо. У черкасскъ же, которыхъ ордынцы неохотно тревожили, оно поэтому шло несравненно лучше.

Съ средины XVII в., съ переселеніемъ на Донъ черкасскъ, ногайцы и другіе кочевники были постепенно оттѣснены къ югу и юговостоку, что не замедлило въ высшей степени благотворно повліять на промыслы воронежцевъ. Съ этихъ поръ для края имѣютъ серьезное значеніе набѣги однихъ только Крымцевъ и Кубанцевъ, но послѣднимъ, за дальностью набѣга, *изгономъ* былъ довольно труденъ, да и самыя набѣги этихъ двухъ ордъ бывали сравнительно не часты. Хлѣбопашество поэтому развилось настолько, что не только для мѣстныхъ потребностей ратныхъ и вообще служилыхъ кормовыхъ людей, не только для Донскаго отпуска, но и въ Москву на кормленіе стрѣльцовъ Правительство отказывается принимать стрѣleckими и житенными деньгами, требуетъ уже за мѣны ихъ хлѣбомъ. Въ одной изъ отысканныхъ нами грамотъ отъ 1672 г., царь Алексѣй Михайловичъ пишетъ, между прочимъ воронежскому воеводѣ, что де сборщики, которые вѣзятъ къ Москвѣ съ стрѣльцкими деньгами «взявъ тѣ деньги, хлѣбъ покупаютъ на Москвѣ жъ, съ возовъ и съ судовъ, а не въ Украинныхъ городехъ и отъ тѣхъ подрядчиковъ въ закупѣ хлѣба на Москвѣ цѣна на хлѣбъ прибываетъ и всего Нашего государства людямъ отъ того утѣсненіе и убытки и тому впредь отнюдь не быть, чтобъ отъ того въ посадѣхъ тягости, а на Москвѣ на хлѣбъ дорогія цѣны и бѣднымъ людямъ утѣсненіе не было». Въмѣстѣ съ хлѣбопашествомъ значительно развились и рыболовство и пчеловодство и садоводство и огородничество, а у Острожскихъ черкасскъ особое развитіе получили ското-и овцеводство. Черкассы преимущественно занимались посѣвами пшеницы, овса, ячменя и льна, а также и при томъ въ очень широкихъ размѣрахъ—хмѣлеводствомъ. Причина преобладанія этихъ растеній заключалась въ исключительномъ правѣ безпошлиннаго винокуренія и безоброчнаго пивкованія, коими пользовались долгое время черкассы. Обширность района посѣва пшеницы видна изъ великаго множества мельницъ, построенныхъ черкассами уже въ первыя 20 лѣтъ ихъ переселенія. Черкасскія мельницы отличались отъ мельницъ Великоруссовъ тѣмъ, что дѣйствовали преимущественно силою вѣтра, а не воды. Въ строеніи подобныхъ мельницъ они отличались большимъ искусствомъ. Такъ рассказываетъ

Дебруинъ, что онъ видѣлъ (1702 г.) полъ Воронежъ по дорогѣ къ пристави на Дону парусную мельницу, построенную какимъ-то черкассомъ, которая отличалась необыкновеннымъ устройствомъ. Она имѣла форму восьмугольника; внутри зданія помѣщались четыре мельницы, которыя дѣйствовали одновременно, безъ крыльевъ и безъ всякихъ другихъ видимыхъ приспособленій для примѣненія силы вѣтра. Внутри главной мельничной постройки было устроено семь парусовъ, которые походили на обыкновенные барочные паруса, а само зданіе было снабжено закрывавшимися снаружи большими ставнями или дверьми. При благопріятномъ вѣтрѣ открывали двѣ или три ставни съ той стороны, откуда дулъ вѣтръ и черезъ эти отверстія вѣтръ, врываясь съ силою, падувалъ паруса и такимъ образомъ приводилъ въ быстрое движеніе весь механизмъ *).

Для развитія пчеловодства Правительство долгое время разыскивало нѣкоторую часть повинностей медомъ и воскомъ. О размѣрахъ медоваго и восковаго сбора можно судить по тому, что съ одного Битюцкаго ухозя за три года аренды (1670—80 гг.) Правительство взиало кромѣ причитавшихся 354 р. 16 алт. 4 денегъ, — двадцать пудовъ меду, а воску одно время Воронежъ отсылалъ въ Москву до 10 пудовъ. Узнавъ объ искусствѣ воронежцевъ въ выленіи и копченіи рыбы, царь Алексѣй Михайловичъ поручилъ въ 1670 г. Воронежскому воеводѣ нанять особенно свѣдущаго въ этомъ дѣлѣ воронежца, который дѣлалъ бы запасы рыбы и отправлялъ въ Москву. Рыболовство было также очень развито и составляло одно изъ доходнѣйшихъ оброчныхъ статей казны. Съ этою цѣлю, всѣ воды были раздѣлены на жеребья, а жеребьи на тони, а въ большихъ рѣкахъ отдѣльно также отдавались въ оброчное содержаніе затонъ, затонаецъ, плесо или звѣно рѣки.

Во второй половинѣ XVII столѣтія воронежцы занимались уже обработкою многихъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Въ болѣе обширныхъ размѣрахъ существовали производства винокуренное, медоваренное, мукомольное, рыбное, воскобойное, кожевенное, селитренное, а затѣмъ въ менѣе значительныхъ размѣрахъ дрожжевое, укусное (и то, и другое преимущественно у черкассы) выдѣлка крупы, восковыхъ и сальныхъ свѣчей и ин. др.

Мѣропріятія Правительства къ развитію мѣстной сельско-хозяйственной промышленности выразилось къ этому времени въ попыткѣ привлечь Воронежцевъ къ участию на ярмаркахъ Сѣвера. Тази грамотою отъ 1 мая 1664 царь Алексѣй Михайловичъ предписываетъ воронежскому воеводѣ Якову Ивановичу Татищеву выслать съ Воронежа и съ уѣзда его на Вологодскую городскую ярмарку продукты мѣстнаго сельско-хозяйственнаго производства, какъ напр., смальчугъ, пеньку, поташъ, юфть, соболей, сало говяжье и т. п. Изъ этой грамоты видно, что это далеко не первая грамота царя, что озабочивалась развитіемъ сельскаго хозяйства Украйны, онъ уже ранѣе неоднократно писалъ объ этомъ прежнимъ воронежскимъ воеводамъ, Сонцову и Кривцову, но

*) Снимокъ съ этой мельницы былъ помѣщенъ въ Воронъ Юбил. Сборн., 1886 г. т. I, при статьѣ 1. *Воронежъ*, автора.

что послѣдніе не только ничего не предприняли, но даже и не отписали ничего въ свое оправданіе *).

Въ этомъ положеніи находилась мѣстная сельско-хозяйственная промышленность ко дню прибытія въ Воронежъ великаго Преобразователя Россіи.

Петръ I началъ съ того, что собственноручно развелъ виноградъ разныхъ сортовъ въ Воронежѣ (на Чижевѣ), завелъ бахчи и позаботился о возможно широкомъ распространеніи посѣвовъ пеньки, столь нужной ему для кораблестроенія. Вслѣдъ за угольнымъ сжениемъ и гонкою дѣгтя, одна за другою стали возникать фабрики и заводы, а чтобы лучше пріохотить воронежцевъ къ сельско-хозяйственной промышленности, онъ поручалъ имъ доставку съѣстныхъ и другихъ припасовъ для арміи и флота и вообще разные казенные подряды.

Главные сельско-хозяйственные продукты, составлявшіе предметы сбыта воронежцевъ во все продолженіе XVII вѣка были: хлѣбъ, вино, сало, рыба, пенька, галузь или анисъ, холстъ и кожа въ разныхъ видахъ.

Съ возвращеніемъ Азова Туркамъ, Петръ Первый, опасаясь, что за недостаткомъ предпріимчивости и частной инициативы въ дѣлѣ развитія фабрично-заводской промышленности обрабатывающей сельско-хозяйственные продукты, всѣ мѣстные имъ устроенные казенные фабрики и заводы придутъ въ упадокъ, передалъ ихъ въ руки мѣстныхъ дворянъ и именитыхъ купцовъ, а суконную фабрику особой компаніи, образовавшейся изъ мѣстныхъ выдающихся помѣщиковъ и торговыхъ фирмъ: дворянъ Веневитинова, Лосева, Титова и купцовъ Тулинова, Сахарова и Гарденина.

Такимъ образомъ оказывается, что первые мѣстные чугунолитейные, мѣдоплавильные (впослѣдствіи колокольные) кожевенные (на англійскій манеръ), парусные, лѣсопильные, канатные и суконные заводы и фабрики созданы рукою гениальнаго монарха. Толчокъ, данный имъ мѣстной сельско-хозяйственной промышленности, необычайно сильно оживилъ и мѣстную торговлю. Быстрое движеніе впередъ одинаково замѣчается какъ въ отношеніи хлѣбопашества, такъ и скотоводства. Зато въ XVII столѣтіи начинается постепенный упадокъ двухъ весьма важныхъ отраслей воронежской промышленности; мы подразумѣваемъ пчеловодство и рыболовство. Первая, вслѣдствіе значительнаго истребленія лѣсовъ, отодвигается къ сѣверу, причемъ звѣринный промыслъ совершенно прекращается, а вторая — все болѣе и болѣе къ югу, причемъ бобровые гоны и жемчужная ловля въ Дону исчезаютъ навсегда.

Изъ правительственныхъ мѣропріятій XVII в. послѣ Петра I къ развитію мѣстной сельско-хозяйственной промышленности отмѣтимъ: 1) Основаніе въ Острогжскомъ у. въ 1765 г. нѣмецкой колоніи Рибенсдорфа, состоящей изъ 72 семействъ Виртембергскихъ хлѣбопашцевъ. 2) Хлѣбный сборъ вмѣсто денегъ въ Воронежской губерніи въ 1769 г. для отправленія въ южные города на продовольствіе войскъ. 3) Высочайшее повелѣніе, въ томъ же году, воронежскому губернатору, принять мѣры къ размноженію посѣва пеньки, съ

*) У насъ въ рукахъ находится другой историческій документъ, изъ котораго видно, что подобныя распоряженія были сдѣланы и въ отношеніи Вологды, но тамоншіе воеводы повиновались были болѣе исполнительны, потому что вологодскіе купцы съ своими товарами пріѣзжали не только въ Воронежъ, но даже (при Петрѣ) въ Азовъ.

разрѣшеніемъ употребить на покупку сѣмянъ, для раздачи до пятисотъ рублей. 4) Закупка въ 1772 г. Правительствомъ до 20.000 четв. ржаной муки, для отсылки изъ Воронежа въ крѣпость св. Дмитрія. 5) Учрежденіе 18 октября 1772 г. *Воронежской торговой компаніи*, имѣвшей главною задачею расширеніе сбыта мѣстныхъ сельско-хозяйственныхъ произведеній; объ ней будетъ сказано ниже и 6) Имянной указъ (1774 г.) воронежскому губернатору Шетневу снабжать Московскую, Казанскую, Саратовскую и нѣкоторыя другія губерніи хлѣбомъ, въ которомъ чувствуется недостатокъ по причинѣ недорода и разореній Пугачева. Все это выстѣ взятое не могло не повліять въ высшей степени благотворно на развитіе мѣстнаго сельскаго хозяйства. И въ самомъ дѣлѣ съ тѣхъ поръ, по словамъ Болховитина, одинъ только г. Воронежъ отправлялъ ежегодно на 1.000.000 рублей хлѣба и сала. А въ 1779 г. изъ Воронежа было отправлено 2.000.000 пудовъ сала, 70.000 пудовъ шерсти, не считая хлѣба, пеньки и проч., а въ 1780 г., по словамъ того же историка, еще болѣе того. Громадный долженъ былъ быть сбытъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, если примемъ въ соображеніе, что рѣчь здѣсь идетъ объ одномъ только городѣ Воронежѣ, что обороты прочихъ городовъ: Острогожска, Павловска, Коротояка, Задонска и др. были сами по себѣ также весьма значительны.

Выше мы упомянули, что съ цѣлію возможно широкаго развитія сельско-хозяйственной промышленности и столь тѣсно связанной съ нею торговли Воронежской губерніи, Правительство учредило въ 1772 Торговую Компанію въ Воронежѣ, присвоивъ ей права и преимущества, какими не пользовалось ни одно торговое общество ни до, ни послѣ этого. Объ этой «компаніи» такъ мало извѣстно и условія ея возникновенія настолько интересны, что нельзя на этомъ не остановиться нѣсколько подробнѣе.

Мы ранѣе видѣли неоднократныя попытки со стороны Правительства ввести Воронежскій край въ торговныя сношенія съ нашимъ тогда еще единственнымъ сѣвернымъ портомъ, съ Архангельскомъ. Попытки эти, какъ мы уже знаемъ, были неудачны не потму одному, что воронежскіе воеводы Кривцовъ, Сонцовъ, Бухвостовъ и проч. были не исполнительны, но главнымъ образомъ потому, что попытка эта въ дѣйствительности не согласовалась съ интересами мѣстной торговой промышленности, которая къ концу XVII в. на самомъ дѣлѣ успѣла принять довольно широкіе размѣры, но — почти исключительно благодаря весьма дешевымъ и весьма удобнымъ естественнымъ путямъ сообщенія, коими судьба благословила Воронежскую губернію. Сотни бударъ и дошаниковъ спускались ежегодно по Дону въ казачьи города и южнѣе, или же *перельзали* у Качалинска въ Волгу, свюя по всѣмъ направленіямъ, повсюду сбывая сельско-хозяйственные и кустарныя произведенія Воронежской губерніи. Судходныя рѣки — Донъ и Волга съ притоками — вотъ гдѣ крылась настоящая причина быстрыхъ успѣховъ Воронежской промышленности. Не только съ Архангельскомъ, но даже съ Москвою *гужевал*, т. е. сухопутная торговля, производившаяся почти исключительно зимнею порою, въ отношеніи дешевыхъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ не представляла для торговаго человека ровно ничего интереснаго, когда одна барка на Дону поднимала болѣе, чѣмъ 100 подводъ по сухому пути. Наглядное подтвержденіе этому мы уже ранѣе видѣ-

ли въ неоднократныхъ попыткахъ сборщиковъ хлѣбныхъ повинностей, закупать хлѣбъ въ Москвѣ на наличныя деньги, вопреки требованію Правительства взимать и доставлять въ Москву хлѣбомъ, а не деньгами.

Но что могло служить еще загадкой въ царствованіе Алексѣя Михайловича, то было уже вполне ясно для Екатерины II. Сто лѣтъ назадъ ни Америка, ни Индія не заваливали еще европейскіе рынки привознымъ хлѣбомъ, а между тѣмъ многія европейскія государства, преимущественно сѣверныя, начинали уже чувствовать недостатокъ въ немъ. Хлѣбъ и сало — богатство нашихъ степныхъ губерній — могли встрѣтить извнѣ серьезную конкуренцію, вслѣдствіе затруднительности и дороговизны доставки ихъ къ сѣвернымъ и сѣверо-западнымъ портамъ; попытка же Петра I, посредствомъ каналовъ поправить дѣло, какъ извѣстно, не привела къ цѣли. Для мудрой Екатерины II была ясна причина неисполнительности украинскихъ воеводъ царя Алексѣя и упорство воронежцевъ, не пожелавшихъ войти повидимому въ столь выгодныя торговыя сношенія съ сѣверомъ. Въ силу географическихъ и историческихъ условій — воронежская промышленность тяготѣла къ югу и юго-востоку. Все это не могло укрыться отъ мудрой Екатерины II, и она рѣшила сдѣлать Воронежъ *южнымъ Архангельскомъ*. Это было тѣмъ своевременнѣе, что Архангельскъ послѣ Петра I началъ быстро терять свое прежнее торговое значеніе, вслѣдствіе того, что житницы Россіи стали незамѣтно тяготѣть къ югу, по путямъ указаннымъ имъ гениальнымъ Преобразователемъ Россіи. Будары, дощаники и барки, нагруженные сельско-хозяйственными произведеніями, все чаще и чаще стали спускаться по Волгѣ и по Дону и все рѣже и рѣже направлялись они къ сѣверу. Мудрая Екатерина II намѣтила Нижній Новгородъ крайнимъ южнымъ центромъ, отсюда торговлѣ еще выгодно было направлять свои предметы сбыта къ сѣвернымъ портамъ, Архангельску и Петербургу. Въ 1767 г. она предложила Нижегородскому губернатору пригласить мѣстныхъ *лучшихъ* купцовъ образовать торговое общество на акціяхъ *для отпуски хлѣбныхъ и другихъ товаровъ въ верховыя города и въ С.-Петербургъ*. Общество образовалось довольно скоро и результаты его дѣятельности вполне оправдали ожиданія Императрицы. Тогда она приступила къ исполненію другой части задуманнаго плана, — къ урегулированію южной торговли. Необходимо было для этого избрать торговымъ центромъ какой либо изъ южныхъ городовъ; но Крымъ еще тогда не былъ присоединенъ къ Россіи и не имѣя поэтому возможности избрать болѣе южный городъ, Императрица слѣдуя примѣру Петра I, также остановилась на Воронежѣ. Здѣсь, по ея мысли, должно было возникнуть акціонерное общество для торговыхъ сношеній съ югомъ; слѣдовательно, здѣсь должны были вновь завязаться въ широкихъ размѣрахъ торговыя сношенія не только съ юго-востокомъ, но и съ западными государствами. Но подобная *мореходная* торговля требуетъ и мореходныхъ судовъ и подготовленныхъ къ этому мореходцевъ; императрица это предвидѣла и рѣшила, въ случаѣ сформированія подобнаго общества въ Воронежѣ, возложить на адмиралтейства обязанность строить для этого общества *торговые корабли* и снабжать ихъ *обученными мореходцами*, и такъ какъ это общество, какъ увидимъ далѣе, въ послѣдствіи образовалось, а въ равнѣ утвержденномъ уставѣ Нижегородскаго акціонернаго общества вѣтъ и намёка о мореходствѣ и мореходцахъ,

то отсюда вытекает очень любопытный для насъ фактъ, что Воронежъ вправдѣ считать себя колыбелью не только *военнаго*, но и *торговаго* флота, если не всероссийскаго, то во всякомъ случаѣ южнаго.

Для осуществленія своей мысли императрица удачно воспользовалась очень удобнымъ моментомъ, это — отложеніе татаръ и ногайцевъ отъ Турціи, которые составили новую независимую область, отдавшись подъ покровительство Россіи *). Отдѣлившись отъ Турціи, они на первое время нуждались во многомъ, а въ особенности въ хлѣбѣ. На нашемъ Правительствѣ лежала теперь обязанность позаботиться о своихъ будущихъ подданныхъ, о снабженіи ихъ всѣмъ необходимымъ; съ другой стороны, слабая, еще неразвинаяся промышленная предприимчивость укрainны, еще не привычная къ крупнымъ торговымъ операціямъ съ сопряженнымъ съ ними рискомъ, вскормленная обезпеченными казенными подрядами Петровскихъ адмиралтействъ, — подобную промышленность, чтобы заставить выйти изъ прежнихъ тѣсныхъ и замкнутыхъ рамокъ, необходимо было на первое время поощрить какою либо приманкою. Тѣмъ же татарамъ и ногайцамъ, благодаря которымъ возникъ нашъ военный флотъ, волею судьбы, суждено было служить поводомъ возникновенія и торговаго флота. Въ декабрѣ 1771 г. императрица писала воронежскому губернатору Маслову.

«Изъ обнародованнаго уже и нынѣ обнародываемаго отъ Нашего Сената Указовъ извѣстны вы, что всѣ Татары отъ Порты отложились и составили новую независимую область подъ покровительствомъ Нашимъ. Симъ образомъ открылся теперь Намъ путь къ возобновленію съ сими народами безпрепятственной торговли. И какъ они, отдѣлившись отъ Турковъ, имѣютъ нужду особливо въ хлѣбѣ, то Мы, желая оказать имъ въ томъ вспомошествованіе, равно же и доставить Нашимъ подданнымъ отъ того пользу, повелѣваемъ вамъ признать къ себѣ изъ лучшихъ города Воронежа купцовъ и поговорить съ ними, не похотятъ ли они одни, или же обще съ другими купцами установить компанію хлѣбной въ Крымъ и въ другія Татарскія мѣста торговли по примѣру учиненной въ 1767 году Нижегородскими купцами, а потомъ и намъ донести о ихъ на то отзывяхъ. И дабы вы имѣли свѣдѣніе о той Нижегородской компаніи, посылаемъ Мы при семъ копію съ поданной Намъ отъ тамошнихъ купцовъ о семъ челобитной и съ Нашей на то резолюціи».

Приложенную при письмѣ челобитную нижегородцевъ мы здѣсь не помѣщаемъ, какъ не имѣющую для насъ прямого интереса. Масловъ пригласилъ къ себѣ мѣстныхъ *коммерсановъ* и, представивъ имъ выгоды какъ для нихъ, такъ и для государства отъ *мореходной* торговли, предложилъ имъ соединиться въ акціонерное общество и выработать проектъ устава. Почти всю зиму провозилось воронежское купечество надъ составленіемъ *челобитной*, которая наконецъ была отправлена на Высочайшую *конфирмацію*. И самая челобитная и *резолюція* на всѣ 25 пунктовъ, ее составляющіе, настолько интересны, что мы рѣшились помѣстить ихъ цѣликомъ, дословно, отиѣтивъ курсивомъ наиболѣе интересное. Изъ этихъ 25 пунктовъ и изъ приложенныхъ къ нимъ резолюцій наглядно видны цѣли, къ которымъ стремились съ одной стороны Правительство, а съ другой — наши мѣстные *коммерсаны*. Мы уви-

*) Ногайская орда, откожившаяся отъ Турецкаго подданства, вышла въ 1770 г. изъ Дѣйира и изъ Крыма и поселилась на Кубани.

димъ, какъ мѣстные капиталисты, будучи далеки отъ всякихъ соображеній высшаго порядка, стремились лишь къ одной корыстной цѣли, красною нитью пронизывающей всѣ 25 пунктовъ *проекта*,—къ возможно большей наживѣ и къ полному захвату всего судоходства въ свои руки, что имѣло бы гибельныя послѣдствія для экономическаго благосостоянія всего края, но мы также увидимъ, какъ къ этому отнеслась мудрая Правительница.

ЧЕЛОВИТЪЕ ВОРОНЕЖСКАГО КУПЕЧЕСТВА.

По высочайшему Ея Императорскаго Величества соизволенію воронежское купечество къ торговлѣ хлѣбной въ Крымъ и въ другія татарскія мѣста компанію составить желаетъ на нижеслѣдующемъ:

Резолюція. Компанію называть просто: воронежская торговая компанія, а торговать ей чѣмъ и куда заблагоразсудить.

1. Въ компанію положить акціевъ, кто сколько пожелаетъ, только бы каждая акція была *не меньше пяти сотъ* рублей, однако съ тѣмъ, кои нынѣ въ семь прошеній съ нами согласны, а которые нынѣ къ той торговлѣ приступить желанія не имѣютъ, таковыя уже послѣ *приступить* и класть свои акціи *права не имѣютъ*, развѣ таковыхъ компанія по общему всѣхъ компанейщиковъ согласію принять пожелаетъ, и тѣ акціи, внося въ кантору, отдавать опредѣленнымъ при директорахъ казначеямъ съ роспискою.

Резолюція. Въ оную компанію положить, кто сколько хочетъ акціевъ, только бы не менѣ каждая акція имѣла *пятидесяти* рублей, и *никому не запрещать* въ компанію *вступать вновь*, или уже записавшимся прибавлять акціи, и тѣ акціи, внося въ кантору, отдавать опредѣленнымъ при директорахъ казначеямъ съ роспискою.

2. Покупкой въ городѣ Воронежѣ и въ другихъ мѣстахъ компаніею хлѣбъ и прочіе товары до крѣпости Таганрогской отпускаемы быть имѣютъ *рѣкою Дону на собственныхъ своихъ судахъ* и наемными работными людьми и прочими принадлежащими къ тому потребными матеріалами.

Резолюція. Хорошо.

3. По прибытіи въ Таганрогскую крѣпость, предписанныхъ судовъ, кои непремѣнно слѣдуетъ перегружать въ другіе и способные къ мореходству суда, но за неимѣніемъ нынѣ оныхъ у насъ всеподданнѣйше просимъ Ея Императорскаго Величества на первой случай быть казеннымъ какъ судамъ, такъ и потребному числу мореходцамъ съ заплатою за все то изъ компанейской суммы, какая отъ Ея Императорскаго Величества положена быть имѣеть.

Резолюція. Оные суда на первой годъ лавы будутъ ежели есть готовые, тако жъ и мореходцы на щетъ компаніи по первому отъ адмиралитетства вчисленію.

4. Однако впредъ для постройки мореходныхъ судовъ потребнаго числа въ вырубкѣ лѣсовъ, безъ чего миновать невозможно, позволить въ указныхъ мѣстахъ гдѣ способно.

Резолюція. А впредъ компанія имѣеть заранѣе заказать тѣ суда, въ

конхъ ей нужда будетъ, чрезъ воронежскаго губернатора, какъ ея протектора, на донскихъ казенныхъ верфяхъ, на конхъ оныя строить безъ отлагательства на щетъ компаніи за деньги, вочто казнѣ стануть, а рубку лѣсу и вывозъ оваго изъ отведенныхъ ей отъ губернатора мѣстъ должно чинить самой компаніи.

5. Когда тѣ отпущенные компаніею съ грузомъ суда придутъ въ крѣпости Дмитріевскую, Азовскую и Таганрогскую, а потомъ и въ Крымскую область, то, какъ для складки того груза, такъ и подъ постройку компанейскимъ коштомъ магазиновъ, отвести пристойныя къ торговлѣ мѣста, а при первомъ случаѣ чтобъ не учинилось хлѣбу и прочимъ товарамъ траты, допустить къ положенію въ казенныя магазины, ежели оныя есть.

Резолюція. Всякой торгъ заключается на взаимной пользѣ покупателя и продавца, и для того какъ Крымъ есть область независимая ни отъ кого, то что касается до магазиновъ, о семъ сама компанія должна стараться, но пока войска наши въ Крыму пробудутъ, то командирамъ оныхъ дается на то время повелѣніе дѣлать компаніи возможное во всякомъ случаѣ вспоможеніе, въ крѣпости же святаго Дмитрія, въ Азовѣ и Таганрогѣ имѣетъ сама компанія просить у тамошнихъ командировъ о отводѣ ей пристойныхъ мѣстъ для магазиновъ, которые имъ и даны будутъ, буде есть порожнія, однакожъ съ тѣмъ, что есть ли на нихъ въ *три года* не будетъ построено, то оныя паче возмущаются въ казну, и вторично компаніи такихъ мѣстъ дано не будетъ въ пустыя же казенныя магазины, гдѣ оныя есть, на первой случай и на первой годъ дозволяется компаніи свои товары складывать.

6. Заготовляемой компаніею хлѣбъ для отпуска въ Крымъ и другія татарскія селенія, всеподданнѣйше Ея Императорскаго Величества просимъ всемилостивѣйше повелѣть оной отпускать безъ платежа пограничныхъ таможенныхъ пошлинъ, и по привозѣ въ тѣ мѣста производить вольную продажу какъ въ казну, такъ и партикулярнымъ людямъ, безпрепятственно, и вырученныя за оной деньги какъ российскія, такъ и иностранныя отдавать тамъ въ казну Ея Императорскаго Величества, а вмѣсто оныхъ получать здѣсь въ Россіи, гдѣ способно.

Резолюція. Заготовляемой компаніею хлѣбъ для *отпуска за море* дозволяется вывозить беспошлинно, на столько мѣтъ, *какъ нынѣ городу Архангельскому* дозволеніе дано, и то не болѣе двухъ сотъ тысячъ четвертей на годъ, и продавать оной безпрепятственно кому похотятъ. О вырученныхъ же деньгахъ теперь положить ничего не можно, а всякое вспоможеніе сей компаніи дѣлать, будетъ приказано.

7. Ежели изъ привезеннаго компаніею въ тѣ мѣста на первой годъ хлѣба, по прошествіи полугода, отъ вольной продажи нѣкоторое количество останется, въ такомъ случаѣ, чтобъ компанія не могла понести убытковъ, повелѣно бѣ было тотъ оставшей хлѣбъ взять въ тамошнія казенныя магазейны съ заплатою за оной здѣсь въ Воронежѣ въ компанейскую контору по такой цѣнѣ, почему оной до тѣхъ мѣстъ со всѣми расходами коштовать будетъ, а къ тому, въ пользу компаніи, что съ покупки до самой доставки въ крымскую область продолжата имѣетъ не малое время, сколько подлежитъ при-

были, сіе всеподданнѣйше предаемъ въ высочайшее Ея Императорскаго Величества соизволеніе.

Резолюція. Какъ съ одной стороны компаніи дозволено всякимъ людямъ продавать свой товаръ, такъ и съ другой, покупать оной всякому вольно; но казнить таковыя обязательства, какихъ компанія требуетъ, были бы тягостны.

8. При возвращеніи оттолъ судовъ, чтобъ компанія могла пользоваться прибылью, повелѣть грузить въ тѣ суда, которые отсель съ грузомъ отправляться будутъ, или и сверхъ того компаніею за полезное признано будетъ, то невозбранно было умножить противу тѣхъ отправленныхъ отсель судовъ вольныхъ, сколько компанія разсудитъ тамошнюю соль безъ платежа пограничныхъ таможенныхъ пошлинъ, и по вывозѣ въ Россію употреблять въ вольную продажу въ указныхъ мѣстахъ, а именно: въ малой Россіи и войска донскаго въ станицахъ, тожъ въ слободкой украинской губерніи, естлижъ за тою вольною продажею ежегодно какая сумма оставаться будетъ, оную принимать здѣсь въ Воронежѣ — въ казну Ея Императорскаго Величества, полагая компаніи за провозъ за каждой пудъ по такой цѣнѣ, по какой платежъ происходитъ по ставочной съ Элтовскаго озера и съ трехъ сложныхъ 1769, 1770 и 1771-го годовъ цѣнъ.

Резолюція. Построенные на казенныхъ верфяхъ суда позволяется компаніи въ обратной изъ Крыма путь, куда они съ здѣшнимъ товаромъ ходили, грузить солью, а отнюдь *не наемные*, и оной соли привозить ежегодно компаніи извѣстное число, и конечно не превосходяще, сколько въ тѣхъ мѣстахъ по расходу потребно, и о семъ или съ соляною конторою, или съ губернаторомъ здѣлать компаніи порядочной контрактъ съ такою осторожностію, дабы въ случаѣ недоставки въ потребное число на продажу тамошнія мѣста не здѣлать безъ соли, а самой компаніи въ вольную продажу оной не употреблять.

9. Что бъ компанія по заготовленіи къ сей коммерціи всѣхъ принадлежащихъ потребностей, а слѣдовательно и употребленнаго на то немалаго компанейскаго капитала, не могла понести напрасныхъ убытковъ, всеподданнѣйше просимъ Ея Императорскаго Величества высочайшаго повелѣнія, чтобъ въ ту крымскую область *торгъ производитъ водяною коммуникаціею единственно одной* воронежской компаніи, прочимъ же всѣмъ торгующимъ въ компаніи какъ хлѣба, такъ и другихъ товаровъ водяною коммуникаціею отъ таганрогскаго порта, дабы оной компаніи не послѣдовало подрыву и большаго убытку, *возить запретить*.

Резолюція. *Компанія никому не препятствуетъ торговать* ни изъ постороннихъ, ни изъ своихъ соучастниковъ и въ компаніи, чѣмъ кто за благо разсудитъ и чѣмъ законы дозволяютъ.

10. На произведеніе предписанной компаніею хлѣбной и прочей торговли, имѣемъ употребить на первой случай собственнаго своего капитала до ста акцій, изъясняя притомъ, что есть ли въ послѣдующія потомъ годы надобность и польза компаніи требовать будетъ умноженія того капитала, то воронежское купечество, пользуясь высочайшею Ея Императорскаго Величества милостию, обязывается составить ту сумму до такого количества, сколько компанейская прибыль и распространеніе коммерческихъ дѣлъ того требовать будетъ.

Резолюція. Назначить мѣсяцы или сроки, въ коихъ ежегодно въ компа-

нію принимать акціи, и въ кон можно капиталъ изъять назадъ, а о продажѣ акцій объявлять компанія.

11. Ежели жъ кто изъ васъ захочетъ свои положенныя акціи продать другому, въ томъ отдается ему на волю, однако не иначе какъ *съ дозволенія всей компаніи*, въ разсужденіи что не похотятъ ли оное принять въ компанію за ту жъ сумму, за какую продать въ посторовнія руки, а ежели кто оное учинитъ безъ вѣдома компаніи, таковыхъ дѣйствительными не почитать равно и въ товарищество безъ согласія компанейскаго никому и никого не принимать.

Резолюція. Кто свой капиталъ по акціямъ назадъ взять похочетъ, тому изъ конторъ возвратитъ оной съ роспискою, вычтя у него два процента на сто, такъ же *вольнo и продать свои акціи вслѣдѣннѣ другому* безъ вычѣту, ибо акція есть не что иное какъ товаръ.

12. Отъ учрежденія компаніи въ полтора года ежели кто захочетъ взять свои акціи обратно, въ томъ хотя компаніи и несоритъ, однако должно въ пользу капитала кампаніи вычестъ изъ всей его суммы по десяти процентовъ на сто, въ число котораго вычета включить слѣдуетъ и пріобрѣтенную по то время прибыль, коя неотъемлема должна остаться въ рукахъ каждаго интересента противъ положенныхъ акцій, но естли послѣдуетъ и убытокъ, то поступать въ сходственность того, какъ выше сего о прибыли объявлено, а прежде предписаннаго срока никому обратно акціевъ не выдавать.

Резолюція. На сей пунктъ служить отвѣтомъ учиненная на десятой и одиннадцатой пункты резолюція.

13. Для правленія коммерческихъ дѣлъ какъ въ Воронежѣ, такъ и въ Крыму надлежатъ быть изъ тѣхъ компанейщиковъ въ каждой конторѣ по одному человѣку директоромъ, или сколько компанія рассудитъ, и прочимъ нижнимъ чинамъ потребному числу выбраннымъ погодно съ согласія всей компаніи, а кромѣ одного года, въ которой кто выбранъ будетъ компаніею, болѣе принужденія не дѣлать, естли же иногда нѣкоторые изъ компанейщиковъ какъ здѣсь, такъ и въ Крыму при тѣхъ должностяхъ сами быть пожелаютъ, и болѣе года, а при томъ и компанія на то будетъ согласна, въ томъ имъ не воспрещать; напротивъ же того, ежели за полезное признано будетъ ко исправленію директорской и другихъ должностей какъ въ Воронежѣ, такъ и въ Крыму принимать вольныхъ людей по согласному компанейскому мѣтвію, или изъ тѣхъ же соучастниковъ компаніи, кто быть пожелаетъ, полагая имъ такую плату, чѣмъ они будутъ довольны, и чтобъ компаніи было неотаготительно, оное не возбранно позволить.

Резолюція. Выбраннымъ директорамъ подписывать слѣдующій формуляръ: «по апробованному отъ Ея Императорскаго Величества для установленія воронежской торговой компаніи плану, будучи я нижеименованный выбранъ оною компаніею въ число ея директоровъ, обещаюсь ей поступать въ сей должности по чистой моей совѣсти, и стараться всѣмъ моимъ смысломъ установить и распространить пользу и кредитъ ея признавая: что кредитъ тамъ не можетъ состоять, гдѣ коварство и обманъ мѣсто имѣть будетъ; чего ради и почитаю себя за должность не токмо какъ согражданинъ, но наипаче еще въ соотвѣтствованіе возложенной на меня довѣренности въ выборъ меня отъ сей

компаніи директоромъ поступать съ доброю вѣрою и съ чистыми нековарными намѣреніями, въ разсужденіи пользы и кредита компаніи, и смотрѣть булу дабы зависящіе отъ меня то же исполняли; за всѣ сему противныя отъ меня поступки подвергаюся не токмо потерянію моихъ акцій въ пользу капитала компаніи, но и лишенію моего кредита, слѣдовательно и презрѣнію отъ моихъ согражданъ, и вѣчному неизбѣжному за то стыду и зазору, котораго всегда ожидать имѣетъ всякой не честнымъ, но бездѣльнымъ образомъ свои поступки учреждающій человекъ, а наипаче купецъ, который не можетъ имѣть кредита, есть ли основываетъ свой торгъ на обманъ и хитрости. Сіе мое въ честность и вѣрное отправленіе моеи воронежской торговой компаніи директорской должности обѣщаніе своеоручно и подписую.

Выборъ же повѣреннаго при посылкѣ товара, или онаго пребываніе въ томъ или другомъ портѣ, смотря по надобности въ томъ, компаніи отдается ей на волю.

14. Что жъ слѣдуетъ по обязанности директорской при вступленіи въ нхъ должность, то она состоятъ имѣть во всей точности какъ отъ Ея Императорскаго Величества на 2 пунктъ представленныхъ отъ нижегородской компаніи кондиціевъ всевысочайше повелѣно, и оное служить будетъ закономъ.

Резолюція. Хорошо. (Во 2-мъ пунктѣ Нижегородскихъ кондицій говорится: «Выбраннымъ двумъ директорамъ подписывать слѣдующій формуляръ: По апробованному отъ Ея Императорскаго Величества для установленія Нижегородской торговой компаніи плану, будучи я нижеименованный выбранъ оною компаніею въ число ея директоровъ, обѣщаюсь ей поступать въ сей должности по чистой моеи совѣсти, и стараться всѣмъ смысломъ моимъ установить и разпространить пользу и кредитъ ея, признавая, что кредитъ тамъ не можетъ состоять, гдѣ коварство и обманъ мѣсто имѣть будетъ, чего ради и почитаю себя за должность не токмо какъ согражданинъ, но наипаче еще въ соотвѣтствованіе возложенной на меня довѣренности въ выборѣ меня отъ сей компаніи директоромъ поступать съ доброю вѣрою и съ чистыми нековарными намѣреніями въ разсужденіи пользы и кредита компаніи, и смотрѣть буду, дабы зависящіе отъ меня тоже исполняли; за всѣ сему противныя отъ меня поступки подвергаюся не токмо потерянію моихъ акцій въ пользу капитала компаніи, но и лишенію моего кредита, слѣдовательно и презрѣнію отъ моихъ согражданъ, и вѣчному неизбѣжному за то стыду и зазору, котораго всегда ожидать имѣетъ всякой не честнымъ, но бездѣльнымъ образомъ свои поступки учреждающій человекъ, а наипаче купецъ, который не можетъ имѣть кредита, есть ли основываетъ оной торгъ на обманъ и хитрости. Сіе мое въ честность и вѣрное отправленіе моеи Нижегородской торговой компаніи директорской должности обѣщаніе своеоручно и подписую.

Щетамъ же всегда должно быть въ такой исправности, чтобъ каждой интересентъ когда похочетъ, могъ по онымъ вѣрно дѣлать свои выправки, и видѣть обращеніе дѣлъ, что честнымъ людямъ никогда огорчительно быть не можетъ).

15. Для ревизованія данныхъ приходчикамъ при канторѣ книгъ, выбирать для щета ежегодно по надлежащему числу компанейщиковъ, которые по окончаніи должны объявить ту ревизовку всѣй компаніи, и ежели они въ томъ по-

кажутъ что умышленно, съ таковыми повелѣно бѣ было поступать во всемъ такъ, какъ отъ Ея Императорскаго Величества на 4 пунктъ кондицій нижегородской компаніи въ резолюціи Всевысочайше повелѣно.

Резолюція. Хорошо. (Въ 4-мъ пунктѣ Нижегородскихъ кондицій говорится: «Штрафы сей компаніи должны состоять 1) За несмотрѣніе по нерадѣнію или лѣности, въ выговорѣ отъ директоровъ при всѣхъ соучастникахъ сей компаніи кон на лицо. 2) За упущеніе въ денежномъ штрафѣ. 3) За бездѣлство и обманъ, въ потеряніи акціи въ пользу капитала компаніи, вынаніи изъ компаніи и запрещеніи всѣмъ компанейщикамъ знаться съ нимъ. 4) За всѣ вышесписанные вины вмѣстѣ или за нѣсколько изъ нихъ совокупно, кои нарушаютъ добрую вѣру, въ публикованіи отъ компаніи его вины, дабы стереглися граждане отъ такого человѣка, который за нарушеніе правила компаніи выгнать изъ оной. Всѣ же тѣлесныя наказанія запрещается компаніи употреблять»).

16. Всѣ тѣ коммерческія дѣла производить опредѣленнымъ къ тому ежегоднымъ директорамъ во всякой исправности и вѣрности, такъ какъ они при вступленіи въ должность подписками обязались, но еслии иногда въ несчастливыхъ приключеніяхъ составлять будетъ компанейскаго убытку болѣе тысячи рублей, въ такомъ случаѣ директора должны дѣлать всѣмъ компанейщикамъ повѣстку, и по учиненіи общественнаго приговора поступать по оному безъ изыятія, есть ли же кто по повѣсткѣ на совѣтъ не будетъ, кромѣ законной причины, тому послѣ претензіи не имѣть, а быть какъ общимъ собраніемъ опредѣлено, а отсутствующимъ давать для всѣхъ компанейскихъ надобностей довѣренности, кому похотятъ.

Резолюція. Хорошо.

17. Въ случаѣ иногда къ произведенію коммерціи слѣдовать будетъ умноженіе назначеннаго нынѣ нами капитала, то въ разсужденіи чтобъ одинъ перецъ другимъ обижень не былъ, оной полагать слѣдуетъ не иначе, какъ въ сходствѣ положенныхъ акцій, почему на каждой рубль компанія положить согласится, равно и уменьшеніе дѣлать по тому жѣ.

Резолюція. Какъ единожды акціи уже постановлены, то компаніи, естьли она заблагоразсудитъ умножить свой капиталъ, чинить оное числомъ акцій, а не иначе, и то не только ей самой, но и всѣмъ тѣмъ, кто въ оную въ назначенное время акціи свои положить пожелаетъ, хотя бѣ въ одну акцію и нѣсколько персонъ сложились, чего ради *вольнѣ и самимъ каждымъ людемъ* для доставленія себѣ честнымъ образомъ пропитанія, еслии пожелаютъ *вносить складочную свою акцію*, которую и вписывать въ книгу подъ названіемъ ея интересентовъ.

18. По окончаніи всѣхъ коммерческихъ ежегодныхъ обратностей, приобретенную отъ той торговли прибыль, когда она за расхономъ будетъ оставаться болѣе пяти процентовъ на сто, дѣлить по равнымъ частямъ, кто сколько акціевъ имѣть будетъ, а оставшіе пять процентовъ оставлять въ капитальной компанейской суммѣ для несчастливыхъ приключеній.

Резолюція. По окончаніи шетовъ барышъ раздѣлить, когда одинъ за сто, тогда компанейщикамъ не брать, но обращать въ капиталъ, когда два за сто, то одинъ оставлять пакн на капиталъ, а другой отдѣлять для общихъ венча-

стивыхъ приключеній, какъ то жокаровъ и прочая, какъ разсудить; когда же болѣе, то сколько оставить въ торгъ и сколько раздѣлить по интересамъ или при щетѣ и всю прибыльную сумму для распространенія коммерціи, согласится оставить, о томъ учинить приговоръ.

19. При внесенія акціевъ имѣемъ мы между собою обязаться во всемъ на точномъ основаніи, какъ о директорахъ въ 15 пунктѣ сихъ изъясненій упомянуто.

Резолюція. Хорошо.

20. Есть ли же кто изъ директоровъ, кои приставлены будутъ къ производенію по канторѣ коммерческихъ дѣлъ, приличатся въ какомъ похищеніи компанейскаго интереса, и тѣмъ самовольно признаются, или неоспоримо доказаны будутъ, съ таковыми поступить по точной силѣ даннаго отъ нихъ при вступленіи въ директорскую должность письменнаго общанія.

Резолюція. Хорошо.

21. Опредѣляемая отъ компаніи въ Крымъ и другія мѣста для правленія коммерческихъ дѣлъ прикащики, ежели явятся въ начетахъ, а платитъ оныхъ будутъ не въ состояніи, то во отвращеніе сихъ непорядочныхъ поступковъ, дабы другіе дѣлать того не отваживались, всеподданнѣйше Ея Императорскаго Величества просимъ, Всевысочайше повелѣть съ таковыми поступать въ сходство ностановленныхъ о содержаніи нынѣшняго откупа питейныхъ сборовъ *генеральныхъ кондицій* 30-го пункта.

Резолюція. Отдать его *гражданскому* суду яко вора, естли укралъ.

22. Въ разсужденіи надобностей и нуждъ компанейскихъ, компанія за нужное находятъ всеподданнѣйше Ея Императорскаго Величества просить о всемилостивѣйшемъ повелѣніи къ находящимся въ крымской области російскихъ командъ начальникамъ, о защищеніи оную компанію, дабы она въ случаѣ надобностей и нуждъ компанейскихъ прибѣгнуть къ нимъ и въ правильномъ своемъ требованіи, удовольствіе получать могла.

Резолюція. Гдѣ наши будутъ начальники, тамъ въ справедливыхъ компаніи требованіяхъ ведѣ ей оказано будетъ покровительство.

23. Для отправления по сей компаніи коммерческихъ дѣлъ какъ самимъ участникамъ компаніи, такъ и прикащикамъ ихъ для посылки въ разныя мѣста, повелѣно бѣ было давать за указныя прогоны ямскихъ или обывательскихъ *подводъ* потребное число.

Резолюція. *Отказывается.*

24. Хотя по Всевысочайшему Ея Императорскаго Величества повелѣнію о составленіи сей въ Крымъ торговой компаніи нужныя кондиціи при семъ и представлены, но какъ при первомъ случаѣ всѣхъ подробностей, принадлежащихъ собственно до компаніи, здѣсь предписать не можно, то повелѣно бѣ было при началіи компаніи учинить особой между нами договоръ, и куда слѣдуетъ въ присутственное мѣсто объявить оной при доношеніи.

Резолюція. Есть ли оной договоръ будетъ сходствовать съ симъ планомъ компаніи, то оной дозволяется, а есть ли въ чемъ противенъ, то уничтожается, и силы имѣть не можетъ.

25. Естли же сіе всеподданнѣйшее наше прошеніе удостоится отъ Ея Императорскаго Величества Всевысочайшей конфирмаціи, то всеподданнѣйше Ея Императорскаго Величества просимъ Всевысочайше повелѣть *въ городѣ Во-*

проежъ съ уяздомъ другихъ городовъ купцамъ, — какъ до нынѣ производятъ различную покупку хлѣба на торговой площади у прѣзжающихъ изъ селъ и деревень жителей, а не у купцовъ, не имѣя съ здѣшнимъ купечествомъ въ понесенныхъ тягостяхъ ни малѣйшаго участія, ту *покупку имъ запретишь*, дабы компанія, а притомъ и все воронежское купечество, не могло нести напрасной обиды.

Резолюція. *Отказывается*; ибо торгъ есть дѣло вольное, и компанія, какъ уже выше сказано, не должна препятствовать ни кому торговать.

Впечатлѣніе, произведенное этими пунктами на императрицу легко видно изъ отвѣтнаго письма ея губернатору Маслову отъ 6 апрѣля 1772 г. «Присланные къ намъ отъ васъ пункты, — говорится въ немъ, — на которыхъ воронежское купечество желаетъ составить для хлѣбнаго торгу въ Крымъ и въ другія татарскія мѣста компанію, мы возвращаемъ къ вамъ съ нашею на каждой пунктъ резолюціею, съ тѣмъ чтобъ вы оную воронежскимъ купцамъ объявили и если они на все согласны будутъ, то позволяемъ вамъ оную нашу резолюцію подписать и начать исполнять самымъ дѣломъ, а потомъ для нашей конфирмаціи оную къ намъ прислать. Между тѣмъ изъясните имъ, что мы отнюдь не намѣрены были изъ сего торга дѣлать монополію, такъ какъ они оной весь въ свои руки забрать желаютъ, но единственно хотѣли чрезъ открывшуюся имъ паче другихъ нашихъ губерній *въ Крымъ коммерцію показать путь*, къ собственной ихъ пользѣ, такъ какъ мы и нижегородскому купечеству учрежденіемъ ихъ компаніи доставили не малую прибыль, которою они дѣйствительно уже пользуются».

Не только въ отношеніи разсматриваемаго вопроса, но и для характеристики самой императрицы, въ высшей степени интересна слѣдующая секретная приписка къ этому письму, сдѣланная Екатериной II *собственною ручкою*: «Мы должны вамъ сказать, что изъ присланнаго проекта вашихъ купцовъ видно, что нѣсколько человѣкъ зажиточныхъ людей стараются весь торгъ сей получить въ своихъ рукахъ, а намъ напротивъ того желанье есть, чтобъ доставить многимъ неимущимъ способъ къ приобрѣтенію чesнымъ образомъ пропитанія; однако мы изъ сего не исключаемъ и зажиточныхъ купцовъ, а того избегатьъ, чтобъ сіи послѣдніе съ исключеніемъ другихъ не дѣлались монополистами. Для заведенія порядка въ Кампаніи, старайтесь тѣхъ, кои Акціи возмуть, чтобъ директоровъ выбрали по базамъ, также чтобъ на каждого Предлога голоса собирали порядочно, а не крикомъ и шумомъ, какъ мужики на сходѣ».

Купцы согласились, и Воронежское акціонерное общество наконецъ состоялось. 10 октября 1772 г. уставъ былъ *конфирмированъ* императрицею, въ С.-Петербургѣ.

Между тѣмъ, пока формировалось воронежское торговое общество, извѣстный въ исторіи своими злодѣяніями Емелька Пугачевъ успѣлъ опустошить и залить человѣческою кровью почти все Приволжье. Уже не только для вывозной торговли Нижегородскаго общества не было лишнихъ запасовъ хлѣба, но Правительству пришлось позаботиться о прокормленіи мѣстнаго населенія. Предвидя близость конца смуты, императрица за нѣсколько дней до поимки Пугачева, 3 сентября 1774 г., писала воронежскому губернатору Шетневу: «Изъ

донесеній Нашего генерала, графа Петра Панина увѣдомились Мы, что въ разныхъ мѣстахъ Московской и Нижегородской губерній, какъ отъ худого урожая, такъ и по причинѣ буйства и разореній извѣстнаго изверга и бунтовщика Пугачева оказалась несвоя на хлѣбъ дороговизна, которой слѣдствиемъ, быть можетъ въ томъ краю и самой голодъ; по чему Мы предписали Нашимъ губернаторамъ, Московскому графу Остерману и Нижегородскому Ступишину, что если они найдутъ себя въ сущей невозможности установить стараніемъ своимъ въ провинціяхъ вѣренныхъ имъ губерній продовольствіе въ пропитаніи, какъ всѣхъ жителей, такъ и воинскихъ командъ, тамо пребывающихъ и вновь опредѣленныхъ, то обязаны они требовать отъ васъ по случаю и обстоятельствамъ помощи. Вамъ же симъ повелѣваемъ, когда по сему предмету получите вы отъ помянутыхъ губернаторовъ какія сообщенія или требованія, все то съ крайнимъ стараніемъ и посильнѣмъ распорядитъ и исполнить, что только отъ васъ зависить будетъ къ вышеписанному продовольствію хлѣбомъ жителей и войскъ нашихъ въ реченныхъ губерніяхъ. По чему въ самой скорости потщитесь тогда доставить потребное количество хлѣба, гдѣ по вашимъ сношеніямъ надобность предвидится или и окажется. Наконецъ не можемъ Мы однако жъ не сказать вамъ, что въ случаѣ нужды должны вы требовать наставленій отъ Нашего генерала графа Панина, и по его предписаніямъ, (какъ слѣдующимъ отъ главнаго начальника въ томъ краю нашихъ воинскихъ силъ, которому притомъ на случай и попеченіе разныхъ губерній отъ насъ препоручено, слѣдовательно и вся связь оныхъ взаимной надобности извѣстна), имѣете вы чинить непремѣнное исполненіе, а по сему и обязаны вы съ вѣдома и апробаціи его на ту закупку и провозъ хлѣба и изъ всякихъ сборовъ въ воронежской губерніи денежные суммы брать и употреблять сколько надлежитъ, вы обязаны такъ же требовать вспоможенія и отъ нашихъ губернаторовъ Бѣлогородскаго Давыдова и Слободскаго Украинскаго Щербинина, чтобъ они наградили недостатокъ изъ провинціи вѣренныхъ имъ губерній снабженіемъ достаточнаго количества хлѣба. Какое же учинено предписаніе по тому отъ насъ Московскому, Нижегородскому, Бѣлогородскому и Слободскому Украинскому губернаторамъ, прилагаются съ оныхъ точныя копія для свѣденія вашего. Въ прочемъ пребываемъ Мы вамъ Императорскою Нашею милостію благосклонны.

Не успѣли отправить этотъ приказъ Шетневу, какъ было получено въ Петербургѣ донесеніе Саратовскаго губернатора, что и его губерніи предстоятъ ужасы голода, въ особенности среди новыхъ поселенцевъ; вслѣдствіе чего императрица, 14 ноября, обратилась къ Шетневу съ слѣдующимъ приказомъ, характеризующимъ тогдашнее плачевное состояніе государства: «Дошло до свѣденія Нашего, что около Саратова живущіе поселенцы претерпѣваютъ недостатокъ въ хлѣбѣ, и что онаго далѣе 1-го числа будущаго генваря мѣсяца стать не можетъ. Также и по всеобщему неурожаю, Казанской, Нижегородской, Оренбургской и Астраханской губернаторы изъ своихъ губерній нужной имъ помощи здѣлать не въ состояніи; того ради повелѣваемъ: 1-е. Купивъ или подрядя немедленно въ воронежской губерніи двѣ тысячи четвертей оржаной муки отправить въ Саратовъ, съ тѣмъ чтобъ оная туда не отиѣнно къ первому числу будущаго генваря мѣсяца доставлена была, и ежели подрядомъ сего

исполнить возможности бы не было, такожъ и къ перевозкѣ покупнаго вольнонаемныхъ извозчиковъ въ скорости бы не отыскалось, то въ такомъ случаѣ имѣете перевозку сію учинить на подволахъ по наряду губерніи вашей съ жителями тѣхъ, отъ куда способѣе будетъ, наблюдая въ обоихъ случаяхъ то, чтобъ, какъ выше сказано, къ первому генваря оной хлѣбъ доставленъ былъ въ Саратовъ не отъѣвно, которой и отдать въ вѣдомство тамошней опекунской конторы. 2-е. Какъ сверхъ онаго количества потребно еще для оныхъ же поселенцовъ на пропитаніе считая съ начала марта до новой жатвы, то есть до сентября мѣсяца дватцать пять тысячъ четвертей муки, да для посѣва овса до десяти тысячъ, пшеницы до осьми тысячъ четвертей; то за благо разсудили Мы доставленіе въ Саратовъ и сего количества подрядомъ или покупкою возложить на ваше попеченіе обще съ губернаторами Вѣлгородскимъ и Слободскимъ Украинскимъ съ тѣмъ, дабы вамъ между собою все сіе разпорядить такимъ образомъ, что въ которой губерніи болѣе окажется въ хлѣбѣ избытковъ, тамъ бы и большее число закупки или подряда дѣлать и доставить въ Саратовъ въ такіе сроки, чтобъ по вышеозначенному недостатку упомянутые жители не остались безъ пропитанія и безъ посѣва, имѣя за правило, что Мы выгоднѣе почитаемъ хотя въ цѣнахъ учинить *нѣкоторую передачу*, только бы доставленіе хлѣба во всѣхъ случаяхъ было дѣлано безъ наряда, а вольнонаемными людьми или подрядомъ. 3-е. На покупку повелѣннаго числа хлѣба и на провозъ до Саратова употреблять деньги изъ наличныхъ суммъ, до статей конторы принадлежащихъ, а въ недостаткѣ, оныя изъ камеръ коллежскихъ доходовъ, поставляя всѣ таковыя издержки на счетъ опекунской канцеляріи, которой дано повелѣніе немедленно возвратитъ оныя въ тѣ вѣдомства, отъ куда деньги отъ васъ употреблены будутъ.

Въ отвѣтъ на это, Шетневъ успѣшилъ отправить въ Саратовъ изъ Хоперской крѣпости 2000 четв. ржаной муки, сообщивъ въ то же время въ Петербургъ печальную новость, что «въ ввѣренной мнѣ губерніи, по неурожаю хлѣба, многія въ народѣ не имѣютъ нужнаго себѣ пропитанія». Къ этому донесенію Шетневъ присовокупилъ нижеслѣдующую, не безъинтересную для насъ вѣдомость почему онъ покупалъ хлѣбъ для Саратова:

Вѣдомость воронежскаго губернскаго магистрата по чему въ городѣ Воронежѣ на торговой площади въ прошедшемъ сентябрѣ мѣсяцѣ сего 774-го году провіантъ и фуражъ въ покупкѣ имѣлся, о томъ значить ниже сего, а именно:

Настоящая цѣна хлѣбу.	Сентября съ 1 по 11.		Съ 11 по 18		Сентября съ 18 октября по 1 число.	
	РУБ.	КОП.	РУБ.	КОП.	РУБ.	КОП.
Рожь чет.	1	85	1	90	1	90
Ржаная мука въ указной вѣсъ въ полюсьма пуда чет.	2	6	2	6	1	80
Крупа просеная чет.	4	—	4	—	4	—
Овесь чет.	1	20	1	20	1	10
Сѣва пудъ	—	8	—	8	—	8

Шетневу было высказано неудовольствіе за «превосходныя» цѣны хлѣба, купленнаго для Саратова, а въ отношеніи нужду терпящихъ воронежцевъ ему было предписано: «Въ уѣздныхъ городахъ состоящихъ посреди нужду претерпѣвающихъ мѣстъ, имѣете вы зачать дѣланіе рвовъ около тѣхъ городовъ за умѣренную денежную или хлѣбную изъ казны плату всякому полу и возрасту людей, ибо кто не можетъ рыть землю, тотъ носить оную будетъ мало или много. Сиямъ способомъ, буде порядочно установите, люди отъ побѣга, неистовства и праздности удержаны будутъ и доставится имъ вспоможеніе въ прокормленіи. Всѣ же таковыя работы должны быть добровольны. Отнюдь не нарядомъ и не съ такою огласкою, чтобы изъ изобильныхъ мѣстъ къ вамъ работники стекались».

Но не только въ хлѣбѣ, а и въ лѣсѣ и лошадяхъ для перевозки его одинаково ощущали сильнѣйшій недостатокъ, такъ что государыня Екатерина II вынуждена была, для облегченія ала согласиться, «въ виду скудности обывателей, за назначенный на ихъ подводяхъ перевозъ до Саратова хлѣба, платить подводчикамъ двойные прогоны».

Въ виду этого считаемъ нелишнимъ сдѣлать краткій обзоръ успѣховъ земледѣлія, лѣсоводства и коневодства за эти 200 лѣтъ (1586—1786) въ придонскомъ краѣ.

Намъ, современнымъ обитателямъ придонскаго края, трудно себѣ составить и отдаленное понятіе о той роскошной картинѣ, какую представляла въкогда эта громадная область, въ эпоху колонизацій безбрежныхъ степей ея выходами изъ внутреннихъ областей тогдашняго Московскаго государства и переселенцами изъ Западнороссіи, т. е. во второй половинѣ XVI столѣтія.

Почти вся придонская область представляла безбрежную, необозримую, лишь мѣстами слегка всхолмленную равнину, покрытую многолѣвковыми, величественными дубравами, лишь изрѣдка прерывавшимися роскошными лугами. Въ то время такіе лѣса, о которыхъ въ наши дни трудно себѣ составить понятіе, тянулись по обонимъ берегамъ Дона густою стѣною чрезъ всю нынѣшнюю Воронежскую губернію и сѣверную часть Земли Войска Донскаго, а луга покрывала такая трава, которая скрывала въ себѣ коня вмѣстѣ съ всадникомъ! Донъ, Воронежъ, Хоперь и другія рѣки въ современномъ ихъ состояніи не могутъ намъ дать достаточно яснаго понятія о томъ времени, когда онѣ были на столько многоводны и глубоки, что позволяли мечтать о постройкѣ верфей и флота. И климатъ этого чуднаго края вполнѣ соответствовалъ его природной красотѣ: тогда лѣта были прохладнѣе, зимы гораздо умѣреннѣе, а дождей выпадало много больше, нежели теперь. Тогда и рѣки были многоводнѣе, а безчисленныя балки и озера, которыя теперь пересохли, были наполнены водою. На рѣкахъ, обильныхъ рыбою, трудолюбивые бобы строили свои жилища, а въ величественныхъ, дремучихъ лѣсахъ кипѣла жизнь; дикіе кабаны, козы, лоси, лисицы, выдры и неизбѣжные спутники травоядныхъ—барсуки, медвѣди, волки, орлы. Кромѣ пернатыхъ пѣвцовъ, воздухъ оглашали своимъ крикомъ дикіе гуси, лебеди, журавли, бѣлые и черные аисты и великое множество другихъ дикихъ птицъ. Для полноты картины замѣтимъ, что

по обоимъ берегамъ рѣки Дона позади лѣсовъ находились двѣ обширныя степи, изъ коихъ западная называлась *Донскою*, а восточная — *Калмыцкою*. Въ Донской степи водилась особая порода дикихъ лошадей. Эти лошади отличались длинною шерстью, мышиного, темносѣраго цвѣта, имѣли короткія черныя ноги, кудрявыя гривы, голову и уши несоразмѣрно большія. При всемъ томъ отличались необыкновенною быстротою бѣга, пугливостью и неукротимостью. Онѣ ходили стадами подъ предводительствомъ жеребца и что замѣчательно, — бывали и зимою тучны. Последнее впрочемъ могло зависѣть отъ передвиженія ихъ къ югу на зиму. Въ началѣ этого столѣтія онѣ еще попадались по теченію Ингула.

Такова, по исторіи, первоначальная картина описываемаго края. Безпардонное хозяйничанье и хищническое лѣсоистребленіе въ теченіи 3-хъ столѣтій истрежили и растительность, и воды и самый климатъ до неузнаваемости. Въ своей «Всѣдѣ о лѣсѣ», вотъ какъ рисуетъ намъ г. Кернъ южнорусскія степи, сравнивая ихъ съ тѣмъ, что было 100—200 лѣтъ назадъ:

Степныя травы, которыя теперь едва вырастаютъ по поясъ, тогда скрывали въ себѣ коня вмѣстѣ съ всадникомъ. Урожай хлѣбовъ, которые теперь такъ сильно страдаютъ и отъ засухъ, и отъ суховѣя, (восточный вѣтеръ) тогда были много обильнѣе и постояннѣе. Еще въ началѣ текущаго вѣка въ Новороссіи зимы почти не знали: если снѣгъ и выпадалъ, то лежалъ не по колѣну; саней въ заводѣ не было; плуги ходили въ полѣ почти до Рождества; въ февралѣ уже кончали посѣвы, а табуны круглый годъ оставляли въ степи и не знали, что значить запастись скоту кормъ на зиму.

Рѣзкая перемена къ худшему въ климатѣ нашихъ степей, — говоритъ г. Кернъ, — какъ разъ совпадаетъ съ повальнымъ истребленіемъ степныхъ лѣсовъ, развившимся на югѣ во второй четверти текущаго вѣка *) съ свеклосахарными заводами и въ третьей четверти — пароходами и желѣзными дорогами. Непроходимыя дебри юга Россіи принадлежатъ теперь исторіи!

Правое побережье Волги и Дона за 100, много за 200 лѣтъ тому назадъ было покрыто почти сплошными лѣсами. По Волгѣ они тянулись ниже Царицына, по *Дону — до самаго устья*. Лѣса эти переходили въ завожскія степи, шли къ Уральскому хребту и сливались съ величественными лѣсами Саратовской и Воронежской губ., которые (т. е. лѣса) въ свою очередь сливались съ лѣсами нашихъ среднихъ и сѣверныхъ губерній. Теперь же вплоть до Саратова и Воронежа — все ровно и голо!

Многовѣковая, величественная дубрава Воронежской губерніи и сѣверной части Земли войска Донскаго, еще при Петрѣ I доставлявшія корабельный лѣсъ для постройки азовскаго флота, теперь представляютъ лишь одни жалкіе остатки.

Въ Землѣ войска Донскаго — *Леонтьевскій Буеракъ*, лѣсъ десятиль въ 1,000, является теперь единственнымъ представителемъ естественнаго лѣса на высокой степи, тогда какъ еще въ 1773 г., по свидѣтельству путешествовавшего тамъ академика Гильденштедта, онъ вмѣстѣ съ другими лѣсами Земли войска Донскаго составлялъ одну сплошную массу.

*) По нашему мнѣнію, гораздо раньше, какъ увидимъ далѣе.

По притескамъ Медвѣдицы, Хопра и др. рѣкъ тянулись, лѣтъ 80 тому назадъ, цѣнные дубовые лѣса, а теперь эти лѣса сведены, и сами рѣчки изъ многоводныхъ и обильныхъ рыбою превратились въ пересохшія ложбины, въ которыхъ развѣ только весной въ какой-нибудь лужѣ можно найти лягушку....

Остатки бѣлыхъ судовъ и судовыхъ принадлежностей, находимые въ руслахъ незначительныхъ теперь степныхъ рѣчекъ, указываютъ на то, что эти рѣчки въ старину были такъ же многоводны, какъ теперь значительныя судоходныя рѣки нашей средней полосы.

Рождается вопросъ, — въ чемъ же кроется причина этого громаднаго переворота, искаившаго придонской край до степени неузнаваемости. Гдѣ эти факторы, которые такъ вредно вліяли на санитарныя и климатическія условія края?

Отвѣтъ на это находимъ въ отечественной исторіи. Исторія говоритъ намъ, что въ 1571 году было приступлено къ *истребленію растительности* придонскаго края, по нижеслѣдующей причинѣ.

Обитателями придонскаго края въ XVI столѣтіи были разныя татарскія племена-кочевники — въ степяхъ, а мордва и другія племена въ качествѣ рыболововъ, охотниковъ и бортниковъ — въ лѣсахъ. Эти степи, слѣдовательно, составляли окранный тогдашняго Московскаго государства, и потому придонской край назывался *польскою украинною* — отъ слова поле — степь. Обитатели этихъ степей сильно беспокоили Московское государство, которое не знало, какъ избавиться отъ безпрестанныхъ набѣговъ ордынскихъ хищниковъ, и вотъ въ 1571 г. принимаются первыя мѣры, съ цѣлью отгнать хищныхъ кочевниковъ подальше отъ границъ Московскаго государства.

Мѣры эти не были военнаго характера, послѣднія были-бы бесполезны въ борьбѣ съ проворными хищниками, скрывавшимися въ необыкновенно высокой и густой травѣ, — то была борьба съ самою *травой*.

Въ Октябрѣ 1571 г., говоритъ лѣтописецъ, князь Воротыскій съ товарищи приговорили *жечь степь*; опредѣлили, изъ которыхъ украинскихъ городовъ и въ какую пору, по какимъ мѣстамъ, къ которымъ урочищамъ, до какихъ мѣстъ, сколько станицъ и по скольку человѣкъ изъ станицъ ѣздить на поле и жечь его. Жечь поле опредѣлено осенью, въ октябрѣ или ноябрѣ, по заморозамъ, какъ на полѣ трава сильно посохнетъ, сѣнговъ не дожидаясь, а дождавшись ведреной и сухой поры, чтобъ *вѣтеръ былъ отъ Государевыхъ украинскихъ городовъ на польскую (степную) сторону*; не зажигать вблизи украинскихъ городовъ, *вблизи лѣсовъ* и лѣсныхъ засѣкъ и всякихъ крѣпостей, которыя надѣлали отъ приходу воинскихъ людей. Станицы для зажженія степи должны были выѣзжать изъ городовъ: Мещеры, Данкова, Дѣлилова, Крапивны, Новосила, Мценска, Орла, Рыльска и Путивля; пожаръ, слѣдовательно, долженъ былъ охватить пространство степи отъ верховьевъ Вороны до Дѣйра и Цона!....

Вслѣдствіе чего начались пожары, невѣроятныхъ размѣровъ. Важный пожаръ истреблялъ растительность на пространствѣ многихъ сотенъ и даже тысячъ квадратныхъ верстъ. Насколько эти мѣры достигали цѣли — изъ исторіи не видно, но то обстоятельство, что ногайцы и крымцы не сходятъ со сцены политической исторіи Воронежскаго края до самаго конца прошлаго столѣтія,

прямо говорить противъ цѣлесообразности этихъ мѣръ и съ политической точки зрѣнія.

И такъ съ 1571 г для придонскаго края наступаютъ тяжелыя времена. Князь Воротынскій, какъ мы видѣли, придумалъ грандіозный планъ — жечь степь: роскошная трава скрываетъ коня вмѣстѣ всадникомъ, что значительно затрудняетъ борьбу съ хищными наѣздниками; слѣдовательно, для уничтоженія хищника необходимо уничтожить растительность. Сказано, слѣлано. И вотъ начинаются лѣсные пожары, неподдающіеся описанію: на пространствѣ многихъ тысячъ квадратныхъ верстъ цѣлый океанъ огня гложетъ зелень! Мы не безъ умыслу назвали эти пожары *лѣсными*, хотя они предназначались для степной травы и въ самомъ наказѣ предостерегалось: «чтобъ не зажигать близъ лѣсовъ», но когда станичники дождавшись «сухой, ведреной поры, когда вѣтеръ былъ отъ государевыхъ украинскихъ городовъ на польскую сторону», зажигали степи отъ Вороны и до Дѣйпра, то можно себѣ вообразить, какъ легко было станичникамъ локализовать огонь, охватившій пространство въ нѣсколько тысячъ квадратныхъ верстъ.

Для юга Россіи лѣса, а въ особенности хвойныя, стали легендой *). Какое громадное количество угольной кислоты и другихъ вредныхъ газовъ должна была развить эта страшная по размѣрамъ масса сгоравшей растительности, а вмѣстѣ съ нею и погибавшихъ въ огнѣ животныхъ; мало того, почва, естественно, стала *быстро терять влагу*. Въ то же время безчисленное множество озеръ постепенно превращалось въ болота и вмѣсто чистаго лѣснаго воздуха съ содержаніемъ кислорода въ 20, 27%, атмосфера стала быстро наполняться міазмами, болотнымъ ядомъ, — измѣнились качества почвы, воды и воздуха; пострадалъ, понятно, и климатъ. Исчезнувшіе вѣковые лѣса, оказывавшіе столь громадное вліяніе на термическія свойства почвы края, служили вмѣстѣ съ тѣмъ преградой вторженіямъ неблагоприятныхъ для органической жизни вѣтровъ, преимущественно восточнаго — *суховья*. Съ исчезновеніемъ же громадныхъ лѣсовъ ему открылся свободный доступъ въ страну, дотолѣ мало доступную; вслѣдствіе чего климатъ сталъ постепенно измѣняться къ худшему **).

Далѣе, выжиганіе степей, а вмѣстѣ съ ними и первобытныхъ лѣсовъ, дало въ результатъ огромное количество поташа, мало по малу перешедшаго въ селитру. Еще въ царствованіе Михаила Федоровича въ Воронежскомъ краѣ изъ кургановъ вываривалась селитра, какъ это видно изъ древнихъ актовъ, и запасъ этой селитры удовлетворялъ потребностямъ государства почти два вѣка. Это обиліе азотистыхъ веществъ, служившихъ матеріаломъ для образованія съ поташомъ селитры, также указываетъ на колоссальныя размѣры процесса гніенія, имѣвшаго мѣсто въ этомъ краѣ. Этотъ тучный черноземъ, пропитанный селитрой, эти обмелѣвшія и исчезающія рѣки и озера, эти громадные торфяныя болота, эти облаженные отъ растительности почвы съ глинистыми подпочвами — могли-ли не превратиться въ гнѣзда всевозможныхъ микроорганизмовъ — зародышей будущихъ эпидемій и эпизоотій? Таковъ былъ край,

*) О невіроятномъ истребленіи лѣсовъ зажиганіемъ степей говорится также въ указахъ Петра Великаго.

**) Прилагаемая въ концѣ метеорологическая таблица даетъ понятіе о поворотѣ, какой принялъ климатъ описываемаго края.

съ санитарной точки зрѣнія, когда онъ началъ заселяться велико-и-малороссами, т. е. въ срединѣ XVI столѣтія. Прибывшіе сюда переселенцы и домашній скотъ ихъ сразу очутились въ *новыхъ* для нихъ климатическихъ условіяхъ и для полного акклиматизированія ихъ потребовалось много лѣтъ.

Безпощадное истребленіе лѣсовъ длилось здѣсь полтора вѣка, хотя въ разное время съ разными цѣлями: сначала для удаленія орднскихъ хищниковъ, затѣмъ для очистки земли подъ пашню и наконецъ для строенія флота. Къ концу XVII вѣка лѣса истребляли въ громадномъ количествѣ для флота, столько же выжигали для подготовленія полей подъ вспашку, жгли рабочіе изъ мести, жгли заводчики на уголь для своихъ заводовъ, жгли умышленно и неумышленно и довели наконецъ до того, что во времени генеральнаго межеванія, начатаго въ Воронежской губерніи при Екатеринѣ II въ 1782 году, осталось всего около 520,000 десятинъ лѣсу, или $\frac{1}{12}$ часть всего пространства оказалось подъ лѣсами и то, благодаря лишь чрезвычайно энергичнымъ мѣрамъ, принятымъ еще Петромъ Великимъ, къ предотвращенію окончательнаго истребленія лѣсовъ. Съ прошлаго столѣтія начинается забота правительства о сохраненіи остатковъ когда-то непроходимыхъ лѣсовъ, а къ срединѣ настоящаго столѣтія количество лѣсовъ въ Воронежской губерніи успѣло даже незначительно увеличиться; такъ напр. приходилось въ 1790 г. на 1 челов. $\frac{2}{3}$ дес. лѣса, а въ 1846 году $\frac{1}{2}$ дес., несмотря на то, что число жителей въ эти 56 лѣтъ увеличилось на 105%. Но въ началѣ 60 годовъ этого столѣтія много лѣсовъ стало переходить въ руки малообразованныхъ лѣсопромышленниковъ, и съ этихъ поръ снова начинается безпощадное истребленіе лѣсовъ, во многомъ напоминающее XVII столѣтіе. Замѣчательно, что съ этого именно времени начинается дальнѣйшее ухудшеніе климата губерніи; мало того, съ этимъ событіемъ совпадаетъ появленіе нѣкоторыхъ эпидемическихъ и эпизоотическихъ болѣзней, дотолѣ почти неизвѣстныхъ здѣсь, какъ дифтеритъ и др., далѣе учащаются неурожаи и мн. др.

Такова первоначальная причина, которой нельзя не приписать всѣ неблагопріятныя послѣдствія, поименованныя Керномъ.

Въ тѣсной зависимости отъ судьбы лѣсовъ находились и *пчеловодство* и скотоводство и хлѣбопашество и всѣ прочія отрасли сельскохозяйственной промышленности придонскаго края. Начавшись здѣсь съ очень давняго времени, такъ какъ бортныя ухажы по Дону, Усмани и Воронежу упоминаются въ лѣтописяхъ еще до періода появленія городовъ на Степи, они постепенно расширялись къ югу по направленію этихъ рѣкъ и во второй половинѣ XIV столѣтія они достигли уже устья Воронежа. Ниже устья этой рѣки бортничество до основанія городовъ существовать не могло по вышеуказанной причинѣ, т. е. отсюда, отъ устья этой рѣки шла эта ужасная линія *пожоси степей*, прорѣзывая громадную площадь во всю ея ширину. Здѣсь, на этой линіи, былъ предѣлъ Рязанскаго уѣзда, уже порядочно заселеннаго сначала вотчинниками бывшаго удѣльнаго Рязанскаго княжества, а затѣмъ и выходцами изъ внутреннихъ областей Московскаго государства, стремившимися, по тѣмъ или другимъ причинамъ, на Донъ, на приволье. Еще о городахъ и помину нѣтъ, а между тѣмъ берега Дона, Усмани и Воронежа уже усажены селами и деревнями, изъ коихъ Тешево, Бовыкино, Излегоще, Ворышь, Чертовичское, Телечино,

Отхожее, Пѣкишево, Борки и другія оказываются уже старинными поселеніями, не считая «многія села», о которыхъ въ лѣтописяхъ упоминается, что они еще въ XV ст. вывожены были ордынцами. Но объ этомъ будетъ сказано подробнѣе ниже, когда коснемся хлѣбопашества.

Наряду съ рыболовствомъ, звѣриннымъ промысломъ и бобровыми гонями бортничество безспорно одно изъ самыхъ древнихъ промысловъ на Дону. Бортничествомъ занимались и удѣльные князья посредствомъ специалистовъ бортниковъ, и вотчинники и наконецъ просто пришельцы простолюдины, въ числѣ коихъ особенно много было мордвы. По присоединеніи Рязанскаго удѣльнаго княжества къ Москвѣ, мы видимъ всю лѣсную площадь, замкнутую въ треугольникъ, образуемый рр. Дономъ и Воронежемъ до точки ихъ соединенія, разбитую на ухожья, а ухожья на *знамени*; откупщики *ходятъ* бортный лѣсъ, откупая цѣлый ухожей или платятъ съ знамени обыкновенно по полтретья пуда меда, но бываетъ и менѣе (2 п.) и болѣе (по 3 и по 4 пуда съ знамени) точно также и рыбныя ловли въ этихъ рѣкахъ и озерахъ разбиты на жеребьи, а жеребьи на тони, кромѣ того отдавались еще воды частями: затонами, затонцами, звѣнами и плесами; кромѣ того откупались еще вспуды или спуды и перевѣсы.... *)

Въ прелѣлахъ этого треугольника лѣсное пчеловодство или *бортничество* росло и развивалось съ замѣчательною быстротою. Одни только бортники с. Ворыщъ платили до 1585 года съ 6 знаменъ 16 п. 20 ф. меду. Спрашивается, сколько получалось съ Тешевскихъ, Проходнянскихъ, Борковскихъ, Излегощенскихъ, Телечинскихъ, Бовыкинскихъ, Пѣкишевскихъ и многихъ другихъ бортниковъ вмѣстѣ? И добыча воска очевидно должна была быть соотвѣственно этому немалозначительная.

Указъ о построеніи первыхъ двухъ городовъ на Украинѣ, Ливень и Воронежа, появился, какъ извѣстно, 1 марта 1586 г., но еще ранѣе, за годъ предъ тѣмъ состоялось распоряженіе объ отписаніи земель и угодій отъ прежнихъ уѣздовъ Елецкаго къ Ливнямъ и Рязанскаго — къ Воронежу. Рязанцы, обротчики и откупщики, лишившись неожиданно земель и угодій, ставшихъ вдругъ собственностью новыхъ Воронежскихъ вотчинниковъ и помѣщиковъ, Михнева, Хрущова, Марина и прочихъ, сначала жаловались, что Воронежскіе жильцы владѣтъ имъ не даютъ старыми Рязанскими, а нынѣ Воронежскими бортными ухожьями и рыбными ловлями, но ничего не добывшись, двинулись внизъ по Дону и его притокамъ и устроились южнѣе устья Воронежа, положивъ такимъ образомъ начало бортничеству и рыболовству почти по всей площади нынѣшней Воронежской губерніи. Съ тѣхъ поръ мы видимъ въ откупъ отъ казны государевыхъ вотчинъ, волостей и ухожей Битюгской, Икорецкой (нынѣшній Бобровской у.) Осередской (нынѣшній Павловской у.) Вѣлзатонской, Богатозатонской (нынѣшній Коротоякской у.) и др. Тѣ же бортныя ухожья и рыбныя ловли, которыя были отъ Воронежа не въ дальнемъ разстояніи, верстъ съ 30 во всѣ стороны, были розданы въ зачетъ *половиннаго* жалованья воронежскимъ казакамъ и другимъ служилымъ людямъ. Такъ посту-

*) Такъ назывались ловли водяныхъ птицъ, которыя состояли въ томъ, что между двухъ водъ въ лѣсу вырубали просѣки, и ставили сѣти, затѣмъ ночью вспугивали птицъ, которыя перелетая просѣкою къ другой водѣ, запутывались въ раскинутыхъ сѣтяхъ.

пая, Правительство не только выгадывало деньгами, но преимущественно тѣмъ, что прикрѣпленные землею къ службѣ *ратные* люди не бѣжали, а напротивъ, развивали мѣстную сельскохозяйственную промышленность. Что же касается откупщиковъ вольныхъ, бравшихъ ухажья изъ оброку, то имъ прелоставлялось брать ухажья и вообще откупныя вотчины въ Воронежѣ, съ публичныхъ торговъ, *изъ наддачи*, причемъ срокъ сдачи установился *съ Семена дни*.

Съ тѣхъ поръ бортничество, въ смыслѣ лѣснаго пчеловодства, ида руку объ руку съ рыболовствомъ, не переставали развиваться и даже совершенствоваться. Что касается послѣдняго, то мы уже раньше видѣли, что царь Алексѣй Михайловичъ считалъ воронежцевъ специалистами по части готовленія рыбы въ прокъ, *такъ что она впредь бываетъ прочна гораздо*, но и въ отношеніи перваго намъ не трудно прослѣдить шаги по пути его постепеннаго развитія. Тѣмъ замѣчательнѣе и тѣмъ интереснѣе эти немаловажные успѣхи, что придонскому пчеловодству въ самомъ началѣ приходилось бороться съ препятствіями, какихъ вѣроятно не приходилось испытывать этой отрасли сельскохозяйственной промышленности во внутреннихъ областяхъ Московскаго государства. Изъ нихъ въ особенности сильно отразились на немъ 1) Съ 1571 г. пожара степей, непрекращавшаяся много лѣтъ, причемъ дымъ отъ горящей на значительномъ пространствѣ степной травы долженъ былъ губельно вліять на пчелиныя рои. 2) Съ основанія городовъ, своевольство черкасъ и казаковъ, которые, покая защищаемый ими городъ, верстъ на 40 и болѣе того, опустошали окрестности, грабили бортниковъ, незаконно *выдирали* пчелъ и медъ ради беззаконнаго же медоваренія. Бѣдные бортники лишались лошадей и платья и всѣхъ животныхъ и гурьбою отправлялись въ Воронежъ бить челомъ царю Ѳеодору Іоанновичу, чтобъ онъ запретилъ черкасамъ и казакамъ ѣздить къ нимъ *добуватьца*. 3) и притомъ самый серьезный ударъ Донскому пчеловодству былъ, безспорно, нанесенъ — смутнымъ временемъ, когда тати, воры и грабители раскинулись по придонскимъ лѣсамъ, убивая, грабя и уничтожая все что попадалось по дорогѣ или же предавая мечу и пламени, какъ это дѣлали шайки Заруцкаго. Кровавымъ заревомъ ознаменовалось это тяжкое время надъ придонскимъ краемъ, ужаснымъ ураганомъ пронеслось оно надъ нимъ, разрушивъ почти въ корень всю мѣстную сельскохозяйственную промышленность. Воцарился Михаилъ Ѳеодоровичъ и — настало затишье; сравнительно мирно и тихо зажили придонскіе обитатели, лишь по временамъ тревожимые внезапными набѣгами ордынскихъ хищниковъ, приходившими, какъ тогда выражались — *изгономъ*.

Настала наконецъ пора благопріятная и для возрожденія почти погибшаго пчеловодства. Уже довольно значительное уменьшеніе къ тому времени площади лѣсовъ по берегамъ рѣкъ съ одной стороны, съ другой появленіе на Дону бѣло-и малоруссовъ много посодѣйствовало къ развитію здѣсь садоводства, а вѣстѣ съ тѣмъ и къ переходу пчеловодства изъ лѣснаго въ *садовое*. Первобытнй видъ мѣстнаго пчеловодства былъ до крайности простъ и несложенъ. Донскіе лѣса искони изобиловали всѣмъ тѣмъ, что наиболѣе любятъ пчелы, какъ-то хвойными деревьями, липами, разнообразнѣйшими цвѣтками и плодовыми деревьями, притомъ, какъ мы видѣли выше, лѣса повсюду изобиловали хорошею и чистою водою. Въ этихъ лѣсахъ въ дуплахъ деревь пчелы во

множество строили свои ульи, называвшіеся *бортями*. Лѣсному пчеловоду или *бортнику*, выражаясь какъ тогда говорили, не трудно было *ходить мѣсь*. Русскій ли или мордвинъ, опытный бортникъ не только умѣлъ легко отыскать пчелиные рои, но умѣлъ также по близости отъ нихъ найти мѣстечки въ лѣсу, болѣе удобныя, а слѣдовательно и болѣе пріятныя для пчелъ, но неизбранныя самими пчелами равнѣ потому, что здѣсь не было дуплистыхъ деревъ. Бортникъ тогда выдалбливалъ искусственныя дупла въ деревьяхъ, куда пчелы не замедляли переселиться; такимъ образомъ бортнику легче было распорядиться ими. Но при этомъ множество пчелъ погибало отъ холодовъ, отъ естественныхъ своихъ враговъ и другихъ случайностей. Иное дѣло, когда въ первой половинѣ XVII столѣтія на Украинѣ развилось садовое пчеловодство. Пчеловодъ разводилъ садъ, посреди котораго онъ ставилъ клѣтъ на подклѣтъ, огороженную тыномъ. Въ чертѣ огороженного мѣста онъ ставилъ соломенные, а чаще деревянныя ульи на особыхъ подмосткахъ, которые назывались *одрами*. На зиму для предохраненія отъ холодовъ ульи перемѣщались въ подклѣтъ. Садовое пчеловодство, какъ болѣе совершенная форма этого промысла и притомъ находившееся вблизи жилища, подъ личнымъ надзоромъ собственника пчелинца, а не откупщика или его наемника—бортника, какъ это бывало при лѣсномъ пчеловодствѣ, оказалось на столько выгоднымъ сельскимъ промысломъ, что на Дону, въ особенности мѣстами, какъ напримѣръ въ Верхососенскѣ, почти каждый домохозяинъ имѣлъ свой собственный пчельникъ, и знакомящемуся съ письменными памятниками мѣстной старины невольно бросается въ глаза типичная особенность сельскаго хозяйства придонскаго жителя XVII столѣтія, заключающаяся въ томъ, что почти каждое мало мальски зажиточное хозяйство имѣло свои собственные, винокурню, баню и пчельникъ.

Сравнивая однако степень развитія пчеловодства на Дону у великороссіянъ, Черкасскъ и Донскихъ казаковъ, мы замѣчаемъ громадную разницу между ними, причемъ наименьшая степень развитія пчеловодства, какъ и вообще во всѣхъ другихъ отрасляхъ сельскаго хозяйства, приходится на долю Донскаго казачества, политическій и общественный строй котораго, какъ извѣстно, не согласовался съ мирными задачами поселянина, почему донское казачество предпочитало и жизненные припасы и прочіе продукты сельскохозяйственныя, какъ зыпуны, скоть, лошадей и вино частью получать отъ Московскаго Правительства въ видѣ ежегоднаго жалованья—*донскаго отпуски*, а въ особенности отъ татаръ и калмыковъ—съ мечемъ въ рукахъ. Нелюбовь казачества къ сельскохозяйственнымъ занятіямъ доходила до того, что живя на такихъ рыбныхъ рѣкахъ какъ Донъ и Донецъ, они иногда получали жалованье и рыбою, которую имъ привозили изъ Воронежа.

Въ несравненно лучшемъ состояніи находилось, какъ мы видѣли, пчеловодство у великороссіянъ, а въ особенности въ хозяйствахъ духовныхъ лицъ. Справедливость требуетъ замѣтить, что духовныя лица вообще и монастыри въ особенности, за весьма рѣдкими исключеніями, оказывались наиболѣе разумными и бережливими въ веденіи сельскаго хозяйства. Чтобы впослѣдствіи не повторяться, скажемъ тутъ же, что они первые начали уваживать свои поля, которыя они же болѣе тщательно обрабатывали и что для насъ очень важно—исправно вели книги по сельскому хозяйству. Имъ же, здѣсь на До-

ну, мы обязаны первыми конскими заводами улучшенных породъ, но самая крупная заслуга это бесспорно благоразумное и бережливое ихъ обращеніе съ принадлежавшими имъ лѣсными угодьями, въ чемъ не трудно убѣдиться даже и въ настоящее время....

Къ числу наиболѣе крупныхъ пчеловодовъ на Дону въ срединѣ XVII столѣтія принадлежали монастыри Боршевскій, Карачунскій и Орѣховскій юртъ Савальской вотчины, принадлежавшей Тамбовскому епископу; въ сособенности обширно было хозяйство послѣдняго. По официальнымъ свѣдѣніямъ, доставленнымъ въ XVII ст. Монастырскимъ Приказомъ Посольскому, Савальская вотчина давала епископу доходу въ годъ съ рыбныхъ ловель до тридцати воевъ разной рыбы, а съ бортнаго узожья меду пудовъ по двадцати и болѣе, несмотря на то, что Донскіе казаки безпощадно пустошили эту вотчину, ловили рыбу въ рѣкахъ и озерахъ, рубили бортныя деревья, истребляя ихъ вмѣстѣ съ пчелами и въ два года выдрали тридцать два роя пчелъ!

Но высшей степени культуры достигло пчеловодство у Острогожскихъ черкасъ, у которыхъ оно повидимому было любимымъ занятіемъ. Это видно во первыхъ въ необычайной распространенности пчеловодства среди нихъ, а во вторыхъ и въ томъ, что пчелами черкасы одаривали друзей и начальниковъ. Взятки «*бчолыми*» встрѣчаются въ судебныхъ дѣлахъ черкасъ довольно часто. Пчельники свои, устраивавшіеся обыкновенно въ садахъ, рѣже въ липовыхъ рощахъ, черкасы или малороссы называли *пасѣнками*, а пчелинцевъ пасѣчниками. Пасѣкой же они, повидимому, называли и избу, которую строили, для помѣщенія пчелиныхъ ульевъ на зиму. Послѣдняя была ничто иное, какъ обыкновенный сарай съ двумя боковыми окнами для прохода воздуха. Болѣе мягкой и теплый климатъ среднего теченія Дона избавлялъ черкасъ отъ необходимости прятать ульи на зиму въ выкопанные погреба или *подклѣти*, какъ это было выше упомянуто, дѣлали великороссіяне, переселенцы изъ внутреннихъ областей.

Параллельно съ этимъ шло и тѣсно связанное съ пчеловодствомъ *воскобойное* производство. Добытый воскъ формировали обыкновенно въ видѣ большихъ *круговъ*, въсомъ каждый въ *полтретья* пуда или 100 гривенокъ, т. е. въ 2½ п. и продавался онъ обыкновенно по 9 рублей за кругъ или 9 коп. за фунтъ, а медъ по 1 рублю за пудъ, и эти цѣны съ нѣкоторыми колебаніями существовали въ придонскомъ краѣ почти до самаго возвращенія Азова туркамъ.

Начало XVIII столѣтія ознаменовалось для донскаго пчеловодства крайне неблагоприятными явленіями; почти тоже самое можно сказать и въ отношеніи рыболовства и звѣринаго промысла, что же касается *бобровыхъ* гонимыхъ, то они внезапно превращаются, словно по мановенію волшебнаго жезла. Донскіе бобры стали вдругъ легендой, рыболовство же передвинулось значительно ниже на югъ, а пчеловодство и звѣроловство—къ сѣверу; *бортничество* стало достояніемъ болѣе сѣверныхъ областей. Все это произошло лишь по причинѣ строенія флота на Воронежѣ. Изъ вырубленныхъ громаднхъ, когда-то непроходимыхъ лѣсовъ, разбѣжались звѣри, разлетѣлись пчелы, а стукъ и шумъ на верфяхъ топоровъ и пилъ, частая и *многая* пупечная и пищальная пальба съ без-

прерывно снующихъ галеръ, галеасовъ, фуркатовъ и брандеровъ распугали всю рыбу, которая переселилась въ Донскія гирлы.

Дальнѣйшая исторія Донскаго пчеловодства представляетъ лишь рядъ малоутѣшительныхъ свѣдѣній. Изъ года въ годъ сокращаясь въ размѣрахъ, оно, хотя и не очень быстрыми, но за то вѣрными шагами шло къ окончательному упадку. Тѣмъ не менѣе уже къ концу прошлаго вѣка продукты мѣстнаго пчеловодства, составлявшіе ранѣе весьма важную статью вывоза, добывались уже въ очень ограниченномъ количествѣ, немногимъ болѣе мѣстнаго потребленія ихъ. Въ 1797 году было добыто всего 55298 пудовъ меду, изъ коихъ 42054 пуда были израсходованы на мѣстныя потребности; а воску 1100 пудовъ, израсходовано на мѣстѣ 989 пудовъ; слѣдовательно вся отпускная торговля мѣстнаго пчеловодства ограничилась 13244 п. меду и 111 п. воску. Соотвѣтственно этому и цѣны значительно измѣнились. Пудъ меду стоитъ уже не рубль, а 2 р. въ уѣздахъ и отъ 3 до 5 рублей въ Воронежѣ; цѣна воску, вмѣсто прежнихъ 3 р. 60 к. за пудъ, въ уѣздахъ доходитъ до 13 р., а въ Воронежѣ до 24 р. Подобныя явленія, какъ и слѣдовало ожидать, дали въ концѣ концовъ совершенно обратные результаты: воскъ и медъ, вслѣдствіе крайне высокихъ цѣнъ на мѣстѣ, становятся выгодными статьями привозной торговли, и съ начала текущаго столѣтія Донъ удовлетворяетъ уже часть своихъ потребностей привозными медомъ и воскомъ. Такъ оно шло до конца семидесятыхъ годовъ текущаго столѣтія—время полного упадка не только Донскаго, но и вообще отечественнаго пчеловодства; съ тѣхъ поръ разные суррогаты настолько вытѣснили настоящій воскъ изъ употребленія, что послѣдній вообще нынѣ трудно найти въ чистомъ видѣ. Такова малоутѣшительная, но за то крайне поучительная исторія донскаго пчеловодства. Вернемся теперь къ обзору успѣховъ прочихъ отраслей донской сельскохозяйственной промышленности.

Переходя затѣмъ къ обзору успѣховъ прочихъ отраслей сельскохозяйственной промышленности на Дону, намъ необходимо прежде всего выяснитъ себѣ, когда имъ положено начало и на какомъ пространствѣ придонскаго края.

Не вдаваясь въ совершенно гадательныя подробности болѣе ранняго періода, мы можемъ однако сказать съ нѣкоторою долею вѣроятности, что земледѣліе существовало здѣсь еще въ XIII столѣтіи и что крайніе предѣлы его находились у устья Воронежа, т. е. близъ *Червленнаго Яра*, а бобровые гоны рыбная и звѣриная ловли, какъ несравненно менѣе подверженны опасности отъ *воинскихъ приходовъ изгономъ*, могли простирались и даѣе на югъ. Но набѣги кочевниковъ въ XIV и XV столѣтіяхъ должны были заставить мѣстныхъ земледѣльцевъ отодвинуться назадъ отъ береговъ Дона и Воронежа, т. е. отъ естественныхъ путей, по которымъ приходили ордынскіе хищники изгономъ и опустѣвшіе берега Дона поэтому могли произвести такое тяжелое впечатлѣніе на спускавшася по немъ въ стругѣ въ 1389 году митрополита Пимена. Въ Москвѣ въ это время очень интересовались судьбою Украины, и Пименъ просили записывать путевыя впечатлѣнія. Пименъ ранѣе два раза ѣздилъ въ Царьградъ, но оба раза по Волгѣ, а на этотъ разъ по Дону; онъ

долженъ былъ ознакомиться съ опустошеніями произведенными полчищами великаго хана Мамай *недавно*, всего лишь за девять лѣтъ предъ тѣмъ, стоявшаго на Воронежѣ, *кочуя во мнозѣ силѣ*. Пимень и записалъ: «Бяше бо пустыня зѣло; не бяше бо видѣти тамо ни града, ни села. Аще бо и быша прежде грады красны и нарочиты зѣло видѣніемъ, *точію мѣста пустомиз все и не населено; не бѣ бо видѣти челоуѣка, точію пустыня велія и звѣрей множество...*» Не сталъ бы Пимень удивляться пустынности мѣстности и отсутствію челоуѣка, еслибъ это не было общеизвѣстнымъ фактомъ, что равнѣ, до Мамай, было иначе. Не удивляется же Пимень въ своемъ дальнѣйшемъ путешествіи пустынности береговъ до самыхъ Татарскихъ кочевьевъ. Но и помимо этого весьма вѣскаго доказательства, помимо грамотъ митрополитовъ Алексѣя и Ѳеогноста мы располагаемъ еще многими доказательствами давности пребыванія въ придонскомъ краѣ славянъ. Кромѣ свидѣтельствъ иностранцевъ, подробно рассмотрѣнныхъ въ трудѣ проф. Ламанскаго, укажемъ еще на село Тешевъ, выѣшній Задонскъ, гдѣ были найдены земледѣльческія орудія съ признаками несомнѣнной принадлежности ихъ XV и даже XIV стол. Долгое время находившіяся во власти удѣльныхъ князей Рязанскихъ, придонской край былъ въ 1483 г. раздѣленъ такъ, что р. Донъ начиная отъ города Ефремова служила пограничною линіею между Московскимъ и Рязанскимъ княжествами, причемъ вся правая сторона въ томъ числѣ и Елецъ со всѣми Елецкими мѣстами, отошла къ первому. Въ договорѣ между великимъ княземъ Московскимъ Иваномъ Васильевичемъ и Рязанскимъ Ѳеодоромъ Васильевичемъ въ 1496 г. послѣднему отводится право лишь на Бовыкино, верхній Воронежъ, весь Тешевъ, жеребей р. Дона съ оброки и съ доходы *по старинѣ*, остальное отходить къ Москвѣ. Въ этой грамотѣ упоминаются люди дѣлены и ловчане, *городскіе* рыболовы, кормовни и *садовники*, медовни и гончары, а что *наши села... на Украинѣ*, и *тѣ села* вѣдати намъ по записямъ.

Какъ яствуетъ изъ недавно отысканной нами грамоты, Рязанскіе князя продолжали заселять отошедшую къ намъ Украину по р. Воронежю и ея притокамъ. Такъ въ 1501-мъ году пожаловала Рязанская великая княгиня въ вотчину Ермолу Стерлегову *Ананинское* селище съ нивами и съ пожнями на Паниковцѣ притока р. Усмани. Хотя существуетъ еще одна рѣчка Паниковецъ въ Елецкомъ уѣздѣ, но искать Ананинское селище тамъ, нѣтъ уже основанія потому, что этотъ уѣздъ, какъ только что было сказано, принадлежалъ въ то время Москвѣ, — это, слѣдовательно, значило было усиливать и безъ того сильнаго и опаснаго соперника, а главное, что въ Воронежскихъ писцовыхъ книгахъ 1615 г. значится уже въ числѣ старинныхъ помѣщиковъ на Усмани Власть *Стерлеговъ*. Много селъ и деревень по Дону и Воронежю упоминаются въ лѣтописяхъ какъ села и деревни бывшаго *Рязанскаго уѣзда*, таковы Ворушь, Бобяково, Бовыкино, Излегоши, Телечино (нынѣ Углянское), Извальское, Марино и мн. др., которыя, какъ извѣстно по исторіи существовали задолго до построенія стѣнныхъ городовъ, какъ-то: Ливень, Воронежъ и др. Отсюда можно вывести лишь одно заключеніе, что предѣломъ площади посѣвовъ до 1586 г. былъ Червлённый Яръ или устье Воронежа. Далѣе шли лишь районы рыболовства и звѣриныхъ промысловъ.

Къ сожалѣнію, сохранилось слишкомъ мало свѣдѣній о состояніи сельскаго

хозяйства придонскаго края въ одну изъ любопытѣйшихъ эпохъ его, — строе-
нія городовъ на *польской* Украинѣ той эпохи, когда огромная область эта
только что начинала жить самостоятельною общественною жизнью, независимо
отъ Рязани. Пробѣлъ этотъ составляетъ цѣлый періодъ въ исторіи Воронежскаго
края, длившійся съ 1586 по 1615 годъ, т. е. цѣлые 30 лѣтъ. Лишь от-
дѣльные отрывочныя свѣдѣнія освѣщаютъ это время. Можно было бы подумать,
основываясь на отсутствіи письменныхъ памятниковъ, что за это время Воро-
нежскій край вмѣстѣ съ своими двумя городами Воронежѣмъ и Валуйками, не
существовалъ вовсе, что эта громадная площадь была степью безплодною; но
почти непрерывное существованіе города Воронежа за это время намъ уже ра-
нѣе удалось доказать, а упомянутыя отрывочныя свѣдѣнія говорятъ намъ о
существованіи въ 1592—4 гг. *воронежскихъ* вотчинниковъ, помѣщиковъ,
крестьянъ, бобылей, бортниковъ, рыболововъ, звѣровщиковъ и даже торговыхъ
людей: казенные плотники получаютъ жалованье изъ воронежскихъ *доходовъ*.
Правда, объ административномъ дѣленіи Воронежскаго края на уѣзды и станы
нѣтъ еще и помину, но прибывшій на Воронежъ въ 1615 году для описи и
дозору земель Григорій Кирѣевскій засталъ уже Воронежскій край, сравнительно
потому времени, довольно населеннымъ. Не говоря уже о городѣ, въ *уѣздѣ*,
какъ его называетъ Кирѣевскій, оказалось множество слободъ, селъ, деревень,
селецъ, починовъ и поселковъ, всего около 50; кромѣ того, не считая мно-
жества церквей, въ Воронежѣ и его уѣздѣ были уже монастыри Успенскій, Дѣ-
вичій, Боршевскій и Корочунскій сравнительно богато обставленные, снабженные
отъ правительства обширными вотчинами и ругою, или же разными доходными
статьями вмѣсто руги, не считая мірскихъ вкладовъ. Не мало селъ, ранѣе
существовавшихъ, отмѣчены Кирѣевскимъ, что они были «въ 121-мъ году
вызованы отъ Ивашки Заруцкаго»; таковы деревни: Гремячее, Струнова,
Болотцкая тожъ, Сушиловка, Остапова, Свидякова и др. Вся остальная, болѣе
южная часть площади воронежскаго края оказывается къ 1615 году уже раз-
дѣленной на откупныя вотчины, сдававшіяся съ торговъ *изъ наддачи*, какъ
мы выше видѣли, еще въ 1592 году; ихъ насчитывается всего 17 вотчинъ,
а именно: ухожей Хворостанской (за 12 р. съ четв.), Лысогоревскій (20 руб.),
Подулской (20 руб.), Сосенской (20 руб.), Богатой Затонъ (50 руб.), Икор-
ской (10 р. 50 к.), Морковской (18 руб. 8 алтынъ 2 деньги), Бѣтуцкой
(30 руб.), Бабьей (5 руб.), Середцкой вмѣстѣ съ Шиповыми лѣсами (6 руб.),
Калитвинской (50 р. 50 к.), Бѣлозатонской (12 р. 50 к.), Богучарской (9
руб.), Тулучеевской (6 руб.), Терновской (6 руб.), Лѣсъ Иловской да рѣчки
Ольшанка и Сосенокъ (9 р. 50 к.) и вотчина околгородная, за которую го-
родъ Воронежъ всѣмъ городомъ платилъ оброку въ государеву казну по 15 руб.
на годъ.

Всѣ вотчины сдавались съ торговъ съ *Семена дни внизъ*, изъ наддачи,
а деньги оброчныя откупщики вносили въ государеву казну ежегодно на срокъ
на *Евдокимъ день*. Съ однихъ государевыхъ откупныхъ вотчинъ доходъ
равнялся уже тогда 294 р. 50 к., — сумма, потому времени довольно значи-
тельная, но ничтожная въ сравненіи съ тѣмъ, что платилось разными помѣ-
щиками и оброчниками за право пользованія разными другими оброчными стѣ-
ями въ предѣлахъ самаго уѣзда. Эти дробныя числа въ общемъ взятія давали

въ итогѣ довольно значительную сумму, составляли немаловажную статью государевыхъ доходовъ. Такъ за одинъ кабакъ воронежскій платилъ въ 1614 г. откупщикъ Несмѣянъ, Гавриловъ сынъ, Високого-Колпака, въ государеву казну по 195 руб. на годъ! Кроме того, описавъ города и села, вотчины и помѣстья, монастыри и церкви Кирѣевскій подводитъ итоги. По нимъ оказывается, что въ 1615 году Воронежскій край или какъ его тогда называли — *уѣздъ* насчитывалъ 269 помѣщиковъ, 15 помѣщицъ — вдовъ и 38 — помѣщиковъ-недорослей, всего 322 землевладѣльца, жеребьи которыхъ составились изъ 8 селъ, 8 селенъ, 19 деревень, 8 починковъ, 3 слободъ и владѣвшихъ четвертною пашнею въ количествѣ 16068 четвертей въ коли, а въ дву потонужъ, не считая пастбищъ, сѣнокосовъ, лѣсныхъ угодей, огородовъ, гумениковъ, рыбныхъ ловель и проч.

Сюда же необходимо причислить помѣщиковъ — бѣломѣсныхъ атамановъ, образовавшихъ 4 слободы и владѣвшихъ вмѣстѣ, 52 человекъ, четвертною пашнею въ количествѣ 6983 четвертей, всего слѣдовательно было 374 помѣщика владѣвшихъ 23051 четвертями, во всѣ три поля, пашни, или 34576 десят., не считая другихъ угодій, въ общемъ составлявшихъ площадь болѣе чѣмъ вдвое противъ пашни. Къ сожалѣнію въ этой книгѣ нѣтъ еще многихъ подробностей, встрѣчающихся немного впрочемъ позднѣе въ писцовой книгѣ 1629 г., какъ, напримѣръ, дѣленіе на станы, число дворовъ, крестьянъ заворныхъ, дѣловыхъ и пашенныхъ, бобылей и прочее....

Григорій Кирѣевскій, говорится въ писцовой книгѣ 1615 г. прибылъ въ Воронежъ для *писма и дозору* земель, т. е. дозирать или провѣрить правильность распредѣленія поземельнаго владѣнія, слѣланнаго ранѣе до него между воронежскими помѣщиками, а также провѣрить права ихъ пользованія жеребьями по имѣющимся у нихъ вотчиннымъ и ввознымъ грамотамъ; если-бы ему поручено было *вновь* размежевать и отводить земельныя участки, то онъ былъ бы названъ *межевицомъ* и *писцомъ*; стало быть его обязанность заключалась въ составленіи дозорной книги, съ утвержденіемъ прежнихъ жалованій вновь — отъ имени царя Михаила Ѳеодоровича. Кирѣевскій такъ и поступилъ: описавъ Воронежъ съ уѣздомъ на 379 страницахъ, перечисливъ вѣсколько сотъ помѣстей, вотчинъ, селъ и деревень, части города съ церквями и монастырями, онъ ни разу не обмолвился, ни разу не упомянулъ ни объ одномъ изъ прежнихъ царствованій. Всѣ помѣстья расписываются имъ по жеребьямъ «по государову, цареву и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всеа Русіи указу». Правда и то, что указывать къ какому царствованію относится то или другое было бы излишне: Воронежъ возникъ по указу царя Ѳеодора Іоанновича и слѣдовательно всѣми своими распорядками и учрежденіями онъ былъ тогда еще обязанъ это-послѣднему изъ Дома Рюриковичей. Царь же Михаилъ Ѳеодоровичъ, вступившій на престолъ лишь года за три предъ тѣмъ, успѣлъ только въ 1615 г. воздвигнуть храмъ въ Воронежѣ въ Напрасной слободѣ во имя царевича Дмитрія Углицкаго и преподобнаго отца Михаила Маленна, на строеніе котораго, по словамъ Григорія Кирѣевскаго, царь Михаилъ Ѳеодоровичъ прислалъ и грамоту и деньги попу Матвѣю Афонасьеву.

Слѣдовательно, цитируемая дозорная книга рисуетъ намъ воронежское поземельное владѣніе въ состояніи, близкомъ началу его. Мы остановимся на свѣ-

дѣнійхъ этой книги, а затѣмъ и писцовой книги 1629 года нѣсколько подробнѣе.

Что прежде всего бросается въ глаза при чтеніи дозорной книги это—значительное преобладаніе военнаго сословія среди мѣстныхъ землевладѣльцевъ, да и остальные, невоенные, если исключить духовенство, оказываются состоящими на государевѣ службѣ, какъ то губные старосты, дѣяки и подъячіе, селиторики, ямщики, городовые кузнецы и плотники и др. Ближайшею причиною тому могло быть слѣдующее. Изъ всѣхъ существовавшихъ формъ пріобрѣтенія земельной собственности—по купчимъ, по закладнымъ, по риднымъ, по даннымъ и по жалованію,—только послѣдняя форма могла имѣть мѣсто на Украинѣ въ концѣ XVI и началѣ XVII в. и даже немного позднѣе. Дѣло въ томъ, что необеспеченность недвижимою собственностію отъ набѣговъ татаръ и отъ мѣстныхъ *воровъ* обезцѣнивала землю до того, что мѣстами, какъ напримѣръ въ Орловѣ, даже въ срединѣ XVII очень трудно было найти охотника даже за безцѣною пріобрѣсти покупкою земельный участокъ. Кто располагалъ извѣстнымъ капиталомъ, старался пріобрѣсти *помѣстиче*, какъ можно подальше отъ этой ужасной Украины, *«гдѣ Степь де не загорожена»*, гдѣ человѣкъ ни одного дня не могъ оставаться покойнымъ не только за *жизноты* свои, но и за самую жизнь. Сюда стекались, влекомые приманкою—государеваго жалованья, люди не богатые, или ничего не имѣвшіе, или почему либо лишившіеся своего прежняго состоянія; придонской край былъ въ концѣ XVI и началѣ XVII вв. своего рода Калифорніею, куда подобныя лица стремились *«добуватьца»*. Изъ подобныхъ лицъ именно и составилось большинство населенія воронежскаго края въ самомъ началѣ, за исключеніемъ развѣ вотчинниковъ, какъ кн. Волконскихъ, Черкасскихъ, Язвцовыхъ и др. Неимѣвшій навануя «ни кола, ни двора», прибывъ на Донъ, становился вдругъ помѣщикомъ, владѣльцемъ *жерелья* десятинъ въ 30—100 и болѣе, не считая правъ и преимуществъ, сопряженныхъ съ украинскою службой, при полнѣйшей почти безнаказанности за проступки, такъ часто случавшіеся и такъ часто сходявшіе съ рукъ на *польской* Украинѣ.

И такъ, почти единственная форма землевладѣнія въ началѣ XVII ст. была основана на *помѣстной* системѣ, но какъ пашенная земля измѣнялась исключительно *четями* или четвертями, то она и названа четвертною пашнею, *четвертнымъ* землевладѣніемъ. Кромѣ частной четвертной пашни, существовала еще здѣсь въ то время государева *десятинная* пашня, составлявшая особый родъ натуральной повинности. Рожь и овесъ, собиравшіеся съ этихъ полей, расходовались на кормленіе пословъ и гонцовъ и ихъ лошадей, посылаемыхъ къ турецкому салтану или крымскому хану, и обратно. Размѣръ этой пашни бывалъ разный; при царѣ Борисѣ, напримѣръ, было установлено пахать государеву пашню по 200 десятинъ ежегодно. Съ этою цѣлію сохранилось на Воронежѣ государевыхъ 130 лошадей. Пашню эту пахали пѣшіе стрѣльцы, которыхъ для этой цѣли снабжали государевыми лошадьми, сошниками и серпами; выдавали на время пахоты кормъ на 5 недѣль, такъ что на 10 человѣкъ приходилось въ мѣсяцъ 5 четвертей ржаной муки и осмина толокна. Зимомъ хлѣбъ этотъ молотили жилецкіе стрѣльцы и казаки. Засѣвали обыкновенно 100 д. рожью и столько же овсомъ. Смутное время, нарушивъ

въ порядки государственнаго организма, коснулось и десятинной пашни, которую не пахали до 1613 г. Михаилъ Теодоровичъ, съ цѣлю облегченія повинностей, уменьшилъ десятинную пашню на половину. На Воронежѣ пахали съ тѣхъ поръ десятинную пашню только 100 д. Этотъ уже сокращенный земельный участокъ, какъ и ранѣе, былъ также выдѣленъ изъ пашенныхъ земель городскихъ жителей. Опытъ однако скоро показалъ невозможность обойтись на Воронежѣ урожаемъ со 100 дес., почему въ 1616 г. снова была восстановлена десятинная пашня до прежнихъ размѣровъ 200 д. и въ такомъ размѣрѣ и видѣ оставалась эта повинность до 1624 г., когда царь Михаилъ Теодоровичъ повелѣлъ возвратитъ выдѣленные 200 десятинъ пашни лицамъ, кому онѣ принадлежали ранѣе, съ тѣмъ, чтобы они платили, взаменъ десятинной пашни, хлѣбомъ въ государевы житницы на Воронежѣ. Средній урожай съ десятинной пашни бывалъ слѣдующій: 100 дес. засѣвали рожью, высѣвали 200 чет., снимали обыкновенно 580—600 копенъ, причемъ умотѣ бывалъ отъ 1000 до 1200 чет. Другія 100 дес. засѣвали овсомъ, посѣвъ равнялся 300 чет., копенъ снималось до 400 чет., причемъ получалось обыкновенно (*по опыту*) въ умотѣ отъ 700—800 четвертей. Десятинную называлась эта повинность потому, что пашня измѣрялась десятинами, тогда какъ всѣ прочія *пашенные* земли въ Воронежскомъ краѣ измѣрялись четвертями, за исключеніемъ лѣсныхъ угодій и сѣнокосовъ, о чемъ подробнѣе будетъ сказано ниже.

Вслѣдъ за *государевою* пашнею видное мѣсто занимаютъ хозяйства *монастырей*, принадлежавшихъ къ самымъ крупнымъ земельнымъ собственникамъ воронежскаго края. Ихъ было въ началѣ (1615 г.) три: городской Успенскій, Боршевской и Карачунскій; общее количество пашенной земли, которою они владѣли, равнялось 900 четв. и 1 осмня въ полѣ, а въ дву по томужъ, не считая земель подгородныхъ, гуменныхъ, огородныхъ, луговъ (пастбищъ) сѣнокосовъ и лѣсныхъ угодій.

По писцовой книгѣ Романа Кирѣевского 137 г. здѣсь было уже 4 монастыря (четвертый Акатовъ монастырь). Слѣдующія таблицы даютъ понятіе объ имущественномъ отношеніи въ 1629 году монастырей, церквей, встчинниковъ и помѣщиковъ по станамъ и жеребьямъ.

Таблица, показывающая число монастырскихъ дворовъ, пашенныхъ людей, земельныхъ угодій и размѣръ платежа съ живущія чети сошнаго письма къ 1629 г.

	Названіе монастырей.			
	Успенскій.	Анаговъ.	Борлевской	Карауч-скій.
Число дворовъ.	87	12	45	20
Прикащиковъ	1	—	—	1
Монастырскихъ всякихъ работниковъ	59	3	24	1
Дѣтёнышей	—	3	—	—
Число крестьянъ	1	8	44	10
— бобылей.	28	—	61	8
— пустыхъ дворовъ (бѣглыхъ)	6	—	12	8
Количество земли, пашенной, перелогомъ и дикаго поля, въ четьяхъ	360	300	400	300
Сколько монастырь платилъ въ сошное письмо съ живущаго съ	2 ¹ / ₄ ч. (1)	1 ч.	3 ч.	2 ³ / ₄ (2)
Число копеевъ сѣна	1000	600	700	850
Лѣсу □ верстами (приблизительно)	12	6	10	8
Луговъ или пастбищъ □ верстами (приблизительно)	10	5	8	7
Пустыхъ мѣстъ и селищъ	—	—	—	27 (3)

Итого четыремъ (4) монастырямъ дано въ вотчину четвертной пашни 1360 четвертей въ поли, а въ дву потомужъ. Если сюда прибавить и церковную четвертную пашню, данную 10 церквамъ городскимъ и пригороднымъ, въ количествѣ 649 четвертей въ полѣ, а въ дву потомужъ, то окажется, что площадь посѣвовъ одного духовенства простиралась до 3000 десятинъ.

Вслѣдъ за монастырскими и церковными вотчинами, второе мѣсто занимаютъ вотчины частныхъ лицъ, владѣвшихъ по жалованнымъ или вотчиннымъ грамотамъ. Ихъ оказывается къ 1629 году немного, почему для полноты и выпишемъ ихъ цѣликомъ.

(1) Съ дву четвертей съ получетверикомъ.

(2) Съ дву чети съ осминою и съ четверикомъ.

(3) «.... выбѣжали въ 131-мъ (1623) году отъ градскихъ податей и отъ татарскія войны и отъ игумена Ворсунофья....» (Писц. кн. 1629 г.).

(4) На Воронежѣ былъ еще пятый монастырь — Дѣвичій, но онъ землю еще не владѣлъ; лишь позднѣе, по грамотѣ 134 г. и по отказной выписи 135-го года, монастырю дано на церковное строеніе и на пропитаніе Форосанской ухжей съ рыбными ловлями и всякими угодами.

название вотчины и вотчинника.	Название стана.	Число людей въ вотчинѣ.						Количество чет-вертной пашни.	Размѣръ платежа съ нея.	Число копенъ стна.	Размѣръ площ. лѣ-са въ десятин.	
		Приписиковъ.	Дѣловыхъ.	Задворныхъ.	Крестьянъ.	Вобылей.	Число заним. дворовъ.					Число пустыхъ дворовъ.
1.) Жеребей въ деревнѣ Айдаровой на Паниковцѣ—вдовы Анны Челюсткиной и сына Матвѣя - - - -	У с м а н с к і й.	-	2	-	2	3	7	-	50	1/4	200	20
За ними же въ селѣ Грязномъ жеребей (*) - - - -		1	2	-	6	5	10	3	100	1/2	400	40
2.) Пустошь что была деревня Сушиловка (**) же-ребей за Степаномъ Макси-мовичемъ Боевымъ - - - -		-	-	-	-	-	-	-	60	-	174	25
3.) Жеребей въ с. Рядномъ, на Паниковцѣ за Осипомъ Яковлевымъ - - - -		-	-	-	1	1	2	-	30	3/16	30	15
4.) Тамъ же, жеребей за Иваномъ Матв. Москви-нымъ - - - -		-	-	-	1	1	1	-	36	1/4	36	15
5.) Тамъ же, жеребей есаула Ивана Васильева - - - -		-	-	-	3	3	5	1	38	2/8	38	15
За нимъ же на Мхо-вомъ болотѣ - - - -		-	-	-	-	-	-	-	6	-	12	-
6.) Въ с. Редномъ за Кондратомъ Васильевымъ жеребей - - - -		-	-	-	2	-	-	1	36	1/4	36	15
7.) Тамъ же, за Ник. Фе-доровымъ жеребей - - - -		-	-	-	1	-	1	-	36	3/16	36	15
8.) Тамъ же, жеребей вдо-вы Маріи Щуровой и сына ея Андрея - - - -		-	-	-	-	-	-	-	12 1/2	-	24	10
За нимъ же вотчина, же-ребей Мхова болота - - - -		-	-	-	-	-	-	-	3	-	6	-
Въ с. Чертовницкомъ, за нею жъ и за сыномъ ея Андреемъ жеребей въ вотчинѣ - - - -		1	-	-	7	4	8	-	20	3/4	170	-
За ними жъ въ Долгой полянѣ - - - -		-	-	-	-	-	-	-	25	-	100	-
9.) Въ с. Редномъ за Ва-сильемъ Евсеевымъ жере-бей - - - -		-	-	-	-	-	-	1	36	1/8	36	-
10.) Въ дерев. Гололобо-вой на р. Усмани за вдовою Анною Челюсткиной и сы-номъ Матвѣемъ (см. № 1) вотчина - - - -	-	-	1	5	3	9	-	20	1/2	40	15	
11.) Въ селѣ Рѣиномъ жеребей Ив. Ильина - - - -	-	-	-	4	-	4	-	45	7/16	90	20	
12.) Тамъ же, жеребей Льва Иванова - - - -	-	-	-	3	-	3	-	45	3/8	90	20	

(*) Эти двѣ вотчины Челюстиныхъ, какъ значитса въ писцовой книгѣ, были впоследствии проданы вотчинникомъ (въ 1632 г.) князю Федору Волковскому.

(**) Сушиловка была вывожена Зарудскимъ въ 1613 г. (Доз. кн. Гр. Кирѣвскаго)

13.) Въ с. Костенкахъ (*) жеребей Степана Дми- гріева - - - - -	Воронескій.	-	-	-	3	-	3	-	54	$\frac{3}{8}$	110	25
14.) Тамъ же, вотчина за Юрьемъ Парфентьевымъ	-	-	-	-	1	-	1	-	54	$\frac{3}{16}$	150	25
15.) Тамъ же, за Аф. Романовымъ жеребей - -	-	-	-	-	4	-	2	-	36	$\frac{1}{8}$	80	20
16.) Въ с. Бѣломъ-Колодезѣ вотчина Ивана Ивановича Язвцова, старое его по- мѣстье - - - - -	Карачунск.	-	9	8	64	30	70	11	180	$2\frac{2}{3}$	460	(**) 90
		2	13	9	107	50	126	17	$922\frac{1}{2}$	$7\frac{1}{4}$	2318	385

Въ нихъ дворовыхъ крестьянъ . . .	13	19	14	13	—	59
Число дворовъ крестьянскихъ . . .	267	161	314	538	170	1450
— — бобыльскихъ . . .	47	69	85	89	—	290
Наличное число крестьянъ . . .	280	173	351	546	170	1520
— — бобылей . . .	50	86	91	98	—	325
Пустыхъ дворовъ (послѣ бѣглыхъ и половинныхъ)	30	32	19	25	10	116
Пашни паханой, перелому и дикого поля въ четьяхъ, въ трехъ поляхъ .	7039 ¹ / ₂	3210 ¹ / ₂	7710	13892	2754	34606 ¹ / ₄
Число копенъ сѣна, около . . .	10000	5000	8000	17000	5500	45500
Лѣсу хорошаго и дроваго десятъ .	7000	3000	7500	10000	2000	29500
Весь станъ платилъ въ сошное писмо съ живущаго, съ четеи пашни съ .	39	19 ⁵ / ₁₆	41 ¹ / ₂	70 ¹ / ₂	8 ⁵ / ₁₆	178 ¹⁵ / ₁₆

Изъ этой таблицы видно, что въ началѣ XVII ст. Усманскій станъ оказы-
вается наиболѣе населеннымъ, наиболѣе поэтому богатымъ пашенными землями
и потому наиболѣе же бѣденъ лѣсами. Лишь частые приходы военныхъ лю-
дей препятствовали быстрому развитію его сельскаго хозяйства, которое по
всей вѣроятности возникло еще до основанія Воронежа. Впрочемъ, показанное
въ писцовыхъ книгахъ число крестьянъ несомнѣнно далеко ниже дѣйстви-
тельности; истинную цифру крестьянъ и бобылей Украина скрывала отъ писцовъ
и скрывала по необходимости, потому что большинство изъ нихъ были—*бѣг-
лые* изъ внутреннихъ областей, какъ увидимъ далѣе.

Если къ этому прибавить еще количество земельныхъ угодій, бывшихъ во
владѣніи людей городовыхъ службы, казаковъ, стрѣльцовъ и др., то получится
общая цифра, по которой намъ уже можно будетъ судить о степени развитія
сельскаго хозяйства въ Воронежскомъ краѣ въ началѣ XVII в.

Стрѣльцовъ, казаковъ, зятинниковъ, пушкарей и
проч. всего гарнизона 664 чел.

У нихъ захребетниковъ и бобылей 96 —

У нихъ угодій:

1) Гуменъ и огородовъ подгородныхъ 552 чет.

2) Городской пашни и въ придачахъ 14753 —

Четырехъ сотникамъ казачьимъ и стрѣleckимъ 200 —

Всего . . . 15505 ч.

Сѣна копенъ 29928 к.

Лѣсу хорошаго и строеваго 3000 дес.

Всей пашенной земли къ 1629 г. было:

Государевой десятинной 200 д.

Монастырской четвертной 1360 четеи въ десятъ 2040 д.

Церковной—649 четеи 974 д.

Вотчинниковой 922¹/₂ 1383 д.

Уѣздныхъ помѣщиковъ 34607 четеи, или десятинь 51910 д.

Городовыхъ (мелкопомѣстныхъ) 15505 чети или 23258 д.

Всего во владѣніи помѣщиковъ находилось пашенной земли . . . 79765 д.

Подъ гуменниками и огородами (552×7 ч.)	
3864 ч. или	5796 д.
Итого обрабатываемой земли	85561 д.
Сѣнокосовъ и пастбищъ 82896 копенъ или (по 6 к. на д.)	14112 д.
Лѣсу хорошаго и дровянаго	33245 д.
А всего за помѣщиками было зем. угодій	132918 д.
Слѣдовательно, при общемъ числѣ населенія Воронежскаго уѣзда въ 4000 душъ, въ 1629 году приходилось на каждую:	
Пашенной земли	21 ¹ / ₄ д.
Луговъ или сѣнокосу	3 ¹ / ₂ д.
Лѣсовъ	8 ¹ / ₃ д.

А полный средній надѣлъ земельныхъ угодій на одну душу былъ не менѣе 33 десятинъ. При такомъ щедромъ надѣлѣ воронежскіе землевладѣльцы дѣйствительно имѣли право называться *помѣщиками*, тѣмъ болѣе, что размѣрами своихъ надѣловъ удовлетворялись они до тѣхъ поръ, пока не представлялось надобности, а вѣрнѣе, возможности эксплуатировать огромныя площади, принадлежавшія государству и называвшіяся *дикими полями*, когда это была цѣлина, никому еще не принадлежавшая и — *порозжими* землями, если это было вымороченная или по другимъ причинамъ лишившаяся своего владѣльца земля. Надобность въ *заимкѣ* представлялась тотчасъ же, коль скоро удавалось замануть какимъ нибудь способомъ къ себѣ одного или нѣсколько бѣглыхъ, изъ внутреннихъ областей, холопей или вообще пашенныхъ людей разныхъ наименованій, которыхъ тотчасъ же превращали, путями хорошо извѣстными воеводскимъ подъячимъ глубокой старины, въ своихъ *старинныхъ* крестьянъ, бобылей, захребетниковъ, гулящихъ людей, дворовыхъ, задворныхъ, дѣловыхъ, дворниковъ, закладчиковъ, если бѣглецъ былъ издалека; если же онъ выбѣжалъ изъ одного изъ смежныхъ уѣздовъ, такъ что можно было опасаться, что явится его прежній хозяинъ за нимъ, то его уже не записывали своимъ стариннымъ крестьяниномъ, а держали тайно до первой опасности обнаруженія укрывательства или до окончанія полевыхъ работъ, а затѣмъ бѣглецъ переходилъ къ другому помѣщику на зимнія работы, оттуда къ третьему опять на лѣтнія работы и т. д. что называли *жить бѣглыми или переходя*.

Внимательное изученіе причинъ невѣроятно быстраго роста и широкаго развитія придонской сельскохозяйственной промышленности приводитъ неизбѣжно къ заключенію, что край этотъ *обязанъ былъ своимъ процвѣтаніемъ почти исключительно введенному въ Россію въ 1593 г. крепостному праву*, такъ что не осуществивъ этотъ законъ, и «польская» украинна надолго оставалась бы малозаселенною и малообразованною пустынею, охраняемою немногими ратными людьми, состоявшими на государевѣ службѣ, да и тѣ, вѣроятно, при первой возможности бѣгали бы обратно въ Русь, какъ тогда говорили, на родину; но закрѣпощеніе, прикрѣпленіе къ мѣсту казалось крестьянину страшнѣе Украины со всѣми ея ужасами, не исключая *татировъ*. Къ этому времени, тамъ по ниже, на Дону, успѣло уже сформироваться ядро донскаго казачества, и вотъ лишенному свободы крестьянину мерещутся двѣ сильныя приманки, одна привлекательнѣе другой, смотря по наклонностямъ, полу и возрасту его. Молодые силы стремились на Донъ *зипуны добывать* —

казаковать, а люди болѣе зрѣлыхъ лѣтъ и мирнаго характера—въ Воронежскій край, гдѣ каждый помѣщикъ принималъ его радушно, поилъ и кормилъ и дорожилъ имъ, лишь бы онъ помогалъ ему землю вспахать. Здѣсь, въ Воронежскомъ краѣ, о закрѣпощеніи бѣглеца, въ особенности въ началѣ, рѣшительно нечего было и думать, всѣ знали хорошо мѣстный девизъ «отъ Воронежа до Степь не загорожена», а тамъ—тамъ живутъ степные витязи, Донцы, которые также очень рады новому пришельцу и уже, обратно, требуютъ отъ него, чтобы онъ, пришлецъ, разъ навсегда отрекся отъ мирной жизни и всякихъ мирныхъ занятій, причемъ они не справлялись вовсе ни о его религіозныхъ убѣжденіяхъ, ни о степени безупречности его прошлаго. При такихъ условіяхъ донское казачество очень быстро размножилось, причемъ оно, такъ какъ ни земледѣліемъ, ни вообще сельскимъ хозяйствомъ не занималось, неожиданно авилось очень крупнымъ и постояннымъ потребителемъ сельскохозяйственныхъ произведеній Воронежскаго края. Принужденная, силою обстоятельствъ, скрывать отъ Московскаго правительства истинную цифру своего уже значительнаго населенія, такъ какъ оно въ числѣ своихъ членовъ считало также и множество раскольниковъ, бѣглыхъ служилыхъ и ратныхъ людей, — казачество и кормленіе свое, *донской отпускъ*, получало въ размѣръ, далеко неудовлетворявшемъ дѣйствительныя потребности его и разниа эта была настолько велика, что она, эта разниа, скоро положила основаніе, а затѣмъ на долгое время обусловила собою цвѣтущее состояніе сельско-хозяйственной промышленности и въ особенности хлѣбной торговли Воронежскаго края.

Вскорѣ и Приволжскіе казаки стали усердными потребителями сельско-хозяйственныхъ произведеній воронежцевъ и торговнымъ пунктомъ для нихъ сталъ Царицынъ, гдѣ воронежцы продавали хлѣбъ, *говяжьи* сапоги, епанчи, шапки, сермяжное сукно, яблоки, овощи, деревянную посуду и прочія издѣлія свои, покупали соль — пока почти единственный привозной продуктъ мѣстной торговли съ Югомъ, если не считать рогатый скотъ и лошадей, которыхъ они, въ началѣ впрочемъ, покупали въ значительномъ количествѣ, отъ донскихъ казаковъ, верѣдко огромными табунами и гуртами, *огромленными* послѣдними у калмыковъ и татаръ, а также ткани и пряности, которыя привозили кизылбашскіе купчины въ незначительномъ количествѣ. Торговлю *низовую* само Правительство всячески поощряло и даже предписывало придонскимъ воеводамъ пропускать *безпенно* всѣ суда, идущія на Низъ, къ донскимъ казакамъ, съ хлѣбными и иными товарами — не имать съ нихъ никакихъ пошлинъ. Все это вмѣстѣ взятое имѣло самое благотворное вліяніе на развитіе мѣстной сельскохозяйственной промышленности, на которой одной пока основывалась вся Воронежская торговля, и о цвѣтущемъ состояніи которой воронежскіе воеводы писали царю Михаилу Ѳеодоровичу, что «торговля де на Воронежѣ бываетъ по вся дни». Мы ранѣе видѣли неоднократныя попытки царя Алексѣя Михайловича привлечь сельскохозяйственные произведенія Воронежа къ сѣвернымъ портамъ, для сбыта ихъ за границу. Вскорѣ и площадь посѣвовъ въ воронежскомъ краѣ значительно расширилась. Къ концу царствованія Алексѣя Михайловича воронежскій уѣздъ платилъ уже въ сошное письмо съ живущихъ 762 четей, вмѣсто прежнихъ 178, которыя онъ платилъ въ 1629 году, слѣдовательно, всей обработанной пашни было уже около полумилліона десятинъ, а

на это необходимы были рабочія руки; не мало требовалось ихъ также и для садовъ, гуменниковъ, пчеловодства, рыболовства, громадныхъ сѣнокосовъ и на уходъ за многочисленными табунами и стадами, пасшимися по безбрежнымъ степямъ. Откуда же ихъ было брать, если въ рабочихъ силахъ ощущался такой сильный недостатокъ, въ сравнительно благоустроенныхъ внутреннихъ областяхъ тогдашняго Московскаго государства, такъ что отъ недостатка рабочихъ рукъ страдало экономическое благосостояніе государства?

Отвѣтъ на это находимъ въ мѣстныхъ письменныхъ памятникахъ глубокой старины; изъ нихъ видимъ, что воронежцы не брезгали никакими путями и никакими способами, какъ бы они ни были предосудительны съ точки зрѣнія нравственности, для того, чтобы добыть себѣ лишнюю пару рабочихъ рукъ. Обстоятельство это настолько интересно, что невозможно его пройти молчаніемъ.

Первый составъ *пашенныхъ* людей въ воронежскомъ краѣ несомнѣнно сформировался изъ крестьянъ и холопей, бѣжавшихъ на Донъ отъ крѣпостной зависимости и это *бѣганіе* началось столь рано, что даже за первый годъ существованія указа о закрѣпленіи уже извѣстно нѣсколько именъ бѣглыхъ холопей, укрывавшихся въ Воронежѣ; но явившись въ Воронежъ, бѣглецу стоило только постучаться въ первое встрѣтившееся по улицѣ слюдяное оконце, затинщика ли, пушкаря, либо казака или стрѣльца, чтобы тотчасъ же прерваться въ *захребетника*, или *бобыля*. Дѣло въ томъ, что перечисленные сословія ратныхъ людей лѣтомъ въ самую страдную пору бывали настолько поглощены государевой службой, что по словамъ одной изъ отписокъ воронежскихъ губныхъ старостъ царю Михаилу Феодоровичу, изъ за этого обстоятельства пришлось предписанный повальный обыскъ отсрочить съ лѣтней поры на зиму, за невозможностью собрать въ городъ очень занятыхъ службою ратныхъ людей. При такихъ условіяхъ жизни и при такихъ тяжестихъ украинской службы стрѣльцу или казаку—что оставалось дѣлать съ своими 7—10 четами пашни, данными взамиѣ жалованья не только на прокормленіе, но и на уплату нѣкоторыхъ лежавшихъ и на нихъ повинностей? Когда пахать, когда орать и когда хлѣбъ собирать, когда не только за воинскими людьми *гонять*, но по недѣлямъ по уѣзду, покидая городъ, въ помощь губному старостѣ, или цѣловальнику, приставу или еще кому нибудь для поимки воровъ, татей, убійцовъ, недоимщиковъ и мало ли кого еще *изымать* ходить приходилось? А то и вовсе съ самой весны, *какъ снѣгъ съ поля сойдетъ*, пошлютъ на все лѣто въ *донской отпускъ*, либо встрѣчать или проводить, турскихъ либо крымскихъ, пословъ, — кому тогда пашню пахать, чтобы голодною, студенною смертію не помереть? Съ нетерпѣніемъ дожидается стрѣлецъ или казакъ, пушкарь или затинщикъ этого стука въ слюдяное оконце... Съ другой стороны, собирающійся бѣжать на Донъ, съ Вологды ли, Новгорода, Москвы, Ярославля, или изъ другихъ городовъ, впередъ уже знаетъ, что его тамъ ожидаетъ. Слухъ о привольной жизни на польской Украинѣ, гдѣ всякихъ харчей можно ѣсть съ *довольствомъ*, гдѣ крѣпостями *сильно* не крѣпостятъ, а въ случаѣ надобности въ низовые городки сбѣжать можно *показаковать*,—уже давно пронесся по всей матушкѣ Россіи—и начались побѣги въ колоссальныхъ размѣрахъ, о чемъ наглядно свидѣлствуютъ сохранившіеся многія тысячи челобитонъ и дѣлъ о розыскѣ бѣжавшихъ на Донъ разныхъ Парфишекъ, Паршиковъ, Епишекъ съ

жонками Марьичами да Дарьичами и съ дѣвками Малашками да Парашками и съ *сносными* животы. Къ престнымъ стрѣльцамъ да пушкарямъ обыкновенно являлись одинокіе или бѣжавшіе отъ семейства, въ надеждѣ поджиться на Воронежѣ и, выждавъ удобный моментъ, бѣжать далѣе, на Донъ, гдѣ уже устроившись окончательно, дожидаться семьи. Случалось притомъ нерѣдко и такъ, что въ условія договора входило обязательство со стороны стрѣльца или казака, въ силу котораго послѣдніе обязывались послѣ окончанія урочной службы, своими средствами, бѣглецовъ *свести* на Донъ, снабдивъ ихъ предварительно всѣмъ необходимымъ; но при этомъ, какъ видно изъ сохранившихся дѣлъ XVII в., случалось также нерѣдко, что проводивъ бѣглеца, по окончаніи условленнаго срока полевыхъ работъ, подъ предлогомъ на Донъ, до ближайшаго лѣса, находившагося за слободою Придачею, хозяинъ — стрѣлецъ или казакъ — *теряли* ихъ, т. е. убивали несчастныхъ въ лѣсу, ограбивъ послѣдніе пожитки. Дѣлалось же это не ради одной только наживы, которая обыкновенно бывала не велика, но главнымъ образомъ потому, что за проводы на Донъ полагалось несравненно болѣе тяжкое наказаніе, чѣмъ за укрывательство бѣглаго; *потерявъ* же ловко несчастнаго, убійца избавлялся навсегда отъ какого бы то ни было преслѣдованія, лишь бы послѣднее преступленіе осталось сокрыто.

Иное дѣло, когда бѣглецъ, одинокій или семейный, попадалъ къ *уѣздному* помѣщику, куда принадлежали бѣломѣстные атаманы, дѣти боярскія, воронежцы-дворяне и высшіе чины воронежской администраціи, воеводы, губные старосты и сотники казацкіе, а также монастыри, за исключеніемъ, какъ намъ кажется вотчинниковъ, которые повидимому неохотно принимали бѣглыхъ, вѣроятно изъ опасенія лишиться *наследственнаго* имѣнія изъ за этихъ бѣглецовъ.

Эти уѣздные помѣщики принимали бѣглеца съ распростертыми объятіями и если онъ бывалъ одинокій, то всѣми силами старались поскорѣе его женить на своей дворовой дѣвкѣ, считая пріемъ этотъ вѣрнѣйшимъ и цѣлесообразнѣйшимъ для прикрѣпленія бѣглеца къ мѣсту. Въ самомъ дѣлѣ, какъ видно по документамъ мѣстныхъ архивовъ, этимъ путемъ помѣщики очень часто достигали цѣли: какаѣ бы ни была подвижная натура — *«непосѣда»* — разъ только помѣщику удавалось бѣглеца *женить во дворѣ* къ какому нибудь изъ своихъ крѣпостныхъ, какъ пришлецъ уже становился *крѣпкимъ мѣсту*, и обратно, убѣгалъ всякій, если сосѣднему помѣщику удавалось только смануть или поговорить къ побѣгу жену пришлеца. Эта черта характера русскаго народа была, повидимому, хорошо знакома Правительству, ибо для возвращенія изъ бѣговъ сошныхъ или тяглыхъ людей обыкновенно *метали* въ тюрьму ихъ женъ и мѣра эта, какъ видно изъ дѣлъ XVII в. часто оказывалась дѣйствительною. Но откуда брались эти *«дѣвки»*? Крайняя нужда въ рабочихъ рукахъ изощрила изобрѣтательность воронежскихъ землевладѣльцевъ. Они скупили молодыхъ *полонянокъ*, т. е. взятыхъ въ плѣнъ дѣвочекъ, обыкновенно крымскихъ, кубанскихъ, а въ особенности цѣнились, вѣроятно по привлекательности, астраханскія, крестили въ православную вѣру и воспитывали ихъ въ семействахъ своихъ крестьянъ. Дѣвочки росли и привязывались къ своимъ хозяевамъ настолько, что убѣгали лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, развѣ сманенныя приглянувшимися пріѣзжими донцами, которые почасту посѣщали воронежскій край съ разными, торговыми и другими цѣлями, а между прочими и съ этою; вста-

ти замѣтитъ, что доны были причиною значительной эмиграціи воронежскихъ женщинъ въ Довѣ...

Менѣ охотно принимались семейные, а въ особенности бѣглыя жонки, но все таки принимались и они, — такъ велика была нужда въ рабочихъ рукахъ, но при этомъ по возможности избѣгали женить своихъ крѣпостныхъ на дѣвкахъ изъ *выбѣжавшихъ* семей, по вышеуказанной причинѣ.

Но если такъ былъ великъ спросъ на рабочія руки у уѣздныхъ помѣщиковъ, то какими долженъ былъ онъ быть со стороны монастырей воронежскаго края, хозяйства которыхъ были не только гораздо обширнѣе, но и многосложнѣе чѣмъ хозяйства мірскихъ землевладѣльцевъ. Въ самомъ дѣлѣ, помимо весьма значительныхъ вотчинныхъ пашень, въ монастырскомъ хозяйствѣ требовалось не мало рукъ и для содержанія дворовъ: гостиннаго, служебнаго, конюшеннаго, животиннаго, пчельнаго, коровьяго, баннаго, погребнаго и ледничнаго; у нихъ были дворы квасоваровъ, свѣчниковъ, воскобойниковъ, хлѣбопековъ, проскурники (просвирни), кузнецовъ, плотниковъ и дѣловыхъ людей, т. е. ремесленниковъ и мало ли еще какихъ.

Монастыри поэтому и отличались наибольшимъ гостепріимствомъ въ отношеніи всякихъ *странниковъ* и *странницъ*, какими бѣгле съ Руси холопи себя рекомендовали. Этимъ мнимымъ странникамъ безъ дальнѣйшихъ околичностей предлагали остаться при монастырѣ навсегда, на что тѣ тѣмъ охотнѣе соглашались, что жизнь на монастырскихъ хлѣбахъ наиболѣе соответствовала вкусу бѣглыхъ сошинныхъ людей, о чемъ особенно заботилась монастырская братія, по причинамъ нижеуказаннымъ. Выражавшаго желаніе оставаться навсегда при монастырѣ немедленно пристраивали къ какимъ либо занятіямъ по сельскому хозяйству, сообразуясь съ поломъ, возрастомъ, познаніями и происхожденіемъ бѣглеца. Стариковъ обыкновенно пристраивали въ пастухи, къ конскимъ или животиннымъ стадамъ, ремесленники становились *дѣловыми* людьми по своей специальности: кузнецами, плотниками, иконописцами и проч., очень молодые, притомъ лишившіеся родителей попадали въ монастырь *ни воспитаніе*, взамѣнъ чего всю жизнь до сѣдыхъ волосъ работали, оставаясь въ несвѣтномъ званіи *дѣтеныша*; женщины обыкновенно становились коровницами, хлѣбопечками, огородницами и вообще помогали въ полевыхъ работахъ и наконецъ ничего специально неумѣвшій бездомный людъ попадалъ въ монастырскіе *бобыли кормящіе*. Никакихъ прозвищъ, памятей или другихъ письменныхъ документовъ не спрашивали у странника. — «Какъ тебя имя?» спросятъ его. — «Зовутъ меня Оеонка, а прозвище мнѣ Насѣдка», отвѣтитъ не смущаясь нежданный, но желанный гость, и монастырская братія безъ дальнѣйшихъ разбирательствъ, не задумываясь, заноситъ пришельца въ монастырскую книгу, то въ дворовые, то въ пашенные люди, смотря по обстоятельствамъ; но не только съ курьезными, вымышленными прозвищами, въ родѣ Насѣдки, Бобыленка, Старого, Совы, Порозжева-Брюха и проч. принимались монастырскою братією, но даже бѣглыхъ поповъ не стѣснялись записывать въ число монастырскихъ *работниковъ*, причемъ прямо отмѣчалось что попъ — *бѣглой*. Религіозныя ли убѣжденія, либо экономическія соображенія руководили въ данномъ случаѣ писцами и украинными воеводами, только они этихъ погрѣшностей въ отношеніи закона не замѣчали или замѣчать не хотѣли.

Но если монастыри съ этой стороны не опасались государевыхъ писцовъ и украинскихъ воеводъ, то всетаки имъ приходилось наблюдать зорко, *недреманнымъ окомъ* зѣмѣть, чтобы ихъ «крестьянишекъ и бобыльковъ» не сманули разные помѣщики или другіе монастыри, а въ особенности Боршевской, имѣвшій въ глазахъ бѣглыхъ пашенныхъ и другихъ людей то преимущество, что находясь на самомъ рубежѣ уѣзда, представлялъ болѣе легкую возможность *уходомъ уходить* на Донъ, въ случаѣ собственнаго желанія или преслѣдованія со стороны Правительства. А это случалось въ особенности тогда, если крестьянинъ *выбѣгалъ* изъ вотчины какого нибудь вліятельнаго, знатнаго боярина или князя. Въ послѣднемъ случаѣ ихъ разыскивали *всякими сыски накрѣпко*, бѣглеца не спасали ни монастырскій погребъ, ни слѣдовательно монастырскія стѣны; но если нельзя было безъ явнаго риска укрывать бѣглыхъ, принадлежавшихъ людямъ *лучшимъ и полнымъ*, за то безслѣдна и безнаказанна оставалась *утайка* крестьянъ, выбѣжавшихъ изъ за людей *молодыхъ* (*). Украина эта прекрасно знала, и поэтому избѣгала принимать патриаршихъ, княжескихъ и боярскихъ холопей и крестьянъ, почему послѣднимъ оставалось лишь одно изъ двухъ: либо приписаться въ ратные люди и служить государеву службу съ городомъ, либо—уходомъ уходить на Донъ. Всего труднѣе приходилось въ этомъ отношеніи мелкопомѣстнымъ землевладѣльцамъ, разнымъ дѣтемъ боярскимъ, которымъ нельзя было понадѣяться ни на свою *мочь*, чтобы захватить чужихъ крестьянъ *насилъствомъ*, ни на свои *статки*, чтобы привлечь къ себѣ охотниковъ *добродѣтелью*; вообще человѣку *скудному, непрожиточному* трудно приходилось справиться въ особенности въ урожайные годы. Поэтому нерѣдко случалось и такъ, что поверстанному помѣстьемъ *новому* сыну боярскому родные его братья, по необходимости, заимѣвали крестьянъ.

Между тѣмъ побѣги крестьянъ изъ внутреннихъ областей достигли дотолѣ неслыханныхъ размѣровъ; провѣдавъ о привольной жизни на *Степи*, а въ особенности среди Донцовъ, крестьяне, бѣгавшіе до сихъ поръ въ одиночку и отдѣльными семьями, стали уходить на Донъ толпами, такъ что цѣлыя вотчины опустѣли. Со всѣхъ сторонъ посыпались жалобы и челобитны, слѣдствіемъ чего былъ строжайшій приказъ украиннымъ воеводамъ сыскивать на Дону бѣглыхъ всякими сыски, а сыскавъ, возвращать ихъ прежнимъ помѣщикамъ. Одновременно съ этимъ былъ отправленъ въ Воронежъ князь Шаховской съ специальнымъ порученіемъ—сыскивать и ловить бѣглыхъ. Результаты этихъ розысковъ оказались самые плачевные: огромная масса пашенныхъ людей, занимавшихся мирно своимъ ремесломъ, провѣдавъ о преслѣдованіяхъ противъ нихъ, покинули свои земледѣльческія занятія и двинулись, къ донскимъ казакамъ, замѣнявъ мирный плугъ острою саблею. Для сельскаго хозяйства воронежскаго края это былъ ужасный ударъ; не принесла эта ловля крестьянъ пользы и внутреннимъ областямъ; единственно, кому она послужила въ пользу, это были городъ Ливны, а въ особенности Елецъ съ ихъ уѣздами. Дѣло въ томъ, что

(*) Въ грамотѣ царевича Алексѣя Алексѣевича воронежскому воеводѣ Непейцину предписывается бѣглыхъ боярскихъ холопей, пойманныхъ на Воронежѣ или уѣздѣ,—*вѣшать*, а воронежцевъ, которые ихъ будутъ тайтъ—бить *батоги* нещадно по первому разу, а если это случится вдругіе, то бить ихъ *кнутомъ*, чтобы на то смотря, инымъ неподавно было такъ воровать.

двинувшись на *Низъ*, какъ тогда выражались, многотысячная толпа бѣглецовъ значительно увеличила собою число *хлѣбояжцевъ* — потребителей воронежскихъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, лишивъ своимъ вынужденнымъ и внезапнымъ уходомъ воронежцевъ возможности удовлетворить не только увеличенный, но и прежній спросъ на хлѣбъ; этимъ моментомъ удачно воспользовались Ливенскіе и Елецкіе торговые люди, будари которыхъ *по вся дни* стали возить хлѣбъ мимо воронежскихъ заставъ къ вѣщему горю воронежцевъ, которые въ свою очередь били челомъ великому государю съ великою докукою о своемъ безвыходномъ положеніи и всеконечномъ разореніи, что они предъ всѣми оскудали и опасаются отъ многія нападки въ конецъ разориться, государственной службѣ отбыть и рознь брести, — чтобы, великій государь снисловался, — не велѣлъ разорять. Вслѣдствіе чего послѣдовалъ въ 1625 г. указъ, въ силу котораго, крестьянъ, выбѣжавшихъ болѣе чѣмъ *за пять лѣтъ до подачи челобитны* требовать обратно уже нельзя было, а если пяти лѣтъ еще не протекло, то воевода обязанъ былъ сыскавъ бѣглаго, поставить его «съ очей на очи и въ крестьянствѣ дать судъ и всякими сыски на крѣпко сыскивать, а по сыску учинить указъ выправду, по государеву указу, безволонитно, до чего доведетца».

Настало тяжелое время для сельской промышленности воронежскаго края, а тутъ, — точно нарочно — кто-то пустилъ слухъ, что на Дону въ казачьихъ городкахъ моровое повѣтріе, что народъ весь почти отъ него вымираетъ. Встревоженная этими вѣстями администрація разставила заставы и строжайше воспретила ѣздить на Донъ съ хлѣбными и иными припасы. Два торговыхъ человѣка было уже прокрались мимо заставъ, но ихъ поймали и били батоги нещадно, *разоболокнуи*, вслѣдствіе чего послѣдній путь сбыта сельско-хозяйственныхъ произведеній былъ временно закрытъ для Воронежцевъ.

Крайняя нужда въ рабочихъ подвинула воронежцевъ на крайнія мѣры къ приобрѣтенію ихъ; дошло до того, что стали прибѣгать къ открытому насилию. Многіе и очень многіе, надѣясь на свою мочь, вооруживъ всѣхъ своихъ родственниковъ и хлѣбояжцевъ и дворику, дѣлали нападенія на болѣе счастливыхъ въ этомъ отношеніи сосѣдей, а то отправлялись и въ дальнія вотчины и помѣстья, причеиъ дѣло нерѣдко доходило до *огненаго* боя, не говоря уже о копьяхъ, бердышахъ, рогатинахъ и ослопьяхъ, забирали крестьянъ съ женами и дѣтьми и увозили къ себѣ *сильно*, своимъ озорничествомъ; пока судъ рѣшалъ дѣло, — лѣто приходило къ концу, наступала осень, въ теченіи которой заканчивались не только полевые работы, но и молотба, почему хищникъ спѣшилъ возвратитъ обратно загнанные крестьянъ, не столько потому что въ нихъ уже миновала надобность, а главнымъ образомъ дабы *очиститъ* себя предъ судомъ. Съ этого времени началось здѣсь насильное закрѣпощеніе не только крестьянъ, но вообще всякаго *немочнаго* челоѣка, гдѣ только можно было надѣяться, что сойдетъ безваказанно, разныхъ гулящихъ людей, посадскихъ и торговыхъ. Для характеристики этого времени достаточно будетъ привести одного — два примѣра изъ великаго множества *озорниковъ*, подвизавшихся на этомъ поприщѣ. Возьмемъ хотя бы дѣло знаменитаго украинскаго озорника Бориса Завѣсина, заключавшееся въ слѣдующемъ. Въ концѣ XVII ст. билъ челомъ на Воронежъ стольнику и воеводѣ Грибоѣдову усманецъ Олимпій Лебедевъ, а сказалъ: дѣдъ де и отецъ его были донскіе казаки, а отецъ его,

пришедъ на Воронежъ, женился у помѣщика Андрея Кобелева на дворовой его татаркѣ, астраханкѣ и—умра. Челобитчикъ, оставшись въ малыхъ лѣтахъ, прожилъ послѣ этого 15 лѣтъ у Кобелева, который умирая, приказалъ братья-мъ и женѣ дать челобитнику отпускную. Получивъ отпускную, челобитчикъ продолжалъ служить вдовѣ покойнаго по добродѣтели, т. е. добровольно. Затѣмъ онъ Олимпій былъ отправленъ воеводою вмѣстѣ съ другими въ сторо-жа за городъ и въ его отсутствіи Б. Завѣснъ насильствомъ увезъ его жену, дѣтишекъ и животы. При содѣйствіи своей прежней помѣщицы, Олимпій выхлопоталъ себѣ грамоту о возвращеніи ему увезенной *сильно* семьи и съ грамотою въ карманѣ отправился къ Завѣсину. Выслушавъ смѣлое требованіе простодушнаго и повѣдимаго честнаго О. Лебедева, возвратить ему заграбленную семью и животы, Завѣснъ разсвирѣпѣлъ, кинулся на несчастнаго, избилъ его до полусмерти и *держалъ въ желѣзахъ* взаперти и билъ до тѣхъ поръ, пока не вымучилъ у полуживаго Олимпія и грамоту и отпускную, а затѣмъ, уже покорнаго, отправилъ на полевныя работы. Такъ какъ такихъ жертвъ было у Завѣсина не мало и всѣ они достались ему безнаказанно, то и на этотъ разъ сошло бы, если бы о судьбѣ несчастнаго Лебедева не позаботилась семья дворянъ Кобелевыхъ, также сильныхъ своимъ вліяніемъ. Они добились *розыска*, т. е. слѣдствія по этому дѣлу, которымъ обнаружено еще 9 случаевъ насильственнаго закрѣпощенія однихъ только служилыхъ людей, не считая другихъ незаконныхъ путей прісвѣщенія крестьянъ, къ которымъ такъ охотно прибѣгалъ Завѣснъ. При дѣлѣ оказалась слѣдующая роспись.

- 1) Солдатскій сынъ Микита Никифоровъ; выдалъ онъ, Борисъ, за него дворовую свою дѣвку.
- 2) Меркулъ Потаповъ (свезъ) изъ Тамбова.
- 3) Козацкій сынъ Ивашко Ѳедоровъ; выдалъ за него крестьянскую свою дѣвку.
- 4) Города Добраго драгунскаго сына Сеньку; выдалъ онъ, Борисъ, за него крестьянскую свою дѣвку.
- 5) Города Воронежа солдатской сынъ Кириушка Толкачовъ; женилъ его насильствомъ.
- 6) Того же города Воронежа съ *отпускными* Пронку Сергѣева да Ивашку Грувая съ женою и съ дѣтми.
- 7) Солдата Кириѣ Толкачова сынъ, Ивашку Зиновьева Черкашенина, города Воронежа солдатъ: Ивашку Ѳитова, да Зотку Тимоѣева да Демки Шаталова, да Ваську Волкова.
- 8) Усманцевъ: Петрушку Ушина, Сеньку Ламенка, Сережку Карганца.
- 9) Города Сокольска солдата Зотку Щокина.

Сохранилось множество челобитень почти одинаковаго содержанія. Всѣ они наполнены жалобами на временное или вѣчное присвоеніе крестьянъ. Въ одномъ случаѣ жалуются, что такой-то челобитчиковыхъ крестьянъ «разоромъ разоралъ и нападкама нападалъ»; въ другомъ, что нѣкто завладѣлъ его крестьянами и крестьянскими доходами; въ третьемъ, что сосѣдъ у челобитчиковыхъ крестьянъ не только отнималъ *сильно* лошадей и всякую рухлядь и скотину, но и за дѣвокъ, дочерей челобитчиковыхъ крестьянъ, себѣ выводилъ ималъ, наконецъ въ четвертомъ случаѣ озорничество сосѣда доходитъ до того, что онъ крестьянамъ на своего помѣщика работать не велитъ и слушать его ни въ чемъ

не велеть и скотину многую и поборы всякіе сосѣль съ крестьянъ челобитчи-
ка ималъ на себя и всякую работу велеть работать на себя», и т. д. Всѣ
эти челобитни оставались безъ послѣдствій, по причинамъ въ нихъ же указан-
нымъ т. е. или: «воевода ималъ посуды многіе», или онъ «чинилъ многія воло-
киты дружа отвѣтчику» или же вообще «воровя отвѣтчику для своей без-
дѣльной корысти и для многихъ его взятковъ». Но бывали и исключенія,
это именно случалось, когда, какъ говорилось, «дѣла на дѣку нашѣлъ». Какой
нибудъ *всему уѣзду вѣдомый озорникъ*, сгоряча, открыто заграбить одного или
нѣсколькихъ крестьянъ у очень знатнаго и полнаго человѣка или же у дру-
гаго озорника, который не одному, а двумъ уѣздамъ вѣдомъ своимъ *художес-
твомъ*, вотъ тутъ то бывали курьёзы. Необходимо замѣтить, что черезчуръ частые
побѣги крестьянъ вызвали со стороны Правительства соответственно строга
мѣры, какъ противъ бѣглыхъ крестьянъ, такъ и противъ принимавшихъ и
укрывавшихъ ихъ помѣщиковъ, поэтому кончать подобныя дѣла миромъ, *по-
говоря межъ себя полюбовно*, считалось недостаточнымъ, почему увертли-
вые озорники прибѣгали къ такой хитрости: чтобы избавиться отъ судебного
преслѣдованія, заграбившій чужихъ крестьянъ отправлялся къ обиженному вла-
дѣльцу ихъ, оказавшемуся сильнѣе его и предлагалъ ему взамѣнъ каждаго не-
законно захваченнаго крестьянина—двухъ или трехъ и даже болѣе, смотря по
испугу, своихъ крестьянъ, или же если своихъ крестьянъ не было, то платилъ
наличными деньгами, но при этомъ въ купчей писалось: въ первомъ случаѣ,
что вынѣживаются наличные крестьяне на *бѣглыхъ*, а во второмъ, что такой-
то купилъ у такого-то его *бѣглаго* крестьянина. Приведемъ для примѣра ви-
держку изъ одного подобнаго документа отъ 1650 г. «... подъячій Петръ Иса-
ковъ поступился Гаврилѣ Гендлину поступного своего человѣка Саву Ми-
хайлова, котораго (ему) поступился Матвѣй Ивановъ сынъ Кисловской—за
долговые его Гаврилова деньги за пять рублей. А *тотъ мой человекъ
Сава въ бѣгахъ* и того моего крѣпосного человѣка ему Гаврилу *изъ бѣговъ
выискивать самому* а которая на того моего человѣка Саву была
прежняя крѣпость, и ту крѣпость отдалъ я Петръ ему Гаврилу. А буде онъ
Гаврило того моего Петрова поступного человѣку Саву изъ *бѣговъ не си-
щитъ*, и ему Гаврилу вѣсто того человѣка Савы на мѣ Петръ и на женѣ
моей и на дѣтѣхъ того человѣка и долговыхъ своихъ вышенисанныхъ денегъ
не спрощать и не искать....» Смыслъ этого документа таковъ, что у не-
сильваго, но жаднаго Гендлина былъ взятъ обратно заграбленный крестьянинъ,
а за несообразительность его взято *пять рублей* денегъ, для того чтобы впредь
не повадно было человѣку не полному и не мочному такъ воровать: хватать
крестьянъ у самаго подъячего, да еще Преображенскаго Приказу.

Недостатокъ въ рабочихъ рукахъ и безъ того довольно ощутительный часто
и неожиданно усиливался вслѣдствіе какихъ либо политическихъ осложненій,
вызванныхъ разными историческими событіями. Таковыми, наприѣръ, были
опустошительные набѣги на украинные города Крымской, Ногайской или Ку-
банской орды, отдѣльно или вѣсть, произволившіеся иногда съ цѣлю грабежа
и для захвата полоняниковъ, а иногда также и по велѣнію Салтанова вели-
чества, съ которымъ насъ сорили западные сосѣди; или же, въ случаяхъ вой-
ны съ послѣдними, когда вабиралось великое множество *посѣжи*, которой еще

въ XVI столѣтіи Иванъ Васильевичъ выводилъ въ поле коневой и пѣшей свыше 80,000 чел. Царь Алексѣй Михайловичъ, лишь только вступилъ на престолъ, какъ началъ готовиться къ войнѣ съ Литвою. Въ апрѣлѣ 1648 г., т. е. вскорѣ послѣ свѣтлаго праздника, когда въ Воронежскомъ краѣ приступили къ полевымъ работамъ, вдругъ была получена грамота царя старостамъ, цѣловальниками и крестьянами селъ Бѣла-Колодезя и Карамышева съ приселками и деревнями, что по государеву указу имъ, крестьянамъ, *впредь не велѣно быти за помѣщики, а велѣно бытъ въ драгунской службѣ*, подъ вѣдѣніемъ Ивана Ртищева въ Сокольскѣ. Этою грамотою крестьяне упомянутыхъ селъ и деревень были навсегда освобождены отъ всѣхъ лежавшихъ на нихъ денежныхъ и натуральныхъ повинностей, *чтобъ тѣмъ къ службѣ полнитца*. Этою грамотою далѣе предписывалось, чтобъ они, крестьяне, государевою милостію были въ драгунской службѣ, у Ивана Ртищева, во всемъ слушали, то есть въ драгунскомъ ученье и подъ судомъ у него были, а для государственной службѣ были бы есте конны съ пищальми и со всякимъ драгунскимъ строеніемъ, да къ пищалемъ держали по рогатинѣ, да по топору. А которые пашни и всякія угоды за вами, и вы бъ тѣми пашнями и всякими угодами владѣли по прежнему и жили смирно и пашни свои пахали и хлѣбъ сѣяли и къ нашей драгунской службѣ были готовы...

Такимъ образомъ, вслѣдствіе возникшихъ тогда политическихъ осложненій, немало воронежскихъ селъ и деревень были превращены въ военные поселенія, причеиъ нѣсколько сотъ пашенныхъ крестьянъ, неожиданно превращенныхъ въ драгунъ, уменьшили собою на нѣсколько сотъ человекъ число наличныхъ рабочихъ рукъ и настолько же увеличили потребность въ послѣднихъ. Дѣло въ томъ, что хотя въ грамотѣ и сказано «выбъ пашни свои пахали и хлѣбъ сѣяли», но едва-ли предполагалось своими руками, ибо новопспеченнымъ драгунамъ обязательно было все лѣто, *какъ снѣгъ съ поля сойдеиъ*, изучать довольно хитрую для того времени драгунскую науку: ѣздить хорошо верхомъ, гораздо прочно въ сѣдлѣ сидѣть, биться и стрѣлять конному рогатиной и пищалью и управляться пищалью спѣшившись, а также и обучаться саперному искусству, — управляться топоромъ. Когда тутъ было полевыми работами заниматься?

Неблагоприятное для сельскаго хозяйства воронежскаго края, это событіе, тѣмъ не менѣе, чрезвычайно важно и интересно для исторіи развитія военнаго дѣла на Руси. Дѣло въ томъ, что подъ главнымъ начальствомъ искуснаго въ воинскомъ дѣлѣ Ивана Ртищева находилось, кромѣ упомянутыхъ, еще много военныхъ поселеній, расположенныхъ по близости его полковой квартирн—Сокольска. Въ нашей исторіи это кажется, первый примѣръ образованія и сосредоточенія постоянного и регулярнаго войска драгунскаго строя въ Заочкой Руси, впоследствии вполне оправдаваемаго возлагавшихся на него надежды: прекрасно обученные Ртищевымъ, закаленные въ схваткахъ и преслѣдованіяхъ разныхъ воинскихъ людей, драгуны эти, семь лѣтъ спустя, предводимые самимъ царемъ, покрыли себя славой, шествовали отъ побѣды къ побѣдѣ и, можетъ быть, не одѣвъ *литовскій* городъ былъ взятъ, благодаря имъ. По крайней мѣрѣ, когда въ 1672 году пришлось возвратить *полякамъ польскія и латынскія печати книги и всякія письма, которыя во время войны ратные люди поймали*, то обратились за ними въ Воронежскій край, гдѣ ихъ дол-

го розыскивали. Затѣмъ, даже въ самый разгаръ Разинской смуты знатныхъ лицъ, командированныхъ государемъ на Низъ, т. е. въ мѣстности на Дону ниже Воронежа, а также и смѣщенныхъ воеводъ, возвращавшихся съ отчетомъ въ Москву, конвоировали, по указу, военные отряды только до Бѣла-Колодезя, отсюда мѣстность уже считалась безопасною.

Но если съ одной стороны отъ этого выигрывало государство, за то съ другой еще болѣе увеличилась мѣстная нужда въ рабочей силѣ, ибо спросъ на сельско-хозяйственные продукты со стороны юга и востока все болѣе и болѣе увеличивался, а вмѣстѣ съ этимъ становилось все болѣе и болѣе выгоднымъ удовлетвореніе его: съѣстные припасы замѣтно поднимались въ цѣнѣ, а вмѣстѣ съ ними дорожали домашній скотъ и земля, все это къ срединѣ XVII ст. уже удвоилось въ цѣнѣ, даже земля, продававшаяся въ концѣ XVI в. по 20 коп., въ началѣ XVII—50 к., продавалась къ этому времени по 1 р. и по 2 р. за четъ, за исключеніемъ орловскихъ земель и нѣкоторыхъ подобныхъ, которыя ни за какія цѣны не покупались до самаго конца почти XVII в., за беззащитностью ихъ отъ все еще продолжавшихся воинскихъ набѣговъ. Вслѣдствіе всего этого стали изыскивать новые пути, чтобы избавить свои земли отъ лежанія *въ пусть*, -- и многіе помѣщики, за недостаткомъ собственныхъ крестьянъ, прибѣгли къ двумъ новымъ способамъ: 1) обработкѣ земель посредствомъ вольнонаемнаго труда и 2) сдачѣ земель въ арендное содержаніе. И то и другое оказалось скоро настолько выгоднымъ, что множество посадскихъ и чернослободцевъ *тяглыхъ* людей, покинувъ разные города, со всѣхъ сторонъ устремились сюда въ Воронежскій край, гдѣ для огражденія себя отъ преслѣдованія со стороны Правительства, во множествѣ стали записываться у помѣщиковъ то *въ закладчики*, то *во крестьян*. Наплывъ этихъ бѣглыхъ тягловъ въ Воронежскій край былъ до того великъ, что въ 1642 г. состоялось распоряженіе о строжайшемъ разслѣдованіи на Воронежѣ: «въ которомъ году они вышли и гдѣ хто нынѣ живетъ, въ какихъ чинѣхъ и за кѣмъ, во крестьянѣхъ или закладчикахъ?» Строгий розыскъ князя В. Г. Ромодановскаго, которому онъ былъ порученъ, обнаружилъ, что это явленіе далеко не новое; что впервые его начали практиковать монастыри, принимавшіе къ себѣ на житье разныхъ странниковъ еще въ исходѣ XVI столѣтія и что оно продолжалось безпрерывно; но замѣтно стало лишь недавно, когда вынужденные силою обстоятельствъ, въ XVII ст. воронежскіе помѣщики стали прибѣгать къ вербованію пашенныхъ людей изъ бѣглецовъ, значительно усилившему эмиграцію. Потребованные къ допросу, эти закладчики и крестьяне, хотя и признавали себя посадскими и чернослободцами тяглыми, но воронежскими же, а не бѣглыми, и утверждали, что жили въ Воронежѣ, до 1613 года. Это было своего рода хитрость: они прекрасно знали, что за періодъ времени, извѣстный въ исторіи подъ названіемъ *смутнаго*, не только въ Воронежѣ, -- въ самой Москвѣ не умѣли разобратся. Ромодановскій такъ и донесъ; но этимъ дѣло не кончилось. Вопросъ былъ слишкомъ серьезенъ, въ немъ было заинтересовано слишкомъ много пострадавшихъ собственниковъ, людей полныхъ и знатныхъ, чтобы дѣло обошлось безъ борьбы. Въ ноябрѣ того же года кн. Ромодановскій получилъ вторичное, болѣе строгое предписаніе, обыскать накрѣпко всякихъ чинцовъ людьми, архимориты и игумены и протопопы и попы и дьяконы по священству, а старцы по ино-

честному обществу, а дворяне и всё прочіе по государеву крестному цѣлованію, — тѣ люди, которые въ росписи воровецкихъ посадскихъ и чернослободцевъ тяглыхъ людей написаны будутъ, со 121-го года на Воронежѣ на посадахъ и въ Черной слободѣ жили ль? И въ тяглы были ль? И когдѣ давно они съ Воронежа съ посаду и съ Черной слободы и съ тягла и въ которомъ году вышли и гдѣ кто нынѣ живетъ, а *распрося ихъ*, потомъ ужъ *про нихъ* велѣно *обыскать* всякихъ чиновъ людьми болшими повалыми обыскомъ: тѣ люди сколь давно и *откуда* кто пришелъ и за кѣмъ они нынѣ живутъ? и которые бѣгле посадскіе и чернослободскіе тяглые люди . . . въ слободахъ, за монастыри или за нашими бояры и за дворяны и всякихъ чиновъ за служилыми людьми закладчиковъ и крестьянъ и на ихъ дворахъ дворниковъ и на церковныхъ земляхъ бобылей и захребетниковъ и всякихъ ремесленныхъ и торговыхъ людей» росписей долженъ былъ представить князь Василій Григорьевичъ Ромодановскій, но онъ даже и *по многимъ присылкамъ ответа никакого*, не присылывалъ, какъ его напрасно и незаслуженно упрекаютъ дальнѣйшія повторныя грамоты. Дѣло въ томъ, что рѣшить задачу эту было гораздо труднѣе, чѣмъ полагали въ Москвѣ, не только вслѣдствіе громадности района или многочисленности населенія, но главнымъ образомъ потому, что въ переработкѣ этой задачи были одинаково заинтересованы всё слои мѣстнаго общества и всё сословія мѣстнаго населенія, да и самъ князь Ромодановскій, мѣстный воевода, человекъ недюжиннаго ума, съ честью «прогodoвавшій» въ Воронежѣ нѣсколько лѣтъ, невольно держалъ сторону подвѣдомственнаго ему края, прекрасно понимая, что законна-ли или нѣтъ эта приписка великаго множества тягловыхъ къ помѣщикамъ, но удалить ихъ обратно, значитъ разорить край, уничтожить его сельскохозяйственную жизнь, притомъ — безъ всякой пользы для государства, ибо стоило только начать преслѣдованіе и — «отъ Воронежа до Степи не загорожена»: многія сотни, а можетъ быть и тысячи мирныхъ доселѣ хлѣбопашцевъ пустились бы *козаковать*. Такими то путями формировалось сельское населеніе воронежскаго края въ продолженіи 17-го столѣтія. Что касается наемныхъ рабочихъ, то имъ платили или погодно, отъ 1 до 3 рублей, или же помѣсячно отъ 6 и до 20 алтынъ, причемъ харчи бывали всегда хозяйскіе; выдавалось обыкновенно точно опредѣленное количество ржи, толокна, крупы и соли на извѣстный срокъ. Наемъ рабочихъ подневно или на разѣ не встрѣчался.

Относительно обращенія придонскихъ помѣщиковъ-дворянъ со своими крѣпостными можно сказать, что за весьма рѣдкими исключеніями, оно всегда отличалось мягкостью и человѣчностью. Во всѣхъ трудныхъ минутахъ жизни, какъ голодъ, эпидемія, пожары, а въ особенности, вслучаѣ обиды со стороны разныхъ сильныхъ людей, помѣщики постоянно являлись горячими защитниками интересовъ своихъ крестьянъ, ихъ энергичными покровителями, какъ это мы выше уже видѣли въ примѣрѣ Лебедева; съ своей стороны и крѣпостные имъ отвѣчали тѣмъ же. Сохранилось нѣсколько документовъ о нарушеніи правъ собственности дворянъ Веневитиновыхъ, Сиверцовыхъ, Михневыхъ и другихъ во время ихъ отсутствія, причемъ крестьяне этихъ помѣщиковъ бьютъ челомъ воеводѣ съ такимъ усердіемъ, какъ будто дѣло шло объ ихъ собственномъ лииуществѣ. Въ отношеніяхъ же помѣщиковъ въ особенности къ *луч-*

и изъ своихъ крестьянъ и наиболѣе преданныхъ, проглядывала даже нѣкоторая фамиллярность: прїѣзжали къ нимъ въ гости, крестили у нихъ дѣтей, вылавали дѣвицъ замужъ и т. п. И даже въ послѣдствіи крестьянскіе бунты противъ помѣщиковъ принадлежали въ Воронежской губерніи къ явленіямъ величайшей рѣдкости, если не считать, понятнo, тѣ случаи, когда ихъ смущали разныя *воры*, и при всемъ томъ, смуты Разина, Булавина и Пугачова встрѣтили, какъ извѣстно, въ крѣпостномъ населеніи воронежской губерніи наименьшее сочувствіе.

Относительно поземельнаго права воронежскаго края можно сказать, что до возникновенія городовъ вся земля считалась государевою вотчиною, земельныя угодья пріобрѣтались въ тѣ времена частными лицами не путемъ купли, а либо за заслуги — потомственно и тогда они владѣли землею на *вотчинномъ* правѣ или же за службу, взявъ части или всего денежнаго жалованья на *помѣстномъ* правѣ, и въ такомъ случаѣ они владѣли землею лишь пожизненно. Существовала еще третья форма землевладѣнія — на *оброчномъ правѣ*, куда слѣдуетъ отнести также и государеву десятинную пашню — единственная форма хотя временнаго пользованія на польской Украинѣ земельными угодьями, доступная не служивымъ сословіямъ (*). Случай пріобрѣтенія вотчины путемъ купли впервые встрѣчаемъ въ 1632 г. и то вотчинникомъ же у вотчинницы (**); другой случай — это пріобрѣтеніе за деньги помѣстнаго жеребья изъ казны въ вотчину помѣщикомъ Иваномъ Юрьевымъ, въ количествѣ 38 четей, по цѣнѣ 1 р. за четь, итого за 38 руб. Но и этотъ случай, какъ явствуетъ изъ купчей, данной казною Ив. Юрьеву, долженъ считаться исключительнымъ, не въ примѣръ прочимъ, ибо это сдѣлано по особенной къ нему, Юрьеву, милости государя, которому онъ Юрьевъ билъ челомъ, что страдая ранами и одряхлѣвъ отъ многихъ войнъ и службъ, онъ нынѣ остался съ женою, дочерьми и внуками, а единственный сынъ, который по закону имѣлъ бы право справить за собою государеву помѣсть — и тотъ сынъ убитъ на государевѣ службѣ подъ Ковотопомъ, «а нынѣ де сталъ онъ *бездѣтенъ*: только одна дочь да двѣ внуки». На помѣстномъ правѣ не имѣвшій сыновей считался бездѣтнымъ даже при многихъ дочеряхъ: женщины пользовались наслѣдственными правами лишь при вотчинномъ владѣніи ихъ отцовъ и мужей. Такъ рѣдки бывали въ началѣ случаи перехода вотчинъ непосредственно отъ вотчинника къ вотчиннику помимо участія правительства. Позднѣе, когда воронежскій край сталъ уже достаточно населенною областью, то помимо наслѣдованія, беззбѣжно должны были возникнуть и новыя формы поземельнаго права относительно владѣнія нѣкогда пожалованными вотчинами; на примѣръ, одинъ вотчинникъ, разбогатѣвъ, *покупалъ* у другаго или бралъ *въ закладъ*, или *обмѣнивался* съ кѣмъ, либо въ приданое за дочерью отдавалъ или наконецъ отдавалъ въ монастырь на вѣчный поминъ души своей (**); во всѣхъ этихъ случаяхъ, выражаясь языкомъ нашихъ

(*) Кроме этихъ формъ потомственнаго и пожизненнаго поземельнаго права, существовало еще *право срочнаго пользованія* какими либо государевыми угодьями, пріобрѣтавшееся преимущественно промышленными людьми и крестьянами съ публичныхъ торговъ изъ *наддачи*. Эти лица назывались *откупщиками*, а сдававшіеся участки — *откупными вотчинами* и *ухожьями*.

(**) См. выше, стр. 36.

(***) Эти вотчины обращались обратно въ казну, причемъ казна выплачивала монастырю по 50 к. за четь, т. е. за каждыя 1½ десятины.

старинныхъ законовѣдовъ, вотчинники должны были совершать официально въ Помѣстномъ Приказѣ *крѣпости*: купчія, закладныя, мѣновныя, радныя и данныя, на самомъ же дѣлѣ, во избѣжаніе не дешево стоившихъ поѣздокъ въ Москву и сопряженной съ ними *московской волокиты*, уклонялись отъ официального *крѣпощенія крѣпостей*, а ограничивались совершеніемъ этихъ актовъ при *третихъ* и послухахъ или же просто на слово, которое ворожеи, за рѣдкими исключеніями, умѣли сдержать рыцарски честно. Такъ оно продолжалось до 1670 г., когда послѣдовалъ чрезъ Помѣстный Приказъ государевъ указъ, въ силу котораго, всѣ крѣпости, совершенныя помимо Помѣстнаго Приказа—*не въ крѣпости*, а самыя вотчины, которыя окажутся незаписанными въ записныя вотчинныя книги Помѣстнаго Приказа въ теченіи одного года, со дня изданія указа, — отписать на В. Г., безповоротнo.

Помимо перечисленныхъ формъ законнаго землевладѣнія, долгое время существовали въ воровежскомъ краѣ двѣ формы незаконнаго землевладѣнія: 1) *по заимкѣ* или иначе владѣніе *безъ дачи* и 2) *въ захватѣ*. Первая заключалась въ томъ, что безъ разрѣшенія властей, кто нибудь распахивалъ участки земли, лежавшей *въ пустѣ*, все равно *дикое ли поле* или вообще порозжее, слѣд. во всякомъ случаѣ государева земля; подобныя поступки рѣдко влекли за собою наказанія, а ограничивались отнятіемъ участка и передачею его *изъятчику*, который почти всегда являлся и челобитчикомъ о землѣ. Зато, тѣмъ строже преслѣдовался Правительствомъ второй способъ незаконнаго владѣнія землею—*захватный*, т. е. насильное присвоеніе кѣмъ либо чужаго участка, находившагося въ чьемъ бы то ни было пользованіи. Преступленіе не казалось меньшимъ даже и тогда, если захватъ совершался владѣльцемъ же-ребья у другаго одного общаго съ нимъ помѣстья, даннаго имъ для совмѣстнаго владѣнія—*вопчѣ, съ одного*. Царь Михайлъ Ѳеодоровичъ, по поводу захвата помѣщиками въ 1638 г. рѣки Усмани въ свое владѣніе, данной имъ вопчѣ съ усманскими атаманами, предписалъ воровежскому воеводѣ учинить строгій приказъ съ великимъ подтвержденіемъ, чтобъ «въ захватъ никому и никто бѣ не владѣлъ, а будетъ хто начнетъ кого оттѣснять и за такое самовольство быть ему въ жестокомъ наказаньи».

Относительно цѣнности, земля различалась во первыхъ по удобствамъ обработыванія, какія она въ моментъ испомѣщенія представляла для помѣщика и во вторыхъ—по производительности ея. Въ первомъ случаѣ, различали пашню паханную, перелогъ, дикое поле, лѣсомъ поросло и наѣзжую землю. Очевидно, готовая пашня и перелогъ должны были имѣть преимущество предъ остальными, что же касается послѣдней—*наѣзжей* земли, то она всего менѣе цѣнилась, верѣдко при наличности всѣхъ качествъ, требовавшихся отъ доброй земли, единственно потому, что она — наѣзжая, т. е. такая, которая очень удалена отъ жилища владѣльца, или же къ ней затрудненъ доступъ, —напр., если она находилась за рѣкой, или болотомъ.

Относительно производительности, земли дѣлились на добрыя, середнія и худшія, причеиъ за единицу доходности или производительности принималась добрая земля, а за недостаткомъ ея, испомѣщаемому добавляли къ имѣющейся средней или худой столько лишку, чтобы относительно производительности доходность равнялась соотвѣтственному количеству доброй земли, причеиъ отно-

шенія эти были не произвольныя, а твердо установленныя правительствомъ и строго соблюдались писцами и межевщиками. Обыкновенно, при оцѣнкѣ качествъ земли, писцы принимали пашни паханныя—за добрую, наѣзжую землю и перелогъ—за среднюю, а остальные земли за худыя; относительно производительности, какъ выше было сказано, добрая земля считалась въ $1\frac{1}{2}$ раза доходѣе средней, а средняя настолько же превосходила худую землю; следовательно, отношеніе между ними должно было установиться какъ 1, $1\frac{1}{2}$ и $2\frac{1}{4}$, и въ самомъ дѣлѣ, правительство считало въ сохѣ доброй земли 800 четвертей или 1200 средней или же 1800—худой, во всѣхъ трехъ поляхъ, или 1200 десятинъ доброй, 1800—средней и 2700 десятинъ—худой. Лѣсъ давался хороший и дровами *десятинами*, и верстами, если бывалъ небольшимъ, въ противномъ случаѣ, или если болотистая мѣстность препятствовала точному измѣренію, то предписывалось *сметить накрѣпко*, т. е. опредѣляли на глазомѣръ; иногда лѣсъ давался въ видѣ сложнаго угодыя, такъ называвшіеся пашенные лѣса.

Гуменники и огороды давались городовымъ помѣщикамъ въ чертѣ самаго города.

Сѣнокосъ отводили обыкновенно межъ полъ и по заполью, а въ большихъ размѣрахъ, цѣлому сословію,—обоимъ берега какой нибудь рѣки на извѣстномъ протяженіи теченія ея. Размѣръ сѣнокосамъ опредѣлялся числомъ копанъ, которыхъ считали по 10 на десятинѣ. Спуды, перевѣсы и рыбныя ловли опредѣлялись крайне неточно и разнообразно; обыкновенно имъ служили границею цѣлая рѣчка или озеро, или же извѣстныя двѣ предѣльныя точки какой нибудь текучей или стоячей воды. Бортныя ухажья обозначались знаменами.

Рабочія руки цѣнялись сравнительно очень дорого. Въ страдную пору платили мужицѣ до 20 алтынъ, женщицѣ до 5 алтынъ въ мѣсяцъ, а на годъ, считавшіеся съ 1-го по 1-е сентября, женщины получали по 1 рублю, а мужчины отъ 1 до 3 рублей въ годъ, во всѣхъ случаяхъ на хозяйскихъ харчахъ. Арендная цѣна земли была сначала 10 к., а съ середины XVII столѣтія—40 к. за $1\frac{1}{2}$ десятины (четъ въ трехъ поляхъ) при цѣнности земли до 50 к. въ началѣ и до 1 р. въ срединѣ XVII в. Харчи заключались въ опредѣленномъ количествѣ ржи, толокна и соли, а по большимъ праздникамъ и свинины или сала. Земледѣльческими орудіями служили въ началѣ соха да борова; плугъ явился вѣстѣ съ черкасами въ 1652 году. Домашнія животныя у великороссіянъ были лошади, рогатый скотъ, овцы и свиньи, а у черкасъ, кромѣ того и козы. Для полевыхъ работъ у великороссіянъ употреблялись лошади, а у малороссіянъ—волы. Сельская упряжь у великороссіянъ была одноконная, подъ дугою съ бубенчиками, а у малороссіянъ, предпочитавшихъ вообще ѣзду на волахъ, упряжь была двуконная. Мельницъ сначала не было вовсе, по крайней мѣрѣ у крестьянъ, которые толкли хлѣбъ въ ступахъ; затѣмъ вошла въ употребленіе домашняя мельница, состоявшая изъ двухъ жернововъ, приводившихся въ движеніе особымъ приспособленіемъ; эти мельницы устраивались въ подѣ избы. Позднѣе появились водяныя мельницы, сначала у помѣщиковъ, а потомъ и у крестьянъ; вѣтряныя мельницы появились, повидимому, вѣстѣ съ черкасами, которые часто предпочитали ихъ, даже живя надъ рѣками.

Хлѣбопашество находилось въ первобытномъ состояніи, такъ что урожай

зависѣлъ вполне отъ разныхъ случайностей, и воронежцы, живя на баснословно плодородной почвѣ, изрѣдка терпѣли голодъ; за то въ урожайные годы не знали куда хлѣбъ дѣвать, который тогда продавали за безцѣнокъ — по 7—8 алтынъ за четверть. Особенно урожайны оказывались монастырскія и вотчинниковы земли, гдѣ бывали урожаи непонятные въ наше время; значительно ниже оказывались они всегда на крестьянскихъ земляхъ, а въ особенности въ сѣверной части уѣзда; но повсюду степень урожайности находилась въ зависимости отъ трудолюбія землепашца, такъ что часто случалось трудолюбивому крестьянину собрать вдвое и даже вчетверо больше хлѣба, противъ своего небрежнаго сосѣда, у котораго засѣяно было земли вдвое и вчетверо противъ перваго. Вотъ для примѣра извлеченіе изъ отчета о хлѣбныхъ посѣвахъ бѣглыхъ Демшинскихъ хлѣбопашцевъ въ концѣ XVII в.

Таблица посѣва и урожая ржи и овса на поляхъ Демшинскихъ крестьянъ.

Имя и фамилія посѣвщиковъ.	Велич. поля	Сколько нажато.		
	въ десят.	коп.	хрес.	св.
Въ озимомъ полѣ — рожь:				
Терентыя Ретунскаго	2 ¹ / ₃	4	3	5
Федора Шульгина	1 ¹¹ / ₁₆	6	3	12
Матеѣ да Володимера Землянскихъ	10	8	1	—
Григорія Орбацкого	2 ¹ / ₃	1	3	—
Федора Хованскаго	1 ¹ / ₈	2	3	—
Петра Ускова	1 ⁷ / ₁₂	3	1	—
Федора Бѣлоглазова	1 ¹ / ₂	4	—	—
Въ яровомъ полѣ — овесъ.				
Федора Шульгина	2	11	—	—
Федосѣя Калачникова	1 ⁷ / ₈	5	2	—
Терентыя Ретунскаго	1 ² / ₃	8	3	—
Григорія Орбацкого	1 ¹ / ₈	4	—	—
Петра Ускова	1 ¹ / ₄	1	3	12
Захара Мещерянова	1 ¹¹ / ₁₂	7	—	—
Семена Полянскаго	7 ¹ / ₈	28	3	3
Лазаря Татарина	1 ¹¹ / ₁₂	13	—	—
Его жъ земля, сѣялъ попъ Петръ.	1 ³ / ₄	1	2	—

Одной этой краткой выписки уже вполне достаточно, чтобы убѣдиться, насколько велика была зависимость урожая отъ степени обработки пашни въ хозяйствахъ, одинаковыхъ по качествамъ земли и по климатическимъ условіямъ, такъ какъ они были смежны и слѣдовали одно за другимъ въ приведенномъ порядкѣ. Въ несравненно лучшихъ условіяхъ находилось хлѣбопашество у дворянъ, а въ особенности въ монастырскихъ хозяйствахъ, со степенью урожайности полей которыхъ, мы еще будемъ имѣть случай познакомиться впослед-

ствии, а теперь займемся изученіемъ мѣръ и вѣсовъ, употреблявшихся въ воронежскомъ краѣ.

Мы ранѣе видѣли какое разнообразіе представляло населеніе воронежскаго края. Мы видѣли, что ядро его составилось изъ лицъ служилыхъ, переведенныхъ правительствомъ сюда на вѣчное житіе; оно же вмѣстѣ съ вотчинниками составило и мѣстное землевладѣльческое сословіе; почти въ одно время или немногимъ позднѣе начался приливъ бѣглыхъ крестьянъ, холопей, преступниковъ и раскольниковъ изъ всего Московскаго государства; за ними появились люди польской и иноземской породы, какъ поляки, литовцы, бѣлоруссы, черкассы, нѣмцы, калмыки, татары, армяне, греки и проч. При такомъ крайне разнохарактерномъ составѣ мѣстнаго населенія, представлявшаго вначалѣ пеструю смѣсь разныхъ племенъ и народностей, и мѣстная *метрологія* не могла не представлять исключительнаго явленія, не могла не представлять смѣси почти всѣхъ мѣръ и вѣсовъ, какіе только употреблялись въ XVII столѣтіи. Не видя возможности разобраться во множествѣ мѣръ и вѣсовъ воронежскаго края, Правительство отвергло ихъ вовсе и ввело свои, сдѣлавъ ихъ обязательными въ своихъ расчетахъ съ населеніемъ, но и не возбраняло употребленіе народныхъ мѣръ и вѣсовъ въ торговомъ и домашнемъ быту, почему тѣ и продолжали существовать долгое время, пока опытъ, привычка къ правительственной метрологіи, а главное — значительное издорожаніе сельско-хозяйственныхъ продуктовъ не заставили населеніе отречься отъ своей народной метрологіи, установившейся еще во времена крайней дешевизны всѣхъ продуктовъ и потому представлявшей лишь приблизительную величину. Въ воронежскомъ краѣ, слѣдовательно, одновременно существовали до XVIII ст. и даже немного позднѣе метрологія правительственная и народная; съ тою и другою намъ необходимо ознакомиться хотя бы и вкратцѣ, тѣмъ болѣе, что о нѣкоторыхъ изъ приводимыхъ единицъ измѣренія, едва ли намъ удастся гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ услышать, — онѣ очевидно были или чисто мѣстнаго происхожденія, или же заимствованы отъ народностей нывѣ неизвѣстныхъ, во всякомъ случаѣ въ академическомъ словарѣ нѣтъ даже объясненія имъ.

Правительственная метрологія заключала въ себѣ довольно точныя и опредѣленные мѣры и вѣса, для чего имѣлись всегда образцовые экземпляры, снабженные правительственнымъ клеймомъ (такъ наз. *заорленные*) посредствомъ которыхъ вѣвѣрялись вѣсы торговыхъ людей при поставкахъ въ казну, но и тутъ допускались отступленія, потому что правительство принимало сельско-хозяйственные продукты одной мѣрой а выдавало ихъ — другой; это даже не считалось секретомъ: грамоты прямо напоминали воеводамъ «принимать въ *пріемную* мѣру, а выдавать (напр. хлѣбные запасы служилымъ людямъ и въ донской отпускъ) въ *отдаточную* мѣру. Первая называлась также *московской* мѣрой, а вторая — *подъ гребло* (*). Хотя разница между этими двумя измѣреніями была достаточно велика и даже довольно ощутительна для тѣхъ, кому

(*) Иногда мѣра *подъ гребло* называлась также *малъ-третникъ*, *малъ-четверикъ*. Такъ въ грамотѣ царя Алексѣя Михайловича на имя воронежскаго воеводы Бор. Григ. Бухвостова, отъ 2 іюня 1670 г., говорится, между прочимъ: «съ воронежскаго уѣзду взять сѣрѣлцкаго хлѣба . . . сто девяносто одна четверть съ осминою безъ полчетверика и *малъ-третникъ* . . . и *малъ-четверикъ* ржи, сто тридцать девять четвертей безъ полтора четверика и полчетверика и *малъ-третникъ* и *малъ-четверикъ* овса....»

приходилось по первой славать, а по второй получать, но все же объ эти измѣренія представляли приблизительно точныя величины. Еще точнѣе были вѣсовыя измѣренія, вовсе не допускавшія крупныхъ злоупотребленій, и наконецъ линейныя мѣры, отличавшіяся большою точностью, близкою нашему времени. Иное дѣло народная метрологія, которая даже въ началѣ XVII вѣка еще ни одной точной единицы измѣреній не знала, кромѣ позаимствованныхъ правительственныхъ, да и тѣ, гдѣ это только было возможно, передѣлывались народомъ на свой ладъ. Такъ на примѣръ сдѣлавшись въ концѣ XVII вѣка общеупотребительною хлѣбною мѣрою, четверикъ до того уклонился отъ настоящей величины *заорленнаго* и эти уклоненія въ разныхъ украинскихъ городахъ были столь разны, что правительство справлялось каждый разъ, когда представлялась надобность о истинной величинѣ мѣстнаго четверика, а казенный *аршинъ*, понавѣ въ народную метрологію, оказался равнымъ четыремъ пядямъ и, слѣдовательно, на одну пядь длиннѣ черкаскаго *локтя*. Принявъ казенную десятину настоящею величиною въ 2400, воронежцы, тѣмъ не менѣе то расширяли, то удлиняли ее до нелзя: были десятины всѣхъ измѣреній, произведенія которыхъ однако были всѣ равны 2400 $\square$ саж.; правительства XVII столѣтія держалось десятины одного измѣренія, именно— 80×30 , которую испомѣщались помѣщики Украины. Эти «натуральные» аршины въ 4 пяди были настолько общеупотребительны, что не только доски и камни, но и мѣстнаго издѣлія холстъ и ткани мѣрили пядями и можно себѣ поэтому представить точность подобныхъ измѣреній, когда лавочный молодецъ, еще юноша, откладывалъ аршины своими полудѣтскими руками. Свой взглядъ на это измѣреніе народъ сохранилъ въ двухъ поговоркахъ: «каждый купецъ мѣритъ на свой аршинъ» и «всякъ молодецъ на свой образецъ».

Еще менѣе точны оказываются чисто народныя мѣры, кои большею частью основывались на удивительномъ однообразіи, царствовавшемъ во всемъ, относительно формъ, величинъ и качествъ предметовъ, входившихъ въ составъ сельскохозяйственнаго инвентаря воронежца глубокой старины, не любившаго, какъ извѣстно, никакихъ новшествъ, не терпѣвшаго никакой ломки, въ чемъ бы то ни было. Традиціонныя ковши, енловы, братины, вѣками просуществовашіе, не претерпѣвъ ни малѣйшаго измѣненія относительно вида формъ и размѣровъ, могли въ концѣ концовъ дать понятіе о величинѣ содержаемаго; точъ въ точъ могли это и телѣги и кузова и коробы и бочки и даже черпаки, какъ двѣ капли воды походившіе другъ на друга. Зная постоянную и неизмѣнную ёмкость своихъ телѣгъ, кузововъ, бочекъ и коробей крестьянинъ зналъ сколько ему слѣдуетъ получать или платить при куплѣ—продажѣ хлѣба. Да и самое понятіе о количествѣ, содержимомъ телѣгою или коробей, было гораздо ближе уму воронежца начала 17-го вѣка, чѣмъ соотвѣтствовавшая имъ правительственная мѣра въ родѣ чети съ полъ-полутретникомъ и имъ подобныхъ хитрыхъ вещей, отъ которыхъ бесполезно только въ потъ кидало невѣжественнаго земледѣльца. Наряду съ этими мѣрами, родившимися, такъ сказать, на Дону, существовали еще и такія, происхожденіе которыхъ намъ не удалось выяснять; таковы напримѣръ *клюдни* или кледни, *юфти* и другія. Мы рассмотримъ ихъ всѣ, по характеру и назначенію ихъ; начнемъ съ *линейныхъ* мѣръ или точнѣе съ—*поземельныхъ*, потому что равнѣ онѣ служили для опредѣленія величины площа-

дей и лишь впоследствии обратились въ линейныя. Такъ сначала появляются общинныя мѣры, обжами, вытями, нивами, коробьями, а затѣмъ правительственныя, верстами, саженьями, сохами, десятинами, четами, осиньями третниками и четвериками.

1) *Верста*—цѣлыми верстами измѣрялись преимущественно большіе лѣса. Самое названіе показываетъ, что этой мѣрой *верстами* служилихъ людей. Десятая часть версты называлась десятиной.

2) *Десятина*,—площадь, имѣвшая въ длину 80, а въ ширину 30 (*) сажень, слѣдовательно равная 2400 кв. саженьямъ. Она служила для измѣренія небольшихъ лѣсовъ, государственной пашни, т. е. такой которую пахали какъ государственную повинность и называвшейся по этой мѣрѣ—десятиной. Въ рѣдкихъ случаяхъ десятиной мѣрили и сѣнокосы и въ послѣднемъ случаѣ предполагалась площадь на которой становится 10 копенъ сѣна. Поддесятины или $\frac{1}{20}$ версты называлась четью.

3) *Четь* или четверть, которою измѣрялись пашенныя земли, при исчисленіи помѣщиковъ. Четь обыкновенная имѣла въ длину 40 сажень, а въ ширину—30 с.; если же обозначалось столько-то четей въ полѣ, а въ дву потомужъ, то такая четь равнялась $1\frac{1}{2}$ десят. (90×40) или 3600 саж. Половина чети называлась *осминой*, заключавшей 1800 саж., а $\frac{1}{3}$ часть—*третникомъ* и т. д.—

Соха, московской мѣры (по сошному письму) равнялась 800 четв. или 400 десятинамъ *доброй* земли; 1000 четв. или 500 дес.—*средней* и 1200 чет. или 600 дес.—*худой* земли. Другое выраженіе для московской сохи было то, что она, смотря по качествамъ земли, равнялась то 40, то 50, то 60 верстамъ или иначе—67 вытямъ безъ дву десятинь.

Выть равнялась 6 десятинамъ или 4 нивамъ.

Нива— $1\frac{1}{2}$ десятинамъ или одной чети въ трехъ поляхъ, или 4 костямъ, или 16 морткамъ.

Кость—4 морткамъ.

Мортка— $\frac{1}{4}$ кости, $\frac{1}{16}$ нивы, $\frac{1}{64}$ выти.

Всѣ эти измѣренія существовали только въ народной метрологіи; правительственная же, какъ выше было сказано, руководствовалась исключительно верстами, десятинами, четами, осиньями и третниками съ ихъ долями. Точное понятіе объ этихъ доляхъ даетъ намъ слѣдующая таблица.

ТАБЛИЦА, показывающая счисленіе долей осмины и третника.		Сажени.
Осмина, или получеть, составляетъ		1800
Полуосмина или четь чети		900

(*) Первоначальная форма десятины былъ квадратъ имѣвшій въ оба стороны по 50 сажень и десять такихъ десятинь имѣли въ длину 500 сажень царскихъ, слѣдовательно версту (50×500); но такъ какъ между владѣльческими землями полагалась полоса въ 1 сажень шириною (между станами въ $1\frac{1}{2}$, а уѣздами въ 3 саж.), то десятина по отрѣзкамъ межевой полосы (въ 1 саж. въ обѣ стороны) принимала неудобную для вычисленій форму ($49 \times 49 = 2401$) почему она была измѣнена на форму 30×80 с., а взамѣнъ отнятыхъ 100 сажень полосы не отрѣзывали, а прирѣзывали къ помѣстью. Впоследствии десятина была видоизмѣнена въ 60×40 , въ какомъ видѣ она существуетъ и понынѣ.

Третникъ или треть чети	1200
Полутретникъ или 6-ю часть	600
Пол-полтретника или 12-ю часть	300
Пол-пол-полтретника или 24-ю часть	150
Пол-пол-пол-полтретника или 48 часть	75
Пол-пол-пол-пол-полтретника или 96-ю часть	37 ¹ / ₂
Пол-пол-пол-пол-пол-полтретника или ¹ / ₁₉₂ чети	18 ³ / ₄
Семь разъ полтретника или ¹ / ₃₈₄ часть чети	9 ³ / ₈
Восемь разъ полтретника или ¹ / ₇₆₈ часть	4 ¹¹ / ₁₆
Девять разъ полтретника или ¹ / ₁₅₃₆ часть	2 ¹¹ / ₃₂
Десять разъ полтретника или ¹ / ₃₀₇₂	1 ¹¹ / ₆₄

Изъ линейныхъ мѣръ особенно употребительны были слѣдующія:

1) *Сажень*—длиною въ три аршина, какъ казенная мѣра, но очевидно были сажени и другихъ величинъ, потому что въ грамотахъ XVII ст. часто предписывалось «измѣрить сажнями трехъаршинной мѣры», въ чемъ въ противномъ случаѣ не представлялось бы необходимости. Эта мѣра употреблялась при измѣреніи лѣсовъ, какъ доля версты, для измѣренія городскихъ домовъ и дворовъ, а также какъ мѣра для бревенъ, досокъ и веревокъ. Народъ считалъ сажень въ 4 локтя или 12 пядей.

2) *Аршинъ*—или третникъ сажени—казенной мѣры, имѣлъ обширное при-
мѣненіе и какъ доля сажени, и какъ самостоятельная мѣра для измѣренія тканей и имъ подобныхъ товаровъ; но народъ по обыкновенію своему, скоро замѣнилъ его природнымъ аршиномъ 4 пядями, замѣтивъ, что въ большинствѣ случаевъ, эта мѣра подходитъ довольно близко. Подобныя приблизительныя измѣренія часто вели къ спорамъ, въ особенности, когда они касались болѣе цѣнныхъ товаровъ, почему, въ 1645 г., были присланы установленныя печатныя аршины для руководства, а немного позднѣе (1653) и печатныя сажени въ 3 аршина и желѣзные аршины для всеобщаго употребленія. Въ торговыхъ рядахъ пріѣзжимъ выдавались изъ таможи казенныя желѣзные аршины, которые они возвращали по окончаніи торгова, уплативъ за право пользованія имъ отъ алтына и до гривны, смотря по торгу.

Локоть—одна изъ старѣйшихъ излюбленныхъ мѣръ воронежцевъ—равнялась тремъ пядямъ или ³/₄ аршина, назвала такъ потому, что равнялась длинѣ выпрямленнаго локтя до ручной кисти (съ ручною кистью, равною тоже пяди—аршину царскому). Локоть иногда признавался мѣрою и правительственными лицами, въ особенности въ началѣ XVII в., когда воронежскими губ-
ными старостамъ часто приходилось продавать опальные животы мѣстныхъ сельскихъ жителей.

Пядь—какъ третникъ локтя и какъ четъ аршина—настолько общезна-
комая народная мѣра даже въ наше время, что мы объ ней распространяться не будемъ.

Всѣмъ измѣренія народонаселеніемъ воронежскаго края, какъ кажется, употреблялись до начала XVIII в. лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, и не смотря на то, что еще въ 1598-мъ году Борисъ запретилъ продавать сыпучія тѣла

телѣгами и другими неопредѣленными единицами, а вѣсовые товары на кади, пузы и проч., — вѣсовъ въ мѣстномъ народномъ употребленіи долго не встрѣчаеѣтъ. Купля — продажа совершалась въ подобныхъ случаяхъ глазомѣрно, при мѣняясь къ товару, — мясо и ветчина тушами, середками и полтями, воскъ кругами, рыба бочками и полубочками, а также счетомъ на 100 и 1000; птицы гвѣздами, говорили: гвѣздо куръ, гвѣздо гусей и проч.; конопля, мочала десятками, — однимъ словомъ, всячески избѣгали вѣсовъ. Тѣмъ не менѣе, вѣсы существовали, но они были казенные и городскіе, находились въ таможенныхъ и на нихъ, кому нужно было, взвѣшивали, платя за это *отсчеѣ*. Допетровскіе вѣсы были троякаго рода, смотря по тяжести. Для большихъ *терези*, среднихъ — *контари* и малыхъ — *безмѣны*. Самые большіе — терезы употреблялись для взвѣшиванія громоздкихъ товаровъ, а также большія, недѣлимныя тяжести. Еще при Петрѣ, въ 1700 году по его указу на этихъ вѣсахъ взвѣшивали мѣдныя пушки и колокола; болѣе подходили къ торговымъ надобностямъ контари, на которыхъ взвѣшивались тяжести до полтретя ($2\frac{1}{2}$) пуда и безмѣны — до сорока гривенокъ, т. е. до одного пуда. Гири были въ шудъ, полпуда, четъ пуда или 10 гривенокъ, эти гривенки, коихъ въ пудъ было 40, въ свою очередь дѣлились на полугривенки, четъ гривенки, (8 л.) пол-чети гривенки, пол-пол-чети и на пол-пол-пол-чети гривенки ($\frac{1}{32}$ фунта или 1 лотъ). При счетѣ вѣса иногда единица ставилась съ прибавленіемъ, иногда же съ вычетомъ дробей, напримѣръ, вмѣсто того чтобъ сказать двѣ гривенки и пол-гриванки, говорили *полтретя* гривенки и *три гривенки безъ полу-гривенки*.

Несравненно разнообразіе было число объемныхъ мѣръ, коими измѣрялись сыпучія и жидкія тѣла.

О мѣрахъ въ родѣ *оковы*, *кади*, *зобня* здѣсь, въ воронежскомъ краѣ и помину не было, но за то существовали мѣры, въ родѣ *клюдни* овса или пшеницы (вѣроятно въ 5 копенъ), стоявшія (въ 1632 г.) по 1 руб.; *кузовы* борщу, или перети, *телѣга* гречихи, *десятокъ* посковни, или мочальникова или ковапель, *лукошка* шерсти, *коробъ* овса (вѣроятно въ 2 чети), *кузь* сухарей (въ полосмину) *середка* ветчины, *бочка* «беременная» вина, *четверникъ* орѣховъ, *бочка* (въ четверть) рыбная, *горшокъ* масла коровья (въ 15 гривенокъ) *десятина* ржи въ землѣ, *осминникъ* яроваго, *гряда* капусты или огурцовъ; уваваго хлѣба *копнами*: ржи, пшеницы, ячменя и овса; *юфть* муки или соли (вѣроятно 20 — 25 пудъ) *чернокъ* (гарнецъ) гороху. Сюда же надо прибавить казенныя мѣры для сыпучихъ тѣлъ: *четъ*, *осмина*, *третникъ* и четверникъ съ ихъ долями и для жидкостей бочка, полубочка, ведро, а у чернаго *куфа*, *лугунъ*, *барилка*, *ока* и пр.

Изъ перечисленныхъ мѣръ народной метрологіи особаго вниманія заслуживаетъ одна, признанная правительствомъ въ царствованіи Алексеѣа Михайловича, мѣра эта — *юфть*, которой мѣрили преимущественно зерновой хлѣбъ и соль. Это, вѣроятно, былъ сшитый изъ нѣсколькихъ цѣльныхъ кожъ мѣшокъ (мѣхъ), въ родѣ старинныхъ чмодановъ, употреблявшихся впоследствии въ почтовомъ вѣдомствѣ, емкостью въ 20 — 25 чети, судя потому, что грамота Алексеѣа Михайловича предписываетъ принимать хлѣбъ въ казну цѣною въ 2 р. за юфть. Во времена, когда кожаный мѣшокъ не многими дорожили, цѣнился

холощоваго, *юфть*, помимо значенія мѣры ёмкости, представляла еще очень удобный предметъ для перевозки такихъ легкоснрѣющихся продуктовъ, какъ мука и соль. Очень вѣроятно, что юфть XVII в.,—таже мѣра, что былъ и *мѣхъ* въ XVI столѣтіи.

Мы не будемъ здѣсь подробно разсматривать значеніе перечисленныхъ мѣръ, а перейдемъ къ дальнѣйшему обзору сельскохозяйственной промышленности края, предпославъ ему таблицу, показывающую счисленіе долей мѣръ сыпучихъ тѣлъ. О нѣкоторыхъ изъ этихъ мѣръ, а равно и о мѣстныхъ монетахъ мы еще будемъ имѣть случай говорить впоследствии, при подробномъ обзорѣ промышленности края.

ТАБЛИЦА, показывающая счисленіе долей четверти.	Доли чети.
<i>Четь</i> —2 осминамъ, 8 четверикамъ, 64 черпкамъ или гарцамъ .	$\frac{1}{1}$
<i>Осмины</i> или <i>получеть</i> —4 четверикамъ—32 черпкамъ или гарцамъ .	$\frac{1}{2}$
<i>Полусоснина</i> —2 четверикамъ—16 черпкамъ	$\frac{1}{4}$
<i>Третникъ</i> —полусоснина съ пол-полутретникомъ	$\frac{1}{3}$
<i>Полутретникъ</i> —четверикъ съ пол-пол-полутретникомъ	$\frac{1}{6}$
<i>Пол-полутретникъ</i> —получетверикъ съ пол-пол-пол-полутретникомъ	$\frac{1}{12}$
<i>Четверикъ</i> — $\frac{1}{4}$ осмины,—8 черпкамъ	$\frac{1}{8}$
<i>Полчетверика</i> — $\frac{1}{8}$ осмины,—4 черпкамъ	$\frac{1}{16}$
<i>Пол-полчетверикъ</i> — $\frac{1}{16}$ осмины,—2 черпкамъ	$\frac{1}{32}$
<i>Пол-пол-полчетверикъ</i> — $\frac{1}{32}$ осмины,—черпку или гарцу . .	$\frac{1}{64}$

Какъ производились эти вычисленія и какое вообще значеніе имѣли эти мѣры, можно видѣть изъ нижеслѣдующаго отрывка изъ грамоты царя Алексѣя Михайловича на имя воронежскаго воеводы стольника Мих. Фед. Самарина отъ 30 ноября 1672 г.

«Въ прошлыхъ годѣхъ за помощію Божіею и крѣпкой Возбранной Воеводъ Пресвятыне Богородицы всего Христіанскаго рода Хранительницы по Нашему, Великаго Государя Царя и Великаго князя Алексѣя Михайловича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, увазу, на оборону въ прошлые военные времена и въ приходъ Крымскаго хана и Татаръ на Украинныя и Сѣверныя города и для розныхъ непріятелей, прибавлено сверхъ прежнего Московскіе Стрѣлецкіе Приказы, а на тѣхъ людей хлѣбныхъ запасовъ къ прежнему окладу въ Стрѣлецкомъ Приказѣ не положено; и нынѣ Мы, Великій Государь, совѣтовавъ о томъ о всемъ со отцемъ Нашимъ и богомолцомъ святѣйшимъ Птиримомъ, патріархомъ Московскимъ и всеа Русіи и со архіерей, указали и бояре Наши приговорили Московскимъ стрѣльцомъ на жалованье собрать съ Нашихъ, Великаго Государя, дворцовыхъ селъ и съ патріаршихъ и со архіерейскихъ и съ монастырскихъ и съ церковныхъ и съ помѣщичьихъ и съ вотчинниковыхъ крестьянъ передъ прежнимъ съ прибавкою съ живуціе чети сошного пшма, съ Нашихъ, Великаго Государя, дворцовыхъ селъ старого по осминѣ безъ полчетверика, да прибавочно»

го по двѣ чети безъ четверика и безъ полъ-получетверика ржи, овса потому жъ, всего по двѣ чети съ полуосминою и по полъ-получетверику ржи, овса потому жъ; съ патриаршихъ и со архіерейскихъ и съ монастырскихъ вотчинъ старого по двѣ чети съ третникомъ, да прибавочного по двѣ чети безъ четверика и безъ полъ-получетверика, всего по четыре чети и по полу-четверику и по ноль-полутретнику и полъ-получетверику ржи, овса потому жъ; съ помѣстныхъ и съ вотчинныхъ земель, что вѣдомы въ Стрѣлецкомъ Приказѣ и въ Приказѣ Казанского Дворца, старого по двѣ чети безъ полуосмины, да прибавочного по двѣ чети безъ четверика и безъ полъ-получетверика, всего по три чети съ осминою и по полу-четверику и по ноль-получетверику ржи, овса потому жъ. А которой хлѣбъ иманъ напередъ сего съ посадовъ, и нынѣ того хлѣба и житничныхъ денегъ не имать, а имать съ нихъ денгами за четверть ржи, да за четверть овса по два рубля за вѣсь въ Нашу, Великого Государя, казну стрѣльцомъ же на денежное жалованье, для того что они люди торговые, а не пашенные и никогда въ городѣхъ воеводы хлѣба съ посадскихъ людей не собираютъ, а собираютъ денгами, дорогою цѣною и присылаютъ къ Москвѣ съ выборными цѣловальниками тѣхъ городовъ.»

Ознакомившись съ условіями развитія мѣстнаго сельскаго хозяйства, и съ законами, которыми оно было подчинено, а также изложивъ состояніе сельскаго населенія воронежскаго края въ XVI и XVII вѣкахъ, и обозрѣвъ мѣстную метрологію, мы теперь приступимъ къ обзору мѣстной промышленности, къ исчисленію ея сельскохозяйственныхъ произведеній изъ всѣхъ трехъ царствъ природы.

І. Продукты царства ископаемаго.

Селитра или *ямчуга*. Добываніе и вывариваніе селитры — одно изъ древнѣйшихъ производствъ сельскохозяйственной промышленности воронежскаго края — началось здѣсь въ одно время съ основаніемъ городовъ, или даже немного раньше того. Селитра вываривалась здѣсь изъ кургановъ и хотя составляла монополию правительства, тѣмъ не менѣе частная предпріимчивость занималась приготовленіемъ этой соли въ широкихъ размѣрахъ. Тогда какъ казенная добыча селитры не превышала иногда и 500 пудовъ въ годъ, частный сбытъ ея достигъ только доведеніемъ казакамъ простирался до 1000 пудовъ, въ чистомъ ли видѣ, или же готовымъ *зельемъ*, т. е. огнестрѣльнымъ порошкомъ, который казаки получали отъ правительства въ количествѣ, далеко недостаточномъ для этихъ вѣчныхъ войнъ. Селитра, какъ и слѣдующій за ней продуктъ — поташъ, отправлялась также въ значительномъ количествѣ въ Москву, зимнимъ путемъ, а оттуда эти продукты направлялись въ Вологду и Архангельскъ, составляя видную статью торговли съ иностранцами.

Поташъ добывался почти тѣмъ же путемъ и въ такомъ же количествѣ. Обыкновенно осенью, не дожидаясь снѣговъ, зажигали степи и собранный валежникъ, причемъ отдѣльно собирали уголь для *зелья*, золу для производства табака и вина, а изъ остатковъ выщелачивали поташъ. Почти вся добыча поташа шла зимнимъ путемъ въ Москву, на Югъ же былъ, кажется, спросъ незначительный.

Глиняныя издѣлія воронежцевъ пользовались славой, а въ особенности славились трубки большой и малой руки, продававшіеся по высокой цѣнѣ и водоносныя кувшины, замѣнявшіе встарину наши ведра, воронежскіе черкассы выдѣлывали *дзбаны*—кувшины высокіе и *кугелямы*—круглыя тыквоводныя. Посуда Воронежская какъ глиняная, такъ и деревянная, славилась на весь Югъ и сбытъ ея въ казачьихъ городкахъ и Царицынѣ былъ весьма значительнъ. Но что въ особенности достойно вниманія, такъ это искусство воронежскихъ черкасовъ въ изготовленіи глиносоломённыхъ крышъ и глинобитныхъ построекъ, въ которомъ они отличались еще въ XVI столѣтіи.

Мѣль доставлялся главнымъ образомъ въ Москву; его ломали у Дивногогорья, на Дону. Позднѣе, когда былъ завоеванъ Азовъ, тамошній мѣль, переженный въ *известъ*, сплавлялся въ Азовъ.

Камень жерновный превосходнаго качества добывали по теченію р. Дѣвицы. Готовые жернова сплавлялись частью на Югъ, частью въ Камышанъ, откуда они развозились повсюду.

Соль—принадлежала къ числу привозныхъ предметовъ торговли, такъ какъ воронежскій край собственной соли никогда не имѣлъ, а между тѣмъ потребление было весьма значительное какъ въ кормъ, такъ главнымъ образомъ для техническихъ цѣлей, сначала для солёнія рыбы, въ которомъ воронежцы такъ славились, а впослѣдствіи для солёнія кожъ и сала, когда эти отрасли сельскохозяйственной промышленности достигли уже значительнаго развитія. Воронежцы употребляли преимущественно волжскую соль, которую покупали въ Царицынѣ, кромѣ того привозили соль изъ Бахмута и изъ Торскихъ озеръ; главнымъ образомъ употреблялась соль *бузунъ*, цѣна которой до самаго конца прошлаго столѣтія колебалась отъ 15 к. въ южныхъ уѣздахъ и до 40—въ сѣверныхъ за пудъ. Мѣрою служили сначала *мѣхъ*, затѣмъ юфть (вѣроятно, одно и то же) и наконецъ пуды и бочки.

Слюда также составляла предметъ привозной торговли; она доставлялась изъ Москвы зимнимъ путемъ и продавалась на пуды и гривенки. Различали три сорта: *бѣлую*—по 1 и по 2 рубля за гривенку; красную или *коричневую*—по 10 алтынъ и *обрѣзки* по 5 алтынъ за гривенку. Первый сортъ покупался монастырями, церквами и знатными лицами; второй—среднимъ сословіемъ, а обрѣзки простолюдинами.

Стекло появилось впервые въ Воронежскомъ краѣ въ 1695 г. вмѣстѣ съ Великимъ Преобразователемъ Россіи, которымъ она привезена для адмиралтейскаго двора и дворца. Вслѣдъ затѣмъ въ 1696 г. стекло было приобретено св. Митрофаномъ для соборной церкви и съ тѣхъ поръ оно вошло во всеобщее употребленіе (*).

Желѣзо доставлялось изъ Тулы до самаго конца XVII в., когда Петромъ I была открыта желѣзная руда въ Задонскомъ уѣздѣ: Въ Бѣлоколдѣѣ былъ тогда основанъ желѣзный заводъ, отданный въ управленіе Кузьмѣ Борину, съ тѣхъ поръ этотъ заводъ, проработавшій болѣе ста лѣтъ, назывался по имени перваго заводчика *Боринскимъ*. Издѣліями этого завода, кромѣ корабельныхъ принадлежностей и для адмиралтействъ, были: гвозди, топоры, лопаты, кирки,

(*) Вслѣдствіе тогдашней дороговизны стекла, Петровский флотъ, построенный на Воронежѣ, былъ снабженъ слюдяными оконцами.

косы, серпы, сквореды, котлы и проч. По приѣзду тульскихъ и боринскій заводъ выдѣлывалъ также стволы для охотничьихъ оружій, замки, ножи и полосовое желѣзо. Пулъ издѣльнаго желѣза обходился съ доставкой въ Острогжскъ (по рр. Воронежу и по Дону) отъ 20 алтынъ и до 1 р. Вѣзъ дровъ доставлялся на заводъ по цѣнѣ 6 денегъ съ воза, но — по зимнему пути, *какъ рѣка станетъ*.

Мѣдь доставлялась въ воронежскій край исключительно въ видѣ готовыхъ издѣлій: монастырямъ и церквамъ колокола образки и складни изъ красной мѣди, казны — пушки, пищали, сосуды заорленные, трубы и котлы, а купцы привозили мѣдныя украшенія и домашнюю посуду, какъ серьги, кольца, кострюли, чарки, кубки и проч. Во всѣхъ этихъ видахъ мѣдь продавалась цѣною въ 5 руб. 26 алт. за пудъ и 5 алтынъ за гривенку — по вѣсу; въ Острогжскѣ мѣдныя кольца продавались по *полугрошу*, а крестики — по *грошу* и дороже.

II. Продукты царства растительнаго.

Сюда относятся *земледѣльческія, огородныя, бахчевыя и садовыя* произрастенія, а также *сѣно, солома* и *мѣсъ* въ сыромъ и обработанномъ видѣ.

Земледѣльческія произрастенія. Если какая либо область нашего отечества имѣла право считаться житницей Россіи, то это во всякомъ случаѣ былъ плодороднѣйшій Воронежскій край, удержавшій пальму первенства въ этомъ отношеніи въ теченіи трехъ столѣтій. Огромный двухаршинной толщины пластъ тучнаго чернозема, почти сплошную покрывавшій воронежскій край, необычайное обиліе водъ, судохолность его главныхъ рѣкъ, огромное богатство лѣсовъ, годныхъ для судостроенія, безбрежный Югъ, съ его, частью казачьимъ, частью кочевымъ населеніемъ, во всякомъ случаѣ, чуждымъ склонности къ занятію земледѣліемъ, огромный, вслѣдствіе этого, спросъ на его сельскія произведенія при совершенномъ почти отсутствіи конкуренціи — вотъ какими благами и преимуществами пользовался воронежскій край!

Наиболѣе распространенные роды хлѣбныхъ произрастеній были въ сѣверныхъ частяхъ края: рожь, овесъ и гречиха, а въ южныхъ (у черкассъ) пшеница, овесъ и ячмень. Особенно много производилось овса, отправлявшагося ежегодно въ огромномъ количествѣ на югъ. Урожай доходилъ здѣсь до 20 и 30 зеренъ. Но вслѣдствіе примитивнаго состоянія земледѣлія, урожай и неурожай хлѣба опредѣлялъ его дешевизну или дороговизну. По случаю неурожая, цѣнность хлѣба возвышалась иногда въ десять разъ болѣе обыкновенной, а то и вовсе случалось, что ни за какія деньги нельзя было купить хлѣба и тогда люди, какъ напр. валуйчане въ 1674 году, *вѣли, съ мякиной мѣшачи, племъ и жолуди, племковыя кнѣпки и съ голоду брели рознь*. Въ тяжелыя години подобныхъ ужасныхъ бѣдствій, за отсутствіемъ общественныхъ хлѣбныхъ запасовъ, *государевы житницы* являлись истинными спасителями народонаселенія отъ неминуемой голодной смерти. Первая извѣстная намъ дороговизна хлѣба въ Воронежскомъ краѣ случилась въ 1594 г., когда цѣна на хлѣбъ поднялась сначала до 20 алтынъ съ гривною, затѣмъ достигла до полутретьядцать алтынъ и наконецъ хлѣба уже вовсе нельзя было купить, — открыли государевы житницы. При Михаилѣ Федоровичѣ *клюдня* или кледня овса или пшеницы продавалась по 1 рублю, а при Алексѣѣ Михайловичѣ

рожь и овесъ продавались по 2 р. за *юфть*; при Петрѣ I въ самомъ концѣ XVII столѣтія четь ржи стоила 16 алтынъ, отсюда видно, что средняя цѣна этимъ тремъ родамъ хлѣба въ XVII в. до Петра была около 8—10 алтынъ за четверть, а въ Петровскую эпоху она увеличилась въ полтора раза для ржи и овса и въ два раза для пшеницы, которая равнѣе продавалась почти по одной цѣнѣ съ прочими хлѣбами; въ 1699 году пшеница стоила уже 20 алтынъ четверть. Впрочемъ колебанія цѣнъ были настолько значительны, настолько зависѣли отъ степени урожая того и другого хлѣба въ извѣстномъ году, что сдѣлать какой либо выводъ въ отношеніи ихъ не представляется возможности; бывали года когда рожь продавалась по одной цѣнѣ и даже дороже пшеницы, а овесъ иногда продавался по 5 и даже по 4 алтына за четв. Мука цѣнилась на 4 деньги дороже зерна за четв. Но такъ такъ цѣны ниже указанныхъ не бывали, то они въ Москвѣ естественно должны были быть выше, вотъ почему сообщеніе Флетчера, что пшеница продавалась тамъ иногда по 2 алтына за *четверть*, думаемъ, слѣдуетъ считать ошибкой или опіской, — вѣроятно Флетчеръ считалъ за *четверикъ*, т. е. по 16 алтынъ за четверть, что и будетъ гораздо ближе истинѣ, ибо такихъ низкихъ цѣнъ даже здѣсь на Дону въ наиболѣе урожайныягоды не знавали, а вѣдь Донъ кормилъ Москву.

Пребываніе Петра I на Воронежѣ и введенныя имъ адмиралтейства и верфи также значительно повліяли какъ на усиленіе сбыта, такъ и на повышеніе цѣнъ. Такъ въ 1699 г. была изъ Воронежа отправлена партія хлѣба на Камышинъ и Царицынъ, запроданная по слѣдующимъ цѣнамъ: 3068 четей ржи—по 16 алтынъ четь; 1789 ч. муки ржаной по 16 алтынъ по 4 деньги четь; 956 четей сухарей, по 10 алтынъ четь; 370 четей пшеницы по 20 алтынъ; 145 четей овса по 5 алтынъ; 68 четей полбы по 10 алтынъ; 6 четей ячменя по 10 алтынъ за четь. Спустя 10 лѣтъ, въ 1709 г. были отправлены изъ Воронежа на Донъ хлѣбные продукты по слѣдующимъ цѣнамъ.

107 *мещерокъ* ржаной муки — — по 10 алтынъ.

103 мещерки овса — — — по 2 гривны.

100 *кульковъ* съмя — — — по 2 гривны.

185 кульковъ пшена — — — по 10 алтынъ.

455 кульковъ гороху — — — по 2 гривны.

111 кульковъ гречной муки — — по 10 алтынъ.

850 кульковъ пшеничной муки — по 10 алтынъ.

Замѣчательно, что цѣны на сельскохозяйственныя произведенія были въ Воронежѣ и Острогожскѣ почти равны. Такъ, напримѣръ, въ томъ же году была запродана партія хлѣба въ Острогожскѣ по слѣдующимъ цѣнамъ:

1060 кульковъ пшеничной муки — по 10 алтынъ.

340 кульковъ гороху — — — по 2 гривны.

80 мещерокъ овса — — — по 2 гривны.

30 кульковъ съмяни — — — по 2 гривны.

35 четвертей ржаного и ячяного солоду 24 рубли.

90 пудъ *моченицу* (*) — — 31 рубль съ полтиною.

(*) Такъ назывался старину лучшій сортъ или промытый ленъ.

8 пудъ хмелю — — — — 5 рублей.

363 кулька гречныхъ крупъ — — по 2 гривны.

Воронежскимъ торговымъ челоѣкомъ было отправлено въ томъ же году въ одной бударѣ на Донъ:

434 мешерокъ ржаной муки — — (по 10 алтынъ.

296 кульковъ пшена — — — (

10 четвертой хмелю — — — 6 рублей.

185 кульковъ гречной муки — — по 10 алтынъ.

54 кулька семя коноплянаго —) по двѣ гривны.

84 кулька гороху — — —)

Два года спустя, въ 1711 г., по случаю войны съ Турціею, казна покупала на Воронежѣ хлѣба, овса и сѣна въ очень значительномъ количествѣ, Хлѣба—на 25000 челоѣкъ, а фуражъ на 7000 лошадей. За овесъ казна платила по 13 алтынъ по 2 деньги за *четь*, что соответствовало вышеприведенной цѣнѣ за 2 *мешерки* (4 гривны), а за сѣно—по 6 денегъ за пудъ.

Приведемъ кстатѣ цифровныя данныя о количествѣ хлѣбныхъ запасовъ, выдававшихся изъ казны солдатамъ и ихъ семействамъ на мѣсячное прокормленіе, а равно количество фуража, отпускавшагося на содержаніе полковыхъ лошадей, что представляетъ интересъ не только съ мѣстной сельскохозяйственной точки зрѣнія, но и съ чисто военной.

Солдатамъ на полмѣсяца муки по четверику, крупъ—по полумалому четверику; итого (отпущено на 3-хъ челоѣкъ) муки осмина безъ четверика, крупъ малъ четверикъ и полъ малаго четверика; эти порціи отпускались командированнымъ въ караулы. Въ каждый полкъ же безъ различія отпускалось:

Урядникамъ и рядовымъ женатымъ: муки—по три четверика съ малымъ третникомъ; крупъ по пол-получетверику.

Холостымъ—муки по полусосинѣ.

Солдацкимъ жонамъ, у которыхъ мужья въ разныхъ отлучкахъ: муки по четверику съ малымъ третникомъ; крупъ—по малому четверику.

Солдацкимъ женамъ, у которыхъ мужья съ полковниками на службѣ, а также сиротамъ (дѣтямъ убитыхъ на войнѣ солдатъ) мужска полу и *дѣвичья* полу—муки по четверику, *овса* по малому третнику.

Вдовамъ (солдатскимъ) муки по получетверику.

Соли—по 2 фунта въ мѣсяцъ на челоѣка.

На прокормъ полевыхъ лошадей на 8 мѣсяцевъ, т. е. съ 1-го сентября по 1 мая, отпускалось 10 чети овса и 120 пуд. сѣна на лошадь, остальное время лошади паслись на казенныхъ пастбищахъ. Такимъ образомъ прокормленіе каждой лошади обходилось казнѣ въ годъ по 7 р. 60 к., если не считать стоимость травы, которая впрочемъ ни во что не обходилась казнѣ.

При Петрѣ I, вслѣдствіе усиленныхъ повинностей и работъ на воронежскихъ корабельныхъ верфяхъ, начались побѣги крестьянъ съ Воронежа на Донъ, какъ 100 лѣтъ предъ тѣмъ они спасались сюда, бѣгая изъ *Руси* отъ закрѣпощенія. Бѣгали старые, бѣгали молодые, бѣгали зажиточные и бѣдные, вмѣстѣ съ семьями и врознь, пустѣли помѣстья, деревни и села. Крестьянъ ловили и предавали суду за побѣгъ. Судьямъ они всѣ въ одинъ голосъ твердили: «бѣгали мы на Икорецъ и Бетюкъ и на Донъ къ казакамъ не по под-

говору, а собомъ, отъ великой скудости, потому: отъ брегантирнаго строенія и отъ заготовливанія лѣсныхъ припасовъ мы обезлошадѣли и обезхлѣбили и коритца намъ стало нечѣмъ». Въ 1704 году лѣтомъ, воронежскій край представлялъ странное зрѣлище: огромныя поля, покрытыя прекраснымъ хлѣбомъ, оставались неубранными — некому было, не хватало рукъ. Множество земледѣльцевъ, покинувъ дома и хозяйства свои, бѣжали на Донъ, а оттуда, боясь понижія и смертной казни, перебирались за Кубань, къ ахреянцамъ. Цѣны на сельскохозяйственныя произведенія не могли поэтому не возвыситься. Мы только что видѣли, какъ за пудъ сѣна, которое само по себѣ, какъ продуктъ, почти ничего не стоило, — платили 6 денегъ, когда немного ранѣе цѣльнй остримовъ (полъвоза) стоилъ 7—8 *грошей*, значить почти одна уборка пуда сѣна оплачивалась этой цѣною, потому что цѣна обозначена на мѣстѣ, а не съ доставкой въ городъ. Четырѣ ржи поднялась тогда-же съ 10 алтынъ до 26 и болѣе.

Усиленное бѣгство крестьянъ на Донъ гибельно отозвалось на мѣстной сельскохозяйственной промышленности, многіе помѣщики разорились, потерявъ все, нѣкоторые бѣжали вслѣдъ за своими крестьянами.

Воронежцы призадумались. Необходимо было найти исходъ изъ этого труднаго положенія; необходимо было видоизмѣнить мѣстное сельское хозяйство, такъ чтобы оно при новыхъ условіяхъ обходилось гораздо меньшимъ числомъ рабочихъ рукъ, притомъ безъ умаленія доходности и съ возможно меньшею зависимостью отъ мѣстнаго судоходства, также сильно сократившагося вслѣдствіе недостатка торговыхъ струговъ и бударь, для строенія которыхъ не хватало не только рабочихъ, но и лѣснаго матеріала, добываніе котораго было временно до крайности затруднено особыми указами. Исходъ былъ найденъ, и съ тѣхъ поръ въ исторіи воронежской сельскохозяйственной промышленности впервые замѣчается рѣзкій переходъ отъ занятій чисто земледѣльческихъ къ скоту — и — коневодству и къ промышленности *обрабатывающей* произведенія всѣхъ трехъ царствъ. И въ самомъ дѣлѣ, новая форма промышленности воронежцевъ не только могла ограничиться гораздо меньшимъ числомъ рабочихъ рукъ, но во многихъ случаяхъ удовлетворялась такими трудоспособностями, какія ранѣе мало или вовсе не могли быть примѣнны, таковы были множество жонъ и дѣтей и пожилыхъ рабочихъ, оставшихся послѣ бѣгства ихъ мужей, отцовъ и сыновей. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ обработанномъ видѣ всѣ сельскохозяйственныя произведенія оказались много прибыльнѣе сырья. Одинъ только рогатый скотъ нѣкоторые продолжали еще отправлять живьемъ, гуртами, и то единственно потому, что передвиженіе его не требовало ни бударь, ни струговъ, которые такъ трудно было добывать. Такимъ образомъ и эти стѣсненія, вызванныя необходимостью создать флотъ для общаго блага Россіи, также послужили въ пользу Воронежцамъ, указавъ имъ путь къ усовершенствованію своей сельскохозяйственной промышленности, которая впослѣдствіи, когда стѣсненія въ судостроеніи были устранимы, достигла высокой степени развитія и заняла въ этомъ отношеніи видное мѣсто въ ряду наиболѣе цвѣтущихъ областей Россіи. Мы съ тѣхъ поръ видимъ воронежцевъ сбывающими на южныхъ и сѣверныхъ рынкахъ преимущественно обработанныя произведенія своего сельского хозяйства. Умудренные опытомъ, ободренные геніальнымъ царемъ, воронежцы

стали открывать одинъ за другимъ заводы и фабрики, которыхъ на Воронежѣ еще въ царствованіи Петра было немало, но тѣ заводы и фабрики были заведены самимъ монархомъ, а не населеніемъ. Правда, въ началѣ все это дѣлалось какъ-то робко и нерѣшительно, все это создавалось и содержалось, опираясь главнымъ образомъ на казенныхъ подданныхъ Петровскихъ адмиралтействъ, но еще младенческая промышленность воронежцевъ, какъ и все младенческое, тогда еще нуждалась въ точкѣ опоры, безъ которой трудно было бы вознестись новому дѣлу у малоразвитаго населенія придонскаго края. Не только купечество, но и мѣстные дворяне-помѣщики принялись за фабрично-заводскую промышленность, обрабатывая сырыя произведенія своего сельскаго хозяйства, о чемъ скажемъ подробнѣе, закончивъ обзоръ сельскохозяйственныхъ произведеній края.

О количествѣ и качествахъ мѣстныхъ сельскохозяйственныхъ произрастеній будетъ сказано при обзорѣ сбыта ихъ.

Изъ прочихъ произведеній царства растительнаго достойны вниманія слѣдующія:

Каменный уголь, извѣстный здѣсь съ незапамятныхъ временъ, употреблявшійся еще татарами въ XIII столѣтіи (*); въ XVII вѣкѣ его уже знали придонскіе обитатели подъ названіемъ *горючій камень*, но употребляли его не какъ топливо для печей, а для варки пищи въ полѣ. Причина, почему этотъ драгоценный горючій матеріалъ оставался у воронежцевъ долго въ забвеніи, объясняется какъ чрезвычайнымъ обиліемъ и дешевизною лѣса, такъ главнымъ образомъ незнакомствомъ воронежцевъ не только съ свойствами и преимуществами огнеупорнаго кирпича, но даже съ условіями, дѣлающими печку безопасною въ противопожарномъ отношеніи, вслѣдствіе чего пожары случались здѣсь такъ часто. Извѣстно, что лишь въ 1718 г. былъ изданъ указъ о строеніи печей на фундаментахъ, а не на полу, и чтобы печныя трубы были столь широки, чтобы человекъ могъ пролѣзть въ нихъ. Не только частные дома, фабрики и заводы, но даже казенные желѣзные заводы Боренскіе, Липскіе и Кармалинскіе работали дровами и это потому, что большой возъ дровъ стоилъ въ началѣ прошлаго вѣка, при Петрѣ, не дороже двухъ алтынъ, а по кончинѣ геніальнаго монарха, когда лѣсъ вздорожалъ, уже некому было объ этомъ подумать (**).

Древесный уголь—употреблялся въ огромномъ количествѣ адмиралтействами и въ сравнительно небольшомъ—винокуренными и другими заводами и фабриками; частная промышленность расходовала его въ незначительномъ количествѣ.

Зола—стала важнымъ предметомъ торговли лишь въ петровскую эпоху, когда одинъ за другимъ стали быстро возникать мыловаренные заводы; кромѣ того зола покупалась казенными табачными, винокуренными и нѣкоторыми другими заводами.

(*) Марко Паоло, проѣзжавшій Степи въ 1272—1295 гг., рассказываетъ о употребленіи каменнаго угля татарами: «An allen Orten der Landschaft Kathai gräbt man eine schwarze Steinart aus den Bergen, welche im Feuer ebenso, wie das Holz brennt, und wenn sie einmal im Brande ist, ausserordentlich lange fortglimmt; denn brennt man diese Steine z. B. des abends an, so dauert ihr Feuer bis zum andern Tage fort. In Gegenden, welche arm an Holze sind, kommen solche den Einwohnern sehr zu statten. (См. отд. «Von Steinen, die wie Holz brennen» стр. 127 Marco Paolo's Reise in den Orient, verdeutscht von Felix Peregrin, Leipzig 1862).

(**) Въ 30-годахъ прошлаго столѣтія дрова начали продавать сажнями. Сажень печатная дровъ стоила отъ 2 р. до 50 к., а распашная или *маховая*, т. е. глазомѣрная, опредѣлявшаяся *размахомъ* рукъ — 1 р. 50 к.

Деготь—составлялъ весьма важный вывозной продукт сельскохозяйственной промышленности. Его отправляли огромными партіями въ казачьи городки, откуда онъ расходился по всему Югу.

Дерево—сплавлялось въ казачьи городки или плотами, или же готовыми бударами, дощаниками и стругами, гдѣ они, смотря по состоянію, въ которомъ находились, разбирались тотчасъ на дрова или доски, или же вытащенные на берегъ въ опрокинутомъ видѣ съ продѣланными дверью, окнами и трубою, превращались въ жилище или же наконецъ, совершенно прочные и годные къ плавному пути, продолжали исполнять свое прежнее назначеніе. При Петрѣ I частная торговля лѣсомъ была до крайности стѣснена, такъ что одно время по Дону сплавлялись почти одни только казенные плоты, предназначавшіеся для удовлетворенія потребностей въ хорошемъ и дровяномъ лѣсѣ переселенцевъ новозавоеванныхъ и новостроющихся городовъ. За то тѣмъ значительнѣе былъ сбытъ деревянныхъ издѣлій: куфь, кадей, бочекъ, полубочекъ, ведеръ, а также разнаго рода посуды какъ мисъ, тарелокъ, ложекъ, колесъ (*), корытъ, всякаго рода роговъ и цывоковъ, лубья, лаптей, кузововъ, мочальныхъ шлей, и т. п., вообще мочальное производство и заготовленіе бочарнаго и подѣлочнаго лѣса достигли у воронежцевъ въ началѣ прошлаго вѣка высокой степени развитія,—за нѣкоторыми издѣліями воронежцевъ пріѣзжали даже изъ Суздаля. Достоинно также вниманія искусство воронежцевъ, развившееся со средины XVII в., т. е. съ переселеніемъ на Донъ черкассы,—*пиленіе* бревенъ и *дранницъ*, а равно и выдѣлываніе для кровель дубоваго съ прорѣзными краемъ *гонта*, а также отличались они умѣньемъ дѣлать для продажи разную деревянную утварь и мебель съ очень искусною рѣзбою.

Табакъ—строго запрещенный при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ (**) табакъ вошелъ во всеобщее употребленіе при Петрѣ I, въ царствованіи котораго не курили одни только раскольники. Съ средины XVII ст., прибывшіе изъ задыпровья черкассы начали разводить табакъ и тайно промышленять имъ, такъ что ко времени прибытія Петра табакъ былъ уже сильно распространенъ среди воронежцевъ. По учрежденіи правительственной монополіи, черкассы продолжали свой тайный промыслъ, для чего у устья р. Воронежа въ уединенномъ мѣстѣ у нихъ былъ устроенъ складъ, откуда ночами его потихоньку доставляли въ Воронежъ или мимо его, въ Елецъ, Рязань и Москву. Такъ какъ *корчемники* не унимались, то правительство стало скупать его у нихъ по выгодной цѣнѣ; съ тѣхъ поръ въ продажѣ здѣсь существовали два сорта табаку: *нѣмецкій*, доставлявшійся Гутфейлемъ и *черкасскій*, привозимый Острогжщанами. Казенныя фабрики обрабатывали эти два сорта золою. Табакъ продавался въ видѣ *крупной* крошки, *мелкой* и *тертой пыли* (вѣроятно нюхательный). Тутъ же продавались табачными цѣловальниками трубки для куренія двухъ величинъ: большой и малой руки, а также табакерки или тавлинки изъ бересты, емкостью въ осмью, четь и полугривенки, т. е. въ $\frac{1}{8}$, $\frac{1}{4}$ и полфунта. Табакъ

(*) Колеса продавались *теплыми*. т. е. по 2 пары, изъ коней передняя пара была ниже задней; за теплѣе колесъ платили 8 алтынъ.

(**) Въ числѣ обязательствъ поступавшаго въ ратные или вообще на госулареву службу въ началѣ XVII в. было между прочимъ воздержаніе отъ куренія. Въ поручной записи поручатели ручались за *новичка*, что онъ не будетъ *пить* табакъ, какъ тогда называли куреніе.

продавался оптомъ — пудами, а въ розницу гривенками или фунтами, четани или четверками и полчетьями или осьмушками.

Хмель — составлялъ одинъ изъ важѣйшихъ предметовъ внутренней и вывозной (вывозной) торговли. Его разводили въ большомъ количествѣ. Сотнями пудовъ отвозили его въ Царицынъ гдѣ вымѣнивали на соль и осетровъ.

Дрожжи — приготовлялись особенно много Острогскими черкасами, у которыхъ они продавались въ шинкахъ. На одинъ *грозъ* дрожжей давали столько, что хватало для выпеченія калачей изъ четверика муки.

Уксусъ — хлѣбный стали готовить одновременно съ винокурениемъ; его приготовляли изъ ячменнаго или пшеничнаго солода. Уксусъ воронежцы продавали преимущественно донскимъ казакамъ, но не мало его также отпускалось въ Камышинъ и Царицынъ. Въ свое время здѣсь славился *ренсковый* уксусъ, который приготовляли острогскіе черкассы слѣдующимъ образомъ.

Въ чистое ведро вливали штофъ простаго хлѣбнаго вина, куда клали также фунтъ меду и полстакана клюквы и до полна называли чистою водою; смѣсь подвергали затѣмъ броженію, т. е. оставляли на теплой печи до тѣхъ поръ, пока не образовалось *гнѣздо*, послѣ чего готовый уксусъ сливали въ бутылки. Такимъ образомъ приготовленный уксусъ имѣлъ крѣпость лучшаго *ренского* и притомъ красивый розовый цвѣтъ. Разъ это гнѣздо образовалось, достаточно было только подливать *сыты* для непрерывнаго образованія этого рода уксуса. Клюкву клали размятую, а не цѣльными ягодами, а уксусъ посѣивали въ 2 недѣли.

Вино хлѣбное. Едва ли существовала когда либо въ воронежскомъ краѣ страсть сельскохозяйственной промышленности старѣе по времени и обширнѣе по производству винокурения. Уже въ 1593 году жаловалась воронежская администрація царю Θεодору Іоанновичу на мѣстныхъ черкасѣхъ, что они «мехъ сытять и вино курать и пьютъ и бражничаютъ», что очевидно уже тогда почталось корчемствомъ. Въ 1623 году одинъ только воронежскій кабакъ давалъ откупу въ годъ, считая съ наддачею, свыше 1266 рублей. Какое же количество вина долженъ былъ выкурить и продать тогдашній откупщикъ Кострикинъ, чтобъ самому нажитья, да еще въ казну уплатить столь значительную по тому времени сумму! Сколько при этомъ выкуривала казна для дачи въ жалованье разнымъ кормовымъ служилымъ людямъ, въ томъ числѣ донскимъ казакамъ, получавшимъ ежегодно 500 ведръ вина. Сколько выкуривали помещики на свой обиходъ, а главное сколько выкуривалось *корчемнаго* или контрабанднаго вина?

Въ 1652 году прибылъ на Донъ на вѣчное житіе Иванъ Данильковскій съ 1000 ч. черкасѣхъ, кои поселились по Тихой Сосѣ, до устья ея. Одна изъ главныхъ привилегій, дарованныхъ имъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, взаимнѣ ихъ сторожевой службы и охраны тогдашнихъ границъ Московскаго государства, — было свободное, безбродное и безпошлинное винокурение и шинкованіе. Своимъ правомъ Острогжане воспользовались чрезвычайно широко, такъ что не только въ украинныхъ городахъ, какъ Ливны, Воронежъ, Орловъ, Усмань, Валуйки и другіе, но даже въ Елецкихъ и Рязанскихъ казенныхъ кабакахъ, скорѣ стало *питуховъ* мало и корчемство сильно развилось.

За безпошлиннымъ виномъ пріѣзжали въ Острогскъ изъ отдаленныхъ горо-

докъ и тайкомъ провозили его мимо воронежскихъ заставъ и донскихъ *перевозовъ*, т. е. жордоновъ, въ разные сѣверные города; но главный сбытъ хлѣбнаго вѣща все таки производился въ казачьихъ городахъ и производился онъ не осторожными черкасами, которые вслѣдствіе избѣгали навлечь на себя неудовольствіе привѣдства и чрезъ то лишиться столь выгодныхъ привилегій, а елецкими и воронежскими торговыми людьми.

Дѣлалось это такимъ образомъ. Елецкіе купцы у своего воеводы, а воронежцы у воронежскаго брата *протѣжуютъ* память на Донъ въ казачьи городки, т. е. паспортъ, обыкновенно на 4 мѣсяца, — на 2 мѣсяца лишнѣхъ, изъ предосторожности, чтобы не платить *пенн* вслучаѣ непредвидѣнной просрочки; при чемъ предъявляли *поручныя* записи по себѣ и по своихъ гребцахъ, чтобы нѣтъ на Дону не осталось. На заставѣ или перевозѣ, у самаго города Воронежа, осадный голова провѣрялъ наличность топаровъ, по росписи, которая торговцами раѣе предъявлялась воеводѣ и свидѣтельствовалась имъ, причемъ досматривалось: 1) чтобы топары и запасы были по роду и количеству тѣмъ, какіе значились въ росписи; 2) чтобы въ бударѣ, дощаникѣ или стругѣ не было коромеянаго дѣла; 3) чтобы на суднѣ не было людей лишнѣхъ или вообще незначущихся въ проѣзжей. При Петрѣ I, кромѣ того, строго провѣрялись гребцы въ томъ, не бѣгле ли они и не тяглые и не изъ солдатъ ли и не отъ корабельной или иной работы не отбыли ль.

Провѣривъ всѣ эти пункты и найдя все въ порядкѣ, осадный голова дѣлалъ помяту на проѣзжей памяти и судно отправлялось въ дальнѣйшее плаваніе. Тѣмъ временемъ, пока судно медленно подвигалось впередъ, стремясь изъ устья Воронежа внизъ по Дону, верховой казакъ доставлялъ на Донскіе перевозки или заставы сообщеніе воронежскаго осаднаго головы объ осмотрѣ такихъ-то и такихъ-то елецкихъ или воронежскихъ торговыхъ судовъ, пропущенныхъ мимо или отпущенныхъ изъ самаго Воронежа. Этихъ перевозовъ или раздвижныхъ мостовъ было кромѣ воронежскаго — 7 и сквозь нихъ прокрасться тайкомъ было немислимо не только бударѣ или дощанику, но даже и небольшой лодкѣ. Эти перевозки находились: 1) у с. *Гвоздевки*, 2) у с. *Губарева*, 3) у с. *Семилукъ*, 4) на устьѣ р. *Двигицы*, 5) у с. *Устья*, 6) въ *Врлчковой Полянѣ* и 7) у *Боршева* монастыря. Первые 5 перевозовъ обыскивали суда, спускавшіеся по верхнему теченію Дона, а суда, плывшія изъ р. Воронежа, если направлялись внизъ по Дону, обыскивались лишь на Кречковской и Боршевской заставахъ. Обысканные и пропущенные на послѣдней заставѣ торговые люди смѣло и безпрепятственно продолжали путь до Коротояка, гдѣ ихъ снова обыскивали, свѣряли съ проѣзжими памятьми и отпускали дальше. Наконецъ они пріѣзжали въ Острогжскъ. Здѣсь они смѣшили распродать привезенные товары на наличныя деньги или, что было какъ имъ, такъ и черкасамъ выгодно — обмѣнить на вино. Главные и пользовавшіеся наибольшимъ спросомъ товары, какіе торговцы привозили, были: 1) *Аба*, — такъ назывались плащи или свитки изъ толстаго, плотнаго, преимущественно свѣтлыхъ цвѣтовъ сукна, очень любимые черкасами. 2) Разныя дорогія ткани, шелковыя пояса и нитки. 3) Зеркала, анисры (*), гребни, перстни и разные предметы для украшеній. 4) Попоны

(*) Такъ назывались фунтовые вѣсы употреблявшіеся въ домашнемъ быту. Говорили *анисръ шолку*, вмѣсто того, чтобы сказать фунтъ шолку.

и сѣдла литовскія. 5) Оукна шиявскія, тузинскія, кармазинновыя и карупновыя. 7) Котлы бражные, пивные и путные. 6) Кружева польскія, кисей камчатныя и мн. др. вещей.

Распродавъ или обмѣнявъ товары на вино, торговцы въ *тамъ* грузили *беспошлинное* для черкасскъ, а для нихъ *корчемное* вино въ будары, предварительно заявивъ Острогжскому воеводѣ, что распродавшись, собираются ѣхать дальше, въ Камышинъ за солью, и по освидѣтельствованіи воеводою или его посланными пустыхъ бударъ, отъѣзжали немого ниже Острогжека, гдѣ нагружали корчемное вино и сѣявшись съ якоря отправлялись къ донскимъ казакамъ. Какъ въ Острогжскѣ *аба*, такъ въ казачьихъ городкахъ цѣнились вино выше всего. Поэтому, понятно, что купцы, приѣзжавшіе съ подобными товарами, были весьма желанные гости. Вино скоро обмѣнивалось на Терскую или Бахмутскую соль, а также на разные предметы, *отгромавленные* и *ватитъ раздуваненные* междь себя донцами и — торговые люди съ великою прибылью направлялись въ обратный путь, гдѣ еще разъ на обратномъ пути сѣдывались въ Острогжскѣ, чтобы болѣе цѣнные предметы роскоши вымѣнять или продать болѣе прожиточнымъ черкаскамъ. Тамъ они вымѣняли или продавали, добытые ранѣе донцами: кизилбашескія сѣдла и оружія, турскія сабли, пояса верблюжьи, мѣха тигровыя, платки китайскіе и прочіе. Взамѣнъ всего этого они брали или покупали разнаго рода рыбы, какъ осетровъ, севрюги, стерлядей и проч. и возвращались обратно домой въ Воронежъ ли, Елецъ или Данковъ, и т. д.

А винокуреніе казенное и черкасское и корчемное между тѣмъ съ каждымъ годомъ продолжало развиваться, такъ что къ концу XVII в. придонской край, благодаря только необычайному плодородію его почвы, могъ удовлетворять всѣ эти винокурни и рожью и хмелемъ и ячменемъ, такъ сильно разрослась эта и понынѣ господствующая отрасль сельскохозяйственной промышленности. Такъ какъ самыя обширныя по производству винокуренныя заводы въ петровскую эпоху были казенныя, то мы на нихъ и остановимся. Главныхъ кружечныхъ дворовъ въ воронежскомъ краѣ было два. Одинъ на Воронежѣ, другой — въ Тавровѣ. Сначала эти два завода удовлетворяли мѣстный спросъ на вино, но съ учрежденіемъ адмиралтействъ, а въ особенности послѣ завоеванія Азова, когда по Дону возникло нѣсколько новыхъ городовъ, населенныхъ сведенцами изъ разныхъ городовъ, преимущественно Казани, Сибирска и Пензы, — эти заводы оказались уже не въ состояніи удовлетворить сильно разросшійся спросъ на вино, не смотря на то, что имъ въ помощь открыты были заводы въ Орловѣ, Усманн, Усердѣ, Коротоянѣ и даже въ самомъ Острогжскѣ. Тогда Правительство предложило нѣсколькимъ извѣстнымъ своею благонадежностью лицамъ взять на себя *подрядную* доставку вина въ казну, отдѣльно кромѣ того поручалось нѣкоторымъ лицамъ *высидѣть* въ самомъ Воронежѣ отъ 20,000 до 60,000 ведръ вина; послѣднее случалось впрочемъ только по *военнымъ случаямъ*, то есть въ военное время, когда ни заводы, ни подрядчики не могли снабжать виною многочисленную войска, сосредоточивавшіяся гдѣ либо не въ далекомъ. Нибольшее количество подряднаго вина доставляла Починковская волость, отиуда въ одинъ разъ доставляли на Воронежъ отъ 4000 и до 20,000 ведръ, въ основныхъ бочкахъ, а на Воронежѣ вино переливали въ дубовыя бочки, जो

того-ли акт и основныя всегда были одной ёмкости въ 40 в. При Петръ I различали три сорта хлѣбнаго вина.

1) *Вино простое*, едва очищенное отъ сивушнаго масла, шло исключительно на удовлетвореніе потребности простолюдиновъ. Оно продавалось ведро по 10 алтынѣ, а при усиленномъ спросѣ, какъ напримѣръ предъ праздниками—по 10 алтынѣ и по 4 деньги за ведро.

2) *Вино двойное* или двойное—высшаго достоинства приготавливалось изъ простаго вина и самый процессъ приготавливанія носилъ названіе *двоенья*, какъ процессъ производства перваго—*сиденья*. Вино двоили такимъ образомъ, что сначала его наставляли съ известнымъ количествомъ *розмарина*, а затѣмъ перегоняли. Во что обходилось казнѣ это двоенье, сколько чего бралось и почему оно продавалось, это видно изъ слѣдующаго отчета воронежскихъ цѣловальниковъ за 1699 годъ.

На двоенье простаго вина взято:

767 ведръ по 10 алтынѣ и 2367 ведръ 2 чети по 10 алт. по 4 деньги, а всего—3134 ведра съ полуведромъ, стоимостью—987 р. 28 алт. 2 д.

Размарину 14 пуд. 10 фунт., по 2 алт. за фунтъ—34 р. 6 алт. 4 д.

Дровъ употреблено было на 21 р. 19 алт. 2 д.

Винокуру за двоенье даво 14 р. 14 алт. 4 д.

А всего вина и запасовъ по цѣнѣ 1057 руб. 30 алт. 4 деньги.

Двойнаго вина вышло 1653 ведра.

Въ истинѣ стало ведро по 21 алт. по 2 деньги.

Въ наличности оставалось простаго вина 14,582 ведра 2 ч., коему *истинная* цѣна 4477 руб. 4 алт. полпята денегъ.

Отсюда видно, что ведро простаго вина обходилось казнѣ въ $30\frac{2}{3}$ коп., а двойнаго—64 коп. Первое продавалось ведро по 10 алтынѣ, а иногда по 10 алт. по 4 д. (причемъ для продажи сильно разбавлялось водою цѣловальниками, не столько въ пользу казны, сколько въ собственную), а второе—по 1 руб. 9 алт. и по 2 д. за ведро, а если въ раздробъ, то по 1 р. 12 алт. и по 2 д.

По отчетностямъ цѣловальниковъ, казна имѣла прибыли на двойное вино, *при истинѣ* въ 907 р. и 28 алтынѣ—997 руб. 30 алт. и 3 деньги или почти 110%; впрочемъ простое вино, по указанной выше причинѣ, давало казнѣ несравненно больше прибыли....

Двойное вино продавалось въ посудахъ ведерныхъ, полуведерныхъ и четвертныхъ, а въ раздробъ кружками, полукружками и чарками.

3) *Приказная водка*—самаго высшаго достоинства вино, готовилась особыми специалистами-стряпчими Сытнаго Дворца для обихода великаго государя. Поступалъ ли этотъ сортъ водки въ продажу или нѣтъ, сказать не можемъ, за неотысканіемъ свѣдѣній, но съ достовѣрностью знаемъ, что именно этой водкой Петръ I щедро угощалъ своихъ *нменцовъ*, которые, въ отсутствіи монарха, какъ извѣстно по исторіи, сами угощались ею еще щедрѣе того. Какого рода это былъ напитокъ, почему онъ такъ горячилъ головы знаменитыхъ *мызуховъ*, доводя ихъ до брани и драки, это видно изъ способа приготавливанія его. Въ петровскую эпоху особымъ умѣньемъ *готовить «приказную»* отличался стряпчій Сытнаго Дворца Прокофій Звѣревъ, который нарочно съ этой цѣлю былъ выписанъ въ Воронежъ въ февралѣ 1699 года. Звѣревъ въ

самомъ дѣлѣ былъ знатокъ своего дѣла, онъ не только зналъ, что грецическая зола содержитъ довольно чистый поташъ, что отъ сухаго поташа вино становится гораздо крѣпче, но повидимому даже имѣлъ понятіе о значеніи въ заводской практикѣ *фракціонированной перегонки*, о преимуществахъ водокъ, перегнанныхъ надъ соответственными растеніями, предъ способомъ, практиковавшимся другими и заключавшимся въ простое раствореніи эфирныхъ маселъ, анисоваго, тминнаго или другаго, въ спиртѣ. «Всѣ эти хитрости вѣдалъ искусникъ Прокофій», — какъ про Звѣрева говорилъ другой подъячій, мучимый завистью.

Звѣревъ готовилъ *приказную* слѣдующимъ образомъ. Взявъ извѣстное количество подряднаго вина, онъ взбалтывалъ его съ очищеннымъ порошкомъ березоваго угля и давалъ отстояться. Эту операцію подъячій повторялъ нѣсколько разъ, пока отстоявшееся вино не дѣлалось совершенно безцвѣтнымъ и не лишалось характернаго запаха и вкуса сивушнаго масла, затѣмъ онъ сливалъ вино въ *сулеи*, содержащія по небольшому количеству поташа и анисоваго масла, взбалтывалъ и сливалъ въ перегонный кубъ, а затѣмъ подвергалъ упомянутой выше фракціонированной или дробной перегонкѣ и получалъ три сорта водки неодинаковой крѣпости и вкуса, но въ общемъ Звѣревская *приказная*, носившая скромное названіе *водки*, имѣла всѣ права на названіе спирта, потому что отъ небольшой *препорціи* пьянѣли даже привычные къ вину люди. Самъ Петръ I предпочиталъ это вино всякому другому.

Изъ прочихъ напитковъ мѣстнаго приготовленія достойны вниманія слѣдующіе:

Наливки и настойки изъ разныхъ ягодъ, готовившіяся въ запасъ въ помѣщичьихъ хозяйствахъ; первыя въ особенности у Острогожскихъ черкасъ.

Обитень — въ свое время очень распространенный напитокъ; его готовили заваривая нѣкоторыя душистыя травы съ медомъ и прибавляя въ низшій сортъ изюмъ и стручковый перецъ, а въ лучшій — корицу и лабирь. Для втораго Азовскаго похода сего напитка было приготовлено 23,000 ведръ.

Пива варили черкасы такъ искусно, что самъ адмиралтеецъ Федоръ Матвѣевичъ Апраксинъ съ удовольствіемъ принималъ бочки съ этимъ напиткомъ, приславшимся изъ Острогожска *въ почете* ему, а генералъ Ригинъ даже самъ частенько бивалъ челомъ Острогожскому полковнику Ивану Семеновичу Сасу объ этой *почести*, обѣщая за это удерживать своихъ солдатъ отъ разныхъ насилій надъ черкасами и ихъ *мастностями*.

Кавердакъ или *кавардакъ* — такъ называлась встарину сваренная по особому способу смѣсь пива съ медомъ — любимый напитокъ ратныхъ людей временъ Петра I. Для втораго Азовскаго похода кавердакъ готовили въ запасъ ведръ по 500 и болѣе.

Брага варилась изъ проса на подобіе татарскаго напитка «буза».

Квасъ. Этотъ распространенный въ народѣ напитокъ бывалъ тогда, какъ и нынѣ, двухъ сортовъ, *хлебный* и *яблочный*. Второй предпочитали черкасы, которые готовили его слѣдующимъ образомъ. Чистую бочку на-

*) Позднѣе, когда вслѣдствіе недобросовѣстности приказныхъ и винокуровъ его стали готовить изъ разныхъ перебродившихъ и окисшихъ напитковъ, нѣкогда любимый кавердакъ потерялъ свою популярность. Сначала имъ стали называть послѣднія сливки пива, а затѣмъ и всякій дурной и мутный напитокъ. Если у хозяина кушанье не удавалось, выходило слишкомъ жирнымъ и вообще дурно приготовленнымъ, то мужъ ей въ сердцахъ говорилъ: „Настряпала, матушка, *кавардаку*, сама и ѣшь.“

полили мелкими и кислыми (лѣсными или садовыми) яблоками, которыя предварительно очищали, обивали и отбрасывали поврежденные червями; затѣмъ наполняли бочку чистою и холодною водою, прибавляли нѣкоторыя пряности, какъ анисъ или тминъ или инбирь и оставляли на нѣкоторое время для слабого броженія, сохраняя бочки лѣтомъ въ прохладныхъ, а зимою въ теплыхъ *выходахъ* или погребахъ. У нѣкоторыхъ хозяевъ выхода съ этою цѣлію снабжались *грубками* (небольшими печами).

При чрезвычайномъ обиліи яблокъ въ воронежскомъ краѣ, квасъ едва ли служилъ встарину предметомъ торговли, особенно если принять во вниманіе широкое гостепріимство царствовавшее здѣсь встарину. Исключеніе въ этомъ отношеніи могли составлять такіе города какъ Воронежъ, Павловскъ, Остро-гожскъ и Азовъ, гдѣ значительное скопленіе народа въ петровскую эпоху затрудняло воронежцевъ въ правилахъ гостепріимства.

Медъ—одинъ изъ самыхъ старинныхъ и любимѣйшихъ напитковъ воронежцевъ, безъ котораго не обходились никакія празднества, ни пиршества, ни крестины, ни сговоры и свадьбы. Воронежцы ставились своимъ искусствомъ въ приготовленіи всевозможныхъ сортовъ меда, различныхъ какъ по составу, такъ и по вкусу и цвѣту, но выше всѣхъ сортовъ славился красный медъ, носившій названіе *рябинового*, способъ приготовленія котораго былъ слѣдующій: Очень крѣпкую и обитую желѣзными обручами (по причинѣ сильнаго броженія этого меда) бочку наполняли рябиною и приливали соотвѣтственное количество обыкновеннаго меда, смѣшаннаго съ водою; бочку плотно закрывали крышкою, поверхъ которой клали большія тяжести (камни или гири) и для способствованія броженію къ выходѣ въ теченіи трехъ сутокъ искусственно поддерживали нѣсколько повышенную температуру («теплую баню») для чего топили грубку. По окончаніи броженія, бочку открывали и жидкость разливали въ небольшіе винные сосуды, закупоривали и ставили въ холодный выходъ.

Этотъ медъ былъ густоватъ, темнокраснаго цвѣта, прозраченъ, чрезвычайно пріятнаго вкуса, сохранялся очень долго и даже отъ времени, подобно винограднымъ винамъ, приобреталъ особенную крѣпость и пріятный вкусъ; 3—4 лѣтній рябиновый медъ въ количествѣ одной бочки, столько же пива да три ведра *скавитаго* вина, преподнесенные *въ почесть* знаменитому адмиралтейцу Федору Матвѣевичу Апраксину, при встрѣчѣ его черкассами, 2-го іюня 1702 года у Дивьихъ горъ, вызвали его *многую любовь* къ послѣднимъ и онъ ихъ *всѣмъ дѣяковалъ*; почему съ тѣхъ поръ черкассы ежегодно *поклонялись* ему на Воронежѣ въ означенномъ количествѣ. Замѣчательно пріятный вкусъ этихъ напитковъ, преподнесенныхъ въ томъ же количествѣ и Донскому атаману и генералу Христофору Ригиану вызвалъ распоряженіе со стороны перваго, чтобы донскіе казаки и калмыки не обиждали и не грабили черкасъ, а со стороны втораго, чтобы солдаты черкассамъ никакой школы не чинили. Приказные, сопровождавшіе этихъ военачальниковъ получили кто по *барильцу* водки, кто *перепустъ* вина, цѣнности въ 8 алтынъ, кто *кладушечку* ржи или *осмачку* пшеницы, а то и *око тютюну*, т. е. 3 фунта табаку и всѣ остались чрезвычайно довольны оказанною *почестью*, вельце дѣяковали черкассъ за многую ихъ ласку, не стоившую никакихъ *пенязей*, общивали кто *споны* не чинить, кто полей не топчаты, а кто черкасское

сено, что въ «левахъ въ скирдахъ и стогахъ на станахъ стоять» — не разметать...

Опасаясь наскучить читателю многими подробностями, мы опускаемъ описаніе тогдашняго вѣшняго и внутренняго устройства кружечныхъ дворовъ и питейныхъ домовъ. Скажемъ только, что объ удобствахъ посѣтителей заботились не мало. Такъ изъ описанія воронежскихъ кружечныхъ дворовъ и питейныхъ домовъ конца XVII в. видно, что при нихъ устраивались *любимыя пристыны для попойки и сидѣнья питуховъ во время дождей*; тутъ же въ сухое время питухи отдыхали подъ тѣнью деревъ, или же отплясывали съ своими дамами разныя пляски подъ звуки музыки виртуозовъ черкасъ, преимущественно *цимбалистовъ, тросигакей и литовричиковъ*. Вообще дошедшіе до насъ письменные памятники глубокой старины свидѣлствуютъ о великомъ умѣніи воронежцевъ того времени весело проводить время...

Изъ иностранныхъ винъ, не мѣстнаго приготовленія, встрѣчавшихся здѣсь, отиѣтимъ слѣдующія: *алканы* (*), *бастра*, *мальмазія* (**), *мушкатель*, *романей* и *ренское*. По именному указу отъ 6 октября 1697 г. велѣно было «у г. Архангельскаго и въ иныхъ порубежныхъ городахъ съ привозныхъ заморскихъ питей нынѣ и впредь брать В. Г. пошлины съ *полубеременныхъ* бочекъ съ алканы, съ бастры, съ малмазей, съ мушкатели — по осьми, съ романей и съ ренского — по пяти *ефимковъ* съ бочки до всего полного числа». Когда же въ 1701-мъ году былъ объявленъ указъ о переводѣ *Свинской* ярмарки въ Троицкій на Таганрогъ, съ тѣмъ чтобы завязать торговныя сношенія съ Югомъ и Юговостокомъ, то на первую же ярмарку 1702 года были впервые привезены армянами, турками и греками новыхъ два сорта винъ, дотолѣ неизвѣстныхъ воронежцамъ, то были: одно *шаранъ*, другое — *нардекъ*, поставившія въ туникъ мѣстныхъ буристровъ, не знавшихъ сколько брать съ *полубеременной* бочки, — 8 или 5 ефимковъ, въ виду того, что «пошлинное ефимочное взятъе съ этихъ пойлъ было имъ еще *незаобычно*».

Бахчеводствомъ занимались вначалѣ одни только черкассы, разводившіе преимущественно тыква, которая употреблялась почти исключительно для откармливанія свиней (***). Дыни и арбузы или *кавуны*, если и разводились ранѣе черкассами на бахчахъ или *бахтанахъ*, то лишь въ небольшомъ количествѣ, потому что, какъ видно изъ архивныхъ документовъ, Петръ Великій завелъ бахчи въ Азовѣ, откуда арбузы и дыни присылались ему въ Воронежъ и Москву. Бахчеводство развилось лишь впоследствии; составивъ спеціальную сельскохозяйственную отрасль промышленности преимущественно посадскихъ людей двухъ уѣздовъ, Павловскаго и Новохоперскаго, которымъ съ этою цѣлю, по указу Петра I, были отведены весьма значительныя земельныя участки.

Виноградники были заведены въ воронежскомъ краѣ еще Петромъ I, который развелъ здѣсь нѣсколько лучшихъ сортовъ винограда и хотя опытъ доказалъ возможность культуры его, однако имъ впоследствии почему-то не занимались.

(*) Гфройтно Аливанте. (**) Мальвазія.

(***) Точно также острогужскіе черкассы и донскіе казаки, во время походовъ, кормили своихъ лошадей ячменемъ вѣсто овса, потому что считали его сытнѣе овса, а главное приписывали ему свойство придавать утомленной лошади рѣзвости и бодрости.

Садоводство ограничивалось почти исключительно яблоками и вишнями, а у черкасъ кромѣ того и сливами. Урожай яблокъ бывали здѣсь баснословные. Всѣ эти плоды, какъ и лѣсные орѣхи, доставлялись отсюда главнымъ образомъ въ Москву.

Огородничество. Почти не было ни одного даже городского самостоятельного хозяйства въ воронежскомъ краѣ, которое не имѣло бы при домѣ огорода, на которомъ главнымъ образомъ сѣяли огурцы, горохъ, рѣдьку, свеклу, гречиху, ленъ, коноплю и въ небольшомъ количествѣ капусту. Въ особенности много разводили льна и конопли; послѣдняя главнымъ образомъ съ цѣлю добыванія масла, а ленъ — для производства разныхъ сортовъ холста и проч. Относительно льна сохранились такого рода свѣдѣнія: ленъ выдергивали вмѣстѣ съ корнемъ еще не созрѣвшій, отрѣзывали головки и мочили въ озерахъ и болотахъ, но преимущественно въ лужахъ, потому что моченый въ озерахъ и болотахъ считали менѣе крѣпкимъ и болѣе подверженнымъ ржавчинѣ. После 4 или 5 дневнаго пребыванія въ водѣ, ленъ вынимали и разстилали по полямъ, гдѣ онъ лежалъ отъ 2 до 4 недѣль, потомъ мяти въ особо сдѣланныхъ для этого верстанахъ, очищали щетками и такимъ образомъ приготовленный ленъ поступалъ въ торговлю. Изъ льна готовили особый видъ плотнаго и толстаго холста, который окрашивали кубовыми красками, преимущественно въ красный и синій цвѣтъ; эта ткань называлась крашевиной.

III. Продукты царства животнаго.

Періодъ дѣяній Петра I на Воронежѣ придалъ всему краю своеобразную фмію. Нѣкогда непроходимые лѣса, тянувшіеся по обѣимъ берегамъ Воронежа и Дона, исчезли. Изъ крупныхъ деревьевъ, какъ извѣстно, построили безчисленное множество военныхъ и транспортныхъ судовъ, а мелкія и валежники употреблены были на мелкую судовую подѣлку, на хорошее строенье, на угольное жженіе и частью сплавлены на югъ, на строенье и отопленіе новыхъ городовъ. Все шире и шире становилась съ каждымъ годомъ полоса оголенныхъ береговыхъ площадей, пока лѣса не очутились въ такомъ отдаленіи отъ береговъ Дона и Воронежа, что лѣсную рубку пришлось перенести за предѣлы этого края, гдѣ лѣсъ еще близко подходилъ къ водѣ. Само собою понятно, что вмѣстѣ съ этими вѣковыми дремучими лѣсами и звѣрь и пчела удалились отъ рѣчныхъ береговъ въ глубь страны.

Съ другой стороны, свободное теченіе Воронежа было сперто шлюзами. По самой рѣкѣ до самаго устья и даже верстъ на 20 далѣе по Дону внизъ, начиная отъ устья Воронежа, непрестанно сновали эти галеры и фуры, производя оглушительную пальбу, учебную и вѣкторіальную, распугивая послѣднюю рыбу; говоримъ послѣднюю потому, что очистка фарватеровъ и шумъ на воронежскихъ верфяхъ давно ее переселили въ многочисленныя гирлы Дона, непроходимыя въ большинствѣ ихъ для большихъ судовъ.

Главные предметы изъ царства животнаго, составлявшіе основу сельско-хозяйственной промышленности воронежцевъ, распредѣлились, съ самаго начала XVIII в., сообразно новымъ условіямъ края.

Рыболовство, какъ промыслъ, начинается уже гораздо южнѣе, около Коротояка, и продолжаясь далѣе къ югу, достигаетъ наибольшаго развитія въ са-

иных гирлахъ Дона. Главнымъ торговнымъ центромъ сбыта не только донской, но частью и волжеской рыбы остается до времени городъ Острогожскъ, вполнѣ заслужившій названіе *Рыбнаго*, хотя пользовался имъ гораздо ранѣе. Что же касается яѣкогда знаменитаго въ этомъ отношеніи г. Воронежа, то по авторитетному свидѣтельству святителя Митрофана, тамъ «и соинны изать негдѣ», т. е. самъ Воронежъ, въ числѣ прочихъ городовъ, покупалъ рыбу въ Острогожскѣ, съ громадными разиѣрами рыбнаго промысла котораго познакоимся ниже.

Птицеловство пострадало сравнительно менѣе, чѣмъ прочіе виды охоты; судя по сохранившимся письменнымъ памятникамъ мѣстной старины, въ началѣ и даже въ среднѣй прошлаго вѣка, дикихъ птицъ водилось здѣсь баснословное множество, — дикіе гуси, лебеди, дрофы, утки и проч. продавались возами. Скуды и перелѣты продолжали попрежнему быть очень прибыльными статьями промысловой охоты.

Бобровые гоны. Столь обширные еще во второй половинѣ XVII в., бобровые гоны къ концу его внезапно исчезаютъ, становятся достояніемъ исторіи. Въ мѣстныхъ архивныхъ документахъ даже самаго начала прошлаго вѣка объ этихъ пугливыхъ животныхъ ни разу болѣе не упоминается, словно ихъ не бывало никогда. Упоминаемая ниже бобровья *ожерелья*, т. е. стоячіе воротники, были вѣроятно сибирскія или другія, но во всякомъ случаѣ, не мѣстнаго происхожденія.

Земледѣльство перемѣстилось въ пощаженныя, за отдаленностью отъ судоходныхъ рѣкъ, лѣса Бирюченскіе и Валуйскіе, гдѣ впрочемъ съ каждымъ годомъ продолжало приходить въ упадокъ, не смотря на самыя строгіе запрети-тельные указы о томъ, чтобы работающіе въ лѣсахъ подъ страхомъ наказанія не кричали и не шумѣли «и тѣмъ бы звѣря не пужали и изъ лѣсовъ не выгоняли».

Пчеловодство — лѣсное пріютилось вокругъ г. Верхосюссенска, доживая свой вѣкъ и уступая мѣсто пасѣчному пчеловодству Острогожскихъ черкасъ, у которыхъ впрочемъ оно широкихъ разиѣровъ не достигло и самыя чертасы прикупали привознаго меду и воску.

Скотоводство. Слабое развитіе скотоводства въ воронежскомъ краѣ обуславливалось вначалѣ, какъ выше было сказано, главнымъ образомъ сосѣдствомъ ордынскихъ хищниковъ, ихъ стремительными набѣгами внезапно — *иззономъ*, причеиъ они преимущественно старались захватить домашній скотъ, какъ добычу, наиболѣе удобную къ передвиженію и наиболѣе цѣнную въ хозяйственномъ отношеніи.

Другая причина, задерживавшая успѣхи скотоводства въ началѣ, заключалась въ очень низкихъ цѣнахъ на крупный рогатый скотъ, такъ что земледѣіе оказывалось гораздо выгоднѣе скотоводства. Мы уже ранѣе видѣли, какъ въ началѣ цѣнили коровъ сравнительно съ другими домашними животными; въ то время какъ за лонскаго жеребенка давали рубль, а за кобылу — $1\frac{1}{2}$, корову цѣнили только въ 16 алтынъ или другими словами: жеребенеиъ цѣнился вдвое, а кобыла втрое дороже коровы.

Третья причина заключалась въ томъ, что до прибытія черкасъ воронежцы не особенно нуждались въ крупномъ рогатомъ скотѣ, потому что поля обрабатывали они и перевозили тяжести на лошадяхъ, а не на волахъ, какъ это было въ обыкновеніи у черкасъ.

Иное дѣло, когда черкассы, поселившись по Тихой Соснѣ, прикрмли собою южную границу отъ ордынскихъ набѣговъ и такимъ образомъ на значительномъ пространствѣ отгѣснили обитающихъ по сосѣдству кочевниковъ къ югу и востоку, а своими безпрестанными станичными разбѣдами далеко въ Стену значительно затрудняли кочевниковъ въ совершеніи набѣговъ изгономъ. Мало того, черкассы привезли съ собою между прочимъ и секретъ улучшеннаго способа выдѣлки кожъ, производства молочныхъ продуктовъ, а также и неизвѣстный до нихъ выгодный способъ откармливанія скота побочнымъ продуктомъ винокурения — бардою, кормъ — благодаря которому, кормленіе хлѣбными растеніями, стоявшими въ тѣ времена дороже самаго скота, становилось излишнимъ.

Другою причиною развитія скотоводства, начиная съ середины XVII., было замѣтное увеличеніе спроса на разные продукты этой отрасли сельскохозяйственной промышленности, въ особенности на кожи и сало.

Третья и притомъ, быть можетъ, главнѣйшая, это — упомянутыя выше событія петровской эпохи, періода кораблестроенія на Воронежѣ, обусловившія собою превращенія громаднхъ лѣсныхъ площадей въ пастбища и заставившія великое множество хлѣбопашцевъ бѣжать въ Довѣ и Кубань; вслѣдствіе чего воронежскіе землевладѣльцы, за недостаткомъ рабочихъ рукъ, занялись разведеніемъ рогатаго скота. Не только площади вырубленныхъ лѣсовъ и заброшенныя пахатныя земли представляли тому возможность, но вся центральная часть края представляла, какъ было упомянуто въ началѣ, необозримыя степи, покрытыя роскошною травой, и такимъ образомъ какъ бы самою природою для сей дѣли предназначенныя.

Овцеводство развилось замѣтно въ срединѣ XVII в., въ особенности у черкассъ, которые вообще предпочитали скотоводство земледѣлію, а разведеніе мелкаго рогатаго скота крупному, какъ болѣе выгодное; притомъ въ шерстобойномъ дѣлѣ черкассы славилась. Кстати замѣтимъ, что шерстобои назывались у нихъ *шоповалами*.

Свиневодство — чуть ли не единственный предметъ скотоводства, не подвергавшійся значительнымъ колебаніямъ до самаго конца XVII в. Свиневодство процвѣтало одинаково у великоросіянъ, какъ и у черкассъ; рѣдкое, даже крестьянское, хозяйство не имѣло 10—20 свиней и *хрешей* (хряки). Причина цвѣтущаго состоянія свиневодство объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что эти животныя не могли служить приманкой для ордынскихъ хищниковъ, религіозныя воззрѣнія которыхъ не допускали даже прикосновенія къ свиньямъ, какъ къ *нечистымъ* животнымъ.

Птицеводство было также очень распространено, но домашнія птицы находились въ полудикомъ состояніи, не пользуясь никакимъ уходомъ и даже присмотромъ. Преимущественно разводили водныхъ птицъ, а въ особенности гусей, безчисленными стаями пасшихся на лугахъ близъ населенныхъ мѣстъ. Птицы продавались въ началѣ *гнѣздами*; цѣна гнѣзду гусей былъ алтынъ, куръ — 4—5 грошей. Кто изъ не мѣстныхъ жителей болѣе одного гуся или курицы покупать не имѣлъ надобности или не оказывался въ состояніи, былъ въ глазахъ воронежцевъ гость или бѣдный, и какъ въ томъ, такъ въ другомъ случаѣ гостепріимство заставляло воронежцевъ на отрѣзъ отказываться отъ денегъ, ибо какъ странникъ, такъ и неимущіе были *моди Божьи*, и поэтому

за корыть брать съ нихъ деньги почиталось на Дону не только смертельнымъ грѣхомъ, но и зазорнымъ поступкомъ. Подобное нарушеніе обычаевъ предковъ повлекло бы за собою ужасное наказаніе, а именно — общее презрѣніе со стороны односельчанъ.

Съ 1696 года, когда наплывъ народа со всѣхъ концовъ Россіи, а равно и иностранцевъ въ Воронежъ достигъ очень значительныхъ размѣровъ, то сию обстоятельство не только цѣны на домашнихъ птицъ, но и самыя возрѣнія воронежцевъ на правила гостепріимства кореннымъ образомъ измѣнились. На мѣстныхъ рынкахъ установилась продажа гусей и куръ и яицъ поштучно и по сравнительно высокой цѣнѣ: гуся по 2 алтына, куры по алтыну; яйца гусиныхъ алтынъ десятокъ, куриныя 2—4 деньги.

Коневодство и коннозаводство принадлежать безспорно къ числу наиболѣе древнихъ отраслей сельскохозяйственной промышленности края. И то и другое находилось въ весьма удовлетворительномъ состояніи еще задолго до Петра I; достойно вниманія то обстоятельство, что надъ улучшеніемъ мѣстныхъ конскихъ породъ одинаково трудились, какъ всѣ народности края, такъ равно и всѣ сословія мѣстнаго населенія. Объясняется это тѣмъ, что всѣ сословія, безъ исключенія, одинаково нуждались въ хорошихъ лошадяхъ. Черкасы, казаки, гонцы и ямщики одинаково нуждались въ лошадяхъ быстрыхъ, а стрельцы, пушкари, торговые люди и крестьяне — въ лошадяхъ сильныхъ. Мѣстная знать и люди *полные* искали лошадей, которыя соединяли бы въ себѣ и другія качества, что и вызвало общее стремленіе въ мѣстномъ населеніи къ улучшенію мѣстной породы лошадей. Но въ то время какъ коневодство было достояніемъ всѣхъ и каждого, коннозаводство, какъ сопряженное съ болѣе значительными вздержками, было доступно лишь лицамъ очень зажиточнымъ или же цѣлымъ обществамъ. Къ первымъ принадлежали лица мѣстной высшей администраціи, богатые вотчинники и помѣщики и, въ особенности, монастыри; случайныя конюшни воронежскихъ монастырскихъ вотчинъ пользовались вполне заслуженною славой. Въ то время, какъ высшая цѣна обыкновенной лошади была здѣсь въ срединѣ XVII в. 2—6 рублей, заводскіе жеребцы и породистыя лошади продавались по 50, 60 и даже 100 рублей. Изъ одного дошедшаго до насъ документа видно, что въ ночь съ 14 на 15 марта 1684 г. было сдѣлано неизвестными злоумышленниками нападеніе на воронежскій богословскій монастырь, причемъ въ числѣ заграбленныхъ животныхъ оказались и заводскія лошади, взятныя изъ монастырскихъ конюшенъ. Не смотря на низкія цѣны, существовавшія въ тѣ времена въ Воронежѣ, заграбленные лошади были опѣвены: темносѣрый жеребецъ — въ 60 р., гвѣдой жеребецъ — 50 р., бурый жеребецъ — 30 р., конь карый *возникъ* — 25 р., рыжій *возникъ* — 25 р., *иноходецъ* гвѣдой — 30 р., *иноходецъ* бурый — 20 р., *иноходецъ* каурый лысый — 15 р. и т. д.

Начало мѣстному коневодству положено кочевавшими на Дону когайцами, если только не ранѣе того, — ихъ предшественниками, которые занимались ловлею и прирученіемъ дикихъ туземныхъ лошадей. Въ безбрежныхъ степяхъ придонскаго края во множествѣ водилась особая порода дикихъ лошадей, по-

сладніе представители которыхъ, по словамъ Кеппена (*), попадались еще въ началѣ текущаго столѣтія по теченію р. Ингула. Эти лошади отличались длинною шерстью, мышиного, темносѣраго цвѣта; нѣтъ короткія, черныя ноги, кудрявыя гривы и несоразмѣрно большія голову и уши; они славились необыкновенною быстротою бѣга, но при этомъ также отличались пугливостью и неукротимостью. Онѣ ходили обыкновенно огромными стадами подѣ предводительствомъ жеребца и что въ особенности замѣчательно—бывали и зимою тучны. Последнее впрочемъ могло отчасти завистѣть отъ передвиженія ихъ къ югу на зиму, но также и отъ того, что лошади эти зимою порою выгребали себѣ корнѣ изъ-подъ снѣга—черта, вполне сохранившаяся въ ихъ потомкахъ—въ *донскихъ* лошадяхъ. Ногайцы въ особенности умѣли укротять этихъ сильныхъ и быстрыхъ степныхъ коней, смѣшивали ихъ съ разными азіатскими породами и въ результатѣ получилась та крайне выносливая и быстроногая порода—*ногайцевъ*, которая такъ дорого цѣнилась въ Москвѣ еще въ началѣ XVII в. Съ тѣхъ поръ началось оттѣсненіе орды къ юго-востоку, а вмѣстѣ съ нею и лошадей этой породы. Часть орды поселилась на Кубани и продолжала улучшать породу своихъ лошадей, сбывъ которыхъ въ Москву продолжалъ быть во все продолженіе XVII в. главнымъ средствомъ пропитанія кубанскихъ татаръ; оставшіяся же въ дикомъ состояніи въ придонскихъ степяхъ лошади начали постепенно уменьшаться въ числѣ и, какъ выше было упомянуто, послѣднія особи окончили свое существованіе въ началѣ текущаго столѣтія.

Дальнѣйшая исторія мѣстнаго коневодства распадается на два отдѣла: на исторію крестьянскаго коневодства и помѣщичьяго. У помѣщиковъ, какъ увидимъ далѣе, оно двинулось далеко впередъ и во всѣхъ отношеніяхъ усовершенствовалось, но у крестьянъ, вслѣдствіе неумѣлости ли или бѣдности ихъ, оно сильно упало противъ прежняго, не смотря на то, что и послѣдніе по мѣрѣ возможности не переставали стремиться къ улучшенію породы своихъ лошадей. Нѣкоторое исключеніе въ этомъ отношеніи составило коневодство донскихъ казаковъ, благодаря главнымъ образомъ ихъ бытовымъ особенностямъ. Дѣло въ томъ, что казачья лошадь почти не знала тяжелыхъ работъ, которыя такъ изнуряютъ лошадей и такъ вредно вліяютъ на породу. Ленивый казакъ не ходилъ за сохой и не запрягалъ любимаго коня въ тяжело нагруженную телегу, въ которой возвращались съ поля домой его сѣверные сосѣди, мирные пахари воронежскаго края. Донская лошадь поэтому осталась вѣрна своему прототипу, сохранила силы, выносливость и рѣзвость въ бѣгу. И понинѣ лошади на Дону одасы породы, извѣстной подѣ названіемъ—*донской*. Въ настоящее время эти лошади представляютъ помѣсь различныхъ азіатскихъ породъ, окончательно утвердившуюся въ качествахъ и вполне приспособившуюся къ климатическимъ условіямъ страны, что имъ было не трудно, именно потому, что онѣ произошли отъ смѣси ногайскихъ лошадей съ калмыцкими и другими азіатскими породами. Вслѣдствіе подобныхъ историческихъ условій въ породѣ донскихъ лошадей выработались такіа качества, которыя дѣлали подобныхъ лошадей незаменимыми для донскаго казачества; главные достоинства всѣхъ вообще донскихъ лошадей

(*) Köppen's statist. Reise. 1850, (стр. 85, прим. 158), и статья его же „Nordgestaden des Pontus“ (Wiener Jahrbücher der Literatur 1822, Томъ XX, стр. 267).

заклучаются въ крѣпкой натурѣ, закаленной чрезвычайно суровымъ воспитаніемъ среди открытыхъ степей, гдѣ лѣтомъ зной, а зимою стужа бываютъ весьма значительны. Въ этомъ отношеніи, ни одна изъ европейскихъ породъ и даже большая часть породъ азіатскихъ не въ состояніи соперничать съ донскою породою; общезвѣстный фактъ, что казачья лошадь можетъ долго оставаться безъ корма и питья и утоляеть свой голодъ самымъ скуднымъ подножнымъ кормомъ. Вотъ эти то качества донской лошади всегда избавляли казака отъ необходимости возить за собою фуражъ и часто дѣлали его побѣдителемъ тамъ, гдѣ съ другой лошадью исходъ похода былъ бы неизвѣстенъ, какъ напримѣръ въ 1628 г., когда донцы отправились громить Азовъ, имѣя въ запасъ лишь по небольшому количеству ячменю для прокормленія себя и лошадей. Истощеніе запасовъ фуража было для нихъ нестрашно, ибо съ подобными лошадьми донцы, вслучаѣ надобности, тогда, какъ и нынѣ, перемѣщались изъ одной мѣстности въ другую съ неимоверною быстротою, невозможною для всякой другой легкой конницы; зимою же, подобно своимъ дикимъ предкамъ, донскія лошади выгребаютъ для себя кормъ изъ-подъ снѣга.

Иная судьба постигла придонскую лошадь въ воронежскомъ краѣ. Здѣсь, въ рукахъ земледѣльца, она не была предоставлена самой себѣ. Мѣстный крестьянинъ готовилъ ей кормъ въ запасъ на зиму, охранялъ ее отъ лѣтняго зноя и зимней стужи, держалъ ее на привязи въ конюшнѣ, кормилъ ее аккуратно и постоянно досыта — и результаты этого воспитанія не замедлили сказаться. Лошадь разучилась отыскивать себѣ кормъ подъ снѣгомъ, переносить голодъ, сильный зной или стужу, отвыкла отъ быстрыхъ и дальнихъ передвиженій, но за то приобрѣла новую способность — таскать огромныя тяжести. Въ самомъ началѣ, совершенно одинаковыхъ качествъ, лошади вдругъ стали напоминать однихъ — подвижныхъ и воинственныхъ донцовъ, другія — мирныхъ и тяжелыхъ на подъемъ обитателей воронежскаго края. Въ этомъ отношеніи особенно хорошіе результаты дало коневодство по Битюгу и Икорцу, — родина новой, сильной породы лошадей — *битюговъ*.

Переходъ отъ крестьянскаго коневодства къ помѣщичьему представляли въ XVII в. лошади воронежскихъ ратныхъ и вообще служилыхъ людей. Здѣсь первое мѣсто занимало коневодство воронежскихъ ямовъ, наиболѣе цвѣтущее состояніе котораго объясняется особенною и постоянною заботою объ этомъ правительства, которое всячески поощряя и покровительствуя ямщикамъ и деньгами, и угодами, и эвергичною защитою отъ всякаго произвола тогдашнихъ начальныхъ и приказныхъ людей, въ тоже время ставило непремѣннымъ условіемъ каждому, вновь вступающему въ сословіе ямщиковъ, содержать на собственный счетъ для ямской гоньбы «по три мерина *добрыхъ*, со всякою говебною рухлядью». Чтобы понять, на сколько важно было для ямщика XVII в. имѣть меряновъ *добрыхъ*, необходимо вспомнить, что ямщикамъ и царскимъ гонцамъ и начальнымъ людямъ, ѣздившимъ на ямскихъ лошадяхъ, приходилось проѣзжать тогда по совершенно почти не населеннымъ степямъ, гдѣ ихъ высѣживали ордынскіе хищники да степные разбойники; тутъ никакая охрана не могла, вся надежда ѣздовъ основывалась на необычайно силѣ и быстротѣ ногъ *добрыхъ меряновъ*. Для преслѣдованія ордынцевъ и разбойниковъ высылались изъ степныхъ городовъ конные отряды казаковъ, стрѣльцовъ, рей-

тарь, пушкарей и драгунъ, которымъ поэтому также необходимо было позаботиться о добрыхъ меринахъ, и наконецъ, въ послѣднихъ очень нуждались мѣстные помѣщики для своихъ разѣздовъ. Вотъ почему коневодство на Дону составляло изстари излюбленное занятіе мѣстныхъ сельскихъ хозяевъ. Воронежскій край всегда отличался большимъ богатствомъ лошадей. Сколько нибудь зажиточное сельское хозяйство насчитывало въ своемъ табунѣ 25—100 и болѣе лошадей.

Коннозаводство, имѣющее свою задачу улучшение и размноженіе породъ лошадей, — хотя и началось здѣсь, какъ выше было упомянуто, — гораздо ранѣе эпохи кораблестроенія на Воронежѣ, но болѣе точныя свѣдѣнія имѣются лишь съ этого времени, почему подробнѣе скажемъ вѣснѣе далѣе, въ концѣ обзора мѣропріятій царя Петра къ улучшенію и развитію сельскаго хозяйства въ воронежскомъ краѣ.

Пребываніе Петра Великаго въ воронежскомъ краѣ ознаменовалось не только введеніемъ дѣлаго ряда совершенно новыхъ производствъ въ мѣстной сельскохозяйственной промышленности, но и кореннымъ преобразованіемъ всѣхъ почти отраслей ея. Прежде всего бросается въ глаза необыкновенно быстрое и широкое направленіе, какое сразу приняла мѣстная обрабатывающая сельскохозяйственная промышленность почти со дня прибытія гениальнаго монарха. Имъ учрежденныя, или имъ вызванныя къ дѣятельности фабрики и заводы коснулись всѣхъ трехъ царствъ природы и этотъ періодъ поэтому настолько интересенъ, что не считаемъ возможнымъ продолженія нашего очерка, не обозрѣвъ предварительно вкратцѣ Петровскій періодъ.

Дѣятельность гениальнаго монарха въ этомъ отношеніи на Воронежѣ и заботы его о развитіи той или другой отрасли сельскохозяйственной промышленности имѣютъ два совершенно независимыя направленія. Одно изъ нихъ стремилось къ созданію условій, облегчающихъ кораблестроеніе и вообще военнаго дѣла и слѣдовательно преслѣдовало исключительно общегосударственные интересы, другое имѣло въ виду лишь чисто мѣстные. Къ учрежденіямъ первой категоріи относятся, напримѣръ, мѣдноплавильные и пушечные заводы, дѣйствовавшіе въ Воронежѣ и Павловскѣ, военныя верфи и проч., во второй — все остальное; поэтому, мы учрежденія первой категоріи рассмотримъ вскользь, лишь настолько, насколько они имѣли вліяніе на дальнѣйшую судьбу мѣстной сельскохозяйственной промышленности.

Каменеломни и кирпичные заводы. До 1695 г., т. е. до прибытія на Воронеж Петра I, воронежскій край не имѣлъ каменныхъ зданій, не только частныхъ, но и казенныхъ. Весь городъ Воронежъ былъ деревянный, какъ и стѣна, его окружавшая, и церкви и монастыри. Единственное исключеніе въ этомъ отношеніи можно было бы сдѣлать въ пользу мѣстнаго Благовѣщенскаго собора, который св. Митрофанъ засталъ въ самомъ ветхомъ состояніи и поэтому рѣшился выстроить его вновь, не деревяннымъ уже, какъ было до него, а каменнымъ строеніемъ. Но такъ какъ сооруженіе каменныхъ зданій было еще въ тѣ времена для воронежцевъ дѣло незабычное, то постройка собора была настолько неудачна, что 30 лѣтъ спустя, при митрополитѣ Шпановскомъ,

считали опаснымъ въ немъ жить, такъ ветхи были кельи и даже самыя церкви. Если поэтому не примемъ во вниманіе это каменное сооруженіе, то придется признаться, что виновникомъ появленія каменныхъ званій на Воронежѣ былъ Петръ I; изъ сохранившихся письменныхъ памятниковъ видно, что по его указу розыскивали на Дону твердый камень (подъ Гремячемъ, въ Еядовищѣ и при с. Дѣвицѣ) были устрены громадине кирпичные заводы (за г. Воронежѣмъ съ сѣв. стороны) во многихъ мѣстахъ, по берегу р. Дона готовили известъ изъ мѣла; устроили заводы кафельный и черепичный. И по нынѣ существуютъ еще въ Воронежской губерніи нѣсколько зданій, уцѣлѣвшихъ отъ временъ Петра, съ несомнѣнными признаками древности, заключающимися не только въ характерной архитектурѣ той эпохи, но и въ массивныхъ желѣзныхъ дверяхъ, огромныхъ и тяжелыхъ дубовыхъ пластинъ, коими устланъ полъ и въ старинныхъ изразцовыхъ печахъ, преимущественно свѣтлозеленаго или голубаго цвѣта. Подобныя зданія построены изъ громадныхъ кирпичей.

Мѣдно-литейный заводъ, открытый царемъ на Воронежѣ и переведенный впослѣдствіи въ Павловскъ, хотя и предназначался исключительно для надобностей арміи и флота, такъ какъ онъ отливалъ пушки и разныя принадлежности военного дѣла, но имъ положено было основаніе совершенно новой отрасли заводской промышленности. Дѣло въ томъ, что ученики—воронежцы, по закрытіи этого завода, а нѣкоторые и даже равнѣ того, завели въ Воронежѣ *колокольные* заводы, которые и по настоящее время не потеряли своего прежняго значенія. Заводы эти скоро приобрѣли себѣ такую громкую извѣстность, что заказы на колокола поступали не только изъ смежныхъ, но и изъ отдаленныхъ городовъ. Изъ сохранившихся документовъ видно, что въ началѣ XVIII в., колокола для церквей сельскихъ и незначительныхъ городовъ отливались небольшіе, обыкновенно фунтовъ въ 20, 30, а колоколъ пудовъ въ 10—20 считался большою роскошью. Интересенъ сплавъ тогдашнихъ колоколовъ. Для двухъ колоколовъ, напримѣръ, одинъ 20, другой 30 ф., заказанныхъ городомъ Старо-Осколомъ воронежскому заводчику Лазарю Антиповичу Котельникову, въ мартѣ 1707 г., было употреблено мѣди—1 пудъ 3 ф., олова 12 фунт. и двѣ четверти; *угару* полагалось сплаву по 4 ф. на пудъ. Плата полагалась съ фунта литья по 10 денегъ, а съ металлами заводчика—по 8 алтынъ по двѣ деньги.

Желѣзные заводы также предназначались вначалѣ исключительно для удовлетворенія нуждъ флота и арміи; липецкіе заводы были устроены въ помощь тульскимъ, не посѣщавшимъ исполнять многочисленныя заказы, но когда вслѣдствіе находженія прекрасной желѣзной руды въ разныхъ мѣстахъ, Петръ завелъ желѣзные заводы въ Бѣлокозодцѣ и на р. Толучѣвкѣ, то послѣдніе значительно расширили свою дѣятельность, стали изготовлять работы по частнымъ заказамъ и разныя предметы, необходимыя въ хозяйственномъ быту, и эта дѣятельность продолжалась до тѣхъ поръ, пока упомянутые заводы не истребили весь лѣсъ, имѣвшійся по близости ихъ, а затѣмъ, вслѣдствіе наступившей дороговизны топлива, заводы эти стали закрываться одинъ за другимъ. Первый прекратилъ свою дѣятельность Толучѣвскій, нѣкогда знаменитый заводъ (*), а за нимъ Бѣлокозодскій, уже въ самомъ концѣ прошлаго вѣка.

(*) Подробности о Толучѣвскомъ заводѣ см. въ приложеніяхъ къ 2-му выпуску.

Кромѣ того, по указу царя, горные развѣдчики розыскивали повсюду залежи и руды, но къ сожалѣнію, кромѣ желѣза, впрочемъ довольно высокихъ качествъ, никакого другаго металла не было найдено. Царю Петру особенно хотѣлось отыскать здѣсь какую нибудь мѣдную руду, столь нужную ему для пушекъ, мозжеръ, пицалей и пистолой. Царь самъ вѣрилъ въ возможность отыскать на Дону мѣдь; къ тому же эту надежду почему-то поддерживали въ немъ знатцы-иностранцы; мѣдь однако не отыскалась. Кетати замѣтимъ, что въ возможность открыть мѣдную руду на Дону твердо вѣрилъ и знаменитый въ свое время ученый Самуилъ Георгъ Гмелинъ, посѣтившій воронежскую губернію въ срединѣ прошлаго вѣка.

Несравненно обширнѣе была дѣятельность геніальнаго монарха по сельскому хозяйству, въ области царства растительнаго; полный обзоръ котораго завлечь бы насъ слишкомъ далеко, мы ограничимся поэтому лишь наиболѣе примѣчательнымъ.

Десятичная пашня. Огромныя незаселенныя степныя пространства, изъ которыхъ впослѣдствіи образовались уѣзды Павловскій, Бобровскій, Новохоперскій и Богучарскій, обратили на себя вниманіе Петра еще въ первый пріѣздъ его въ Воронежъ. Царь, вѣроятно, еще тогда рѣшилъ воспользоваться заселеніемъ этой громадной и плодородной площади. Въ самомъ дѣлѣ, вскорѣ послѣ Азовскаго похода, по его указу, дворянинъ Бехтѣевъ заселялъ эту площадь, главнымъ образомъ тѣ мѣстности, которыя находились по теченію рр. Битюка и Икорца, сходцами, кои платили въ государену казну подати хлѣбомъ; но, какъ выше уже было сказано, кораблестроеніе на Воронежѣ заставило многихъ крестьянъ бѣжать на Югъ, — опустѣли поэтому и Бехтѣевскія поселенія. Вѣроятно, дѣло не ладилось еще и по другимъ причинамъ, какъ напримѣръ, вслѣдствіе подчиненности этихъ поселеній разнымъ Приказамъ; это видно изъ того, что сохранился указъ отъ 4 ноября 1699 г., по которому предписывалось воронежскому воеводѣ, стольнику Еремію Назарьевичу Хрущову: «рѣки Икорца жителей, которые по до-
смотру и по перепискѣ дьяка Никиты Пояркова, по той рѣкѣ на лицо явились, приписать, и которые по той рѣкѣ Икорцу и по рѣкѣ Битюку будутъ селиться, впреди доходами и пашенными дѣлами и во всякихъ дѣлахъ вѣдать въ Приказъ Большаго Дворца, а въ иныхъ Приказахъ и въ городехъ никуда не вѣдать. А который хлѣбъ по той р. Битюку пожалъ Ив. Бехтѣевъ и склалъ по юртамъ въ клади, и тотъ хлѣбъ обмолотить и устроить въ житницы, поберечь до нашего, великаго государя, указу...» Подчиненіе переселенцевъ вѣдѣнію одного только Приказа Большаго Дворца, безъ права вмѣшательства со стороны другихъ, вѣскольکو улучшило дѣло заселенія. Въ дѣйствительно же широкихъ размѣрахъ началось заселеніе этой громадной площади лишь послѣ отнятія турками Азова, — послѣ неудачнаго Прутскаго похода. Желѣзная воля Великаго Петра не могла примириться съ свершившимся фактомъ; не имѣя возможности вернуть потерянное военною силою, геніальный монархъ рѣшилъ заняться мирнымъ завоеваніемъ побережья Азовскаго моря. Съ этою цѣлью было приступлено къ усиленной колонизаціи степей. Переселенцевъ, выведенныхъ изъ вновь возвращенныхъ Туркамъ Азова и Троицка, однако не распустили по домамъ на прежнее мѣстожительство, а переселяли въ воронежскую губернію, для чего были построены новыя крѣпостцы и городки,

Павловскъ, Новохоперскъ, Бобровскъ, Бирючь и Богучаръ, — впоследствии уѣздные города.

Переселенцевъ переводили и переписывали воронежскіе дворяне, какъ видно изъ дѣла о переписи Павловскихъ посадскихъ людей въ 1711 г. воронежца Фаддея Веневитинова, назначеннаго немного поздыѣ на должность судьи въ Борисоглѣбскъ. Независимо отъ этого состоялся указъ о разрѣшеніи охочимъ людямъ, сходящимъ изъ разныхъ мѣстъ селиться на порозжихъ земляхъ въ воронежской провинціи. Вслѣдствіи почти совершеннаго прекращенія кораблестроенія на Воронежѣ и, слѣдовательно, связанныхъ съ нимъ тягостей, охотниковъ селиться по Битюку и Икорцу явилось очень много; сохранилось довольно объемистое дѣло начала XVIII в. съ приложеніемъ челобитень и реестровъ сходящихъ, сотнями устремившихся въ привольныя степи придонскаго края. Этотъ громадный наплывъ народа, занявшаго казенныя степи, навелъ Петра I на мысль, воспользоваться массой свободныхъ рукъ, лишенныхъ пока заработка, для обработки огромныхъ казенныхъ степей, все еще остававшихся *впустъ* и слѣдовательно не доставлявшихъ казнѣ никакой пользы, — короче, царь рѣшилъ вновь возстановить *десятинную пашню*, но въ гораздо большихъ размѣрахъ, чѣмъ она была при дѣдѣ его; не 200, — какъ было тогда, а сотни тысячей десятинъ, рѣшилъ онъ превратить въ пашни. Моментъ для этого былъ имъ избранъ чрезвычайно удачно, охотниковъ пахать десятинную пашню нашлось очень много, а для облегченія сбыта хлѣбовъ и для лучшей охраны Украины, царь сосредоточилъ огромныя войска на Дону, какъ напримѣръ, въ 1724 г. (Павлов. д. № 1104) требовалось провіанта на 70.000 человекъ. Для развитія этого дѣла и болѣе разумнаго велепія его царь вытребовалъ въ Воронежъ изъ Азова извѣстнаго уже ему своею опытностію, мѣстнаго дворянина Антона Лаврентьевича Веневитинова, поручивъ ему въ іюлѣ 1711 г. «быть на Битюкѣ для отправленія государевой десятинной пашни». Кроме посѣва хлѣбовъ, десятинники обязаны были *косить государево сѣно*. Сколь значительны были эти *укосы*, видно изъ того напримѣръ, что пыльнымъ косаремъ Григоріемъ Своитипининымъ съ товарищи, по неосторожности, было сожжено шесть сотъ копенъ сѣна, изъ числа 5700 копенъ, собраннаго ими въ скирды около Бѣлянскаго юрта.

Многимъ охочимъ людямъ отводились земли съ условіемъ разведенія бахчей и огородовъ, или же съ обязательной культурой льна и конопли. О виноградарствахъ, разведенныхъ царемъ собственноручно въ Воронежѣ, на Чижовкѣ, и по его порученію въ Павловскѣ, было уже упомянуто ранѣе. Не будемъ также распространяться о заводахъ и фабрикахъ, банатныхъ, парусныхъ, лѣсопильных, смоляныхъ и др., потому что они предназначались исключительно для надобностей арміи и флота и потому здѣсь не привилась — исчезли вслѣдъ за творцомъ ихъ.

Большой интересъ представляетъ судьба воронежскихъ *мѣсовъ*, въ Петровскую эпоху, довольно подробно описанную въ трудѣ М. А. Веневитинова («Изъ Воронежской старины», 1887 г.) куда мы отсылаемъ желающихъ подробнѣе ознакомиться съ этимъ предметомъ.

Не менѣе велико было вліяніе Петра I на развитіе мѣстнаго сельскаго хозяйства въ области царства животнаго.

Коннозаводству принадлежить здѣсь главнѣе мѣсто. Ранѣе было упомянуто, что улучшеніемъ мѣстной породы занимались не только мѣстные помѣщи-

ки, но и монастыри, что еще задолго до Петра I здѣсь умѣли отличать конника отъ иноходца, турскаго коня отъ ногайца, а послѣдняго отъ кизильбашскаго, или горскаго коня, но всѣ эти случившія конюшни были частныя; ни одна изъ нихъ не имѣла цѣлью служить интересамъ общества и страны, поэтому коннозаводство, какъ специальная отрасль сельскаго хозяйства, преслѣдовавшая общественную пользу, должно считаться также въ числѣ благодѣяній, оказанныхъ великимъ преобразователемъ Россіи воронежскому краю. Причина, побудившая царя немедленно заняться коннозаводствомъ, заключалась главнымъ образомъ въ непригодности большинства лошадей, набранныхъ для конницы азовскихъ походовъ. У насъ въ рукахъ находятся списки этихъ лошадей съ подробными описаніями примѣтъ и возраста каждый изъ нихъ; рѣдкая изъ этихъ лошадей не имѣла пороковъ или не была *сросла*, т. е. уже въ лѣтахъ; про рѣдкую изъ нихъ не сказано: *ноздры пороты и уши пороты* или *ухо правое отръзано, а лѣвое вырѣзано*, съ неизбежною прибавкою — *коню 10 лѣтъ*; понятно, съ подобными лошадьми конница трудно было и наступать и отступать; быть можетъ, въ этомъ главнымъ образомъ и кроется причина удалства и ловкости, обнаруженныхъ донскими казаками подъ предводительствомъ Фрола Минаева во второмъ Азовскомъ походѣ. А между тѣмъ воронежскій край, откуда главнымъ образомъ брались эти калѣки-лошади, уже до азовскихъ походовъ славился своими лошадьми, но *по воинскому случаю* (походы) *и отъ корабельнаго и брегантирнаго дѣла* воронежцы *обезлошадѣли и обезконили*, и когда поэтому пришлось выставить извѣстное число лошадей они и вывели что было похуже. Слѣдовательно, начало мѣстному коннозаводству должно было быть положено царемъ въ исходѣ XVII в. — въ 1697—1700 гг.; но когда собственно и какъ, откуда взяты были породистые производители? Сохранилось дѣло о конфискаціи громаднаго имущества бывшаго полковника Изюмскаго полка, генераль-маіора Ѳедора Шидловскаго, изъ котораго видно, что знаменитые, чистокровные арабскіе, горскіе и англійскіе жеребцы конюшенъ этого крупнаго богача не были отданы Волошскому князю, какъ прочее имущество его, а по именному указу государя были распределены частью въ Воронежъ, частью же въ Скопинъ (*), гдѣ и послужили такимъ образомъ основаніемъ будущихъ двухъ знаменитѣйшихъ разсадниковъ отечественнаго коннозаводства. Въ Воронежской губерніи коннозаводство, поощряемое вслѣдствіи правительствомъ, привилось очень скоро. Въ царствованіе Екатерины I, когда установлено было ремонтнированіе посредствомъ покупки и вошли въ славу знаменитые воронежскіе заводы графа Орлова-Чесменскаго, Зубова и другихъ, коннозаводство сдѣлалось, такъ сказать, промышленнымъ занятіемъ мѣстной аристократіи. Конскіе заводы стали открываться одинъ за другимъ; ими щеголяли, гордились, и въ то же время богатѣли. Заводы учреждали одни, какъ охотники или знатоки дѣла, другіе же изъ простаго подражанія или тщеславія. При всеобщемъ стремленіи къ развитію мѣстнаго коннозаводства,

(*) Въ 1712 г. состоялся указъ о томъ, чтобы изъ числа лошадей Ѳ. Шидловскаго, кои были присланы въ Скопинъ, оставить стоялыхъ, кобылицъ и жеребятъ, а вѣжалыхъ всѣхъ и цуковыхъ (цуговыхъ) отослать къ Волошскому господарю. Но доставившій этихъ лошадей въ Скопинъ, офицеръ Иванъ Карѣевъ, донесъ, что приведенныя имъ лошади всѣ стоялыя, кобылицы и жеребята, а вѣжалыхъ и цуковыхъ межъ ними нѣтъ.

вошла въ практику мѣстныхъ заводчиковъ система улучшенія мѣстныхъ породъ посредствомъ покупки чистокровныхъ англійскихъ производителей, за которыхъ платили огромныя суммы, отъ 10 до 75 и до 100,000 рублей за голову. Въ Острогжскѣ улучшеніе мѣстной породы лошадей шло своимъ чередомъ; но тамъ, кромѣ знаменитаго завода полковника Тевяшова, коннозаводствомъ занимались также и рядовые или полковые черкассы. Къ концу царствованія Петра I коннозаводство Воронежской губерніи находилась въ блестящемъ состояніи.

Изъ причинъ, постоянно тормазившихъ какъ коннозаводство, такъ и въ особенности коневодство, укажемъ какъ на главнѣйшія: 1) близость кочевниковъ, — въ началѣ, 2) весьма сильно распространенное здѣсь конокралство, коимъ занимались хорошо организованныя шайки и даже цѣлыя селенія—въ срединѣ и 3) тяжелое положеніе коневодства въ періодѣ кораблестроенія—въ исходѣ XVII в., когда дороги бывали устланы трупами лошадей, падавшихъ отъ изнуренія, отъ чрезмѣрныхъ работъ.

Скотоводство. Заботы о крупномъ рогатомъ скотѣ, также какъ и о свиноводствѣ, кажется, не особенно занимали, столь заботливаго во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, царя. По крайней мѣрѣ, мы не отыскали ни одного документа, который свидѣтельствовалъ бы объ этомъ. Объясняется это отчасти тѣмъ, что свиноводствомъ изстари занималось самое аселеніе, а разведеніемъ крупнаго рогатаго скота, какъ уже было сказано выше, занялись мѣстные землевладѣльцы, лишившись большинства рабочихъ рукъ, отвлеченныхъ кораблестроеніемъ, или же бѣжавшихъ отъ него. За то, тѣмъ большее вниманіе посвятилъ царь мѣстному *овцеводству*. Обширныя овчарни построены имъ съ этой цѣлью въ Битюцкихъ селахъ, гдѣ разводились овцы разныхъ иностранныхъ породъ подъ руководствомъ опытныхъ иностранцевъ овцеводовъ, но овчарни не имѣли въ виду размноженіе овецъ какъ бойнаго скота, а какъ шерстянаго. Шерсть же была нужна для суконныхъ фабрикъ, заведенныхъ царемъ въ Воронежскомъ краѣ. Съ тѣхъ поръ въ Воронежѣ появились три новыхъ предмета сбыта мѣстной сельскохозяйственной промышленности: сукно, шерсть и продажа овецъ на племя. Племенное овцеводство особенно быстро привилось и широко развилось у Острогжскихъ черкасскъ, занимавшихся этимъ впрочемъ еще въ до-петровскую эпоху.

Въ числѣ мѣропріятій Петра I къ развитію мѣстной фабрично-заводской промышленности слѣдуетъ упомянуть также открытіе въ Воронежѣ, на Чижовкѣ, близъ шлюза кожевеннаго завода, гдѣ русскіе люди, воронежцы, обучались выдѣлывать кожу на *аглицкій манеръ*. Необходимо замѣтить, что всѣ подобныя учрежденія гениальнаго монарха, напоминали собою благоустроенныя школы, гдѣ русскіе, подъ руководствомъ опытныхъ иностранцевъ, изучали ту или другую специальность. Разница та, что въ ученіе, которое было для извѣстныхъ лицъ, по выбору или жребію, обязательно, посылались не малолѣтніе, а взрослые и нерѣдко даже пожилые люди, которые практически изучали дѣло. Такихъ учениковъ было множество разсыяно на разныхъ фабрикахъ и заводахъ.

Въ чемъ заключалось искусство обработки кожи на *аглицкій манеръ*, намъ отыскать не удалось, но за то сохранился способъ обработки кожъ воронежцами въ допетровскую эпоху, представляющій также большой интересъ. Передаемъ со словъ подлинника почти дословно:

«Кожу обрабатывают воловью, коневью и козью, вмѣсто коей съ такимъ же успѣхомъ употребляютъ и свечью. Подошву выдѣлываютъ изъ коневыхъ хвостовъ.

Сперва мочатъ кожу въ простой водѣ двѣ недѣли. Потомъ, для согнанія шерсти, которую еще соскребаютъ, мочатъ въ шелокѣ изъ извести и зола въ котлахъ. Послѣ чего кладутъ ее въ хлѣбную кислую воду, или въ растворъ овсяныхъ отрубей, дабы ее, какъ говорятъ, проквасить; при чемъ требуется однако великая осторожность.

Предъготовивъ кожу такимъ манеромъ, кладутъ ее въ дубильной шелокѣ въ большихъ чанахъ, раскладываютъ кожу и дубъ слоями, и содержатъ въ семъ положеніи отъ 6 до 7 дней, или дубятъ отъ 6 до 7 разъ. Послѣ того относятъ оную въ *мляну*, то есть махину, обрачиваемую лошади, гдѣ просовываютъ ее чрезъ многіе цилиндрическіе вертикально стоящіе палки, между коими въ самой серединѣ находится обращающійся вертикально цилиндръ, посредствомъ коего кожа здѣсь разминается. По окончаніи сего дѣйствія, переносятъ ее въ особой сарай, гдѣ разминаютъ ее еще ногами. Послѣ чего ее красятъ, и въ особомъ сараѣ сглаживаютъ на большемъ дикомъ камнѣ шероховатую деревянною гладилкою, и еще на столѣ или верстакѣ желѣзною гладилкою. Потомъ пробиваютъ ее колѣномъ чрезъ, такъ называемую, *колодку*, которая состоитъ изъ двухъ древковъ, укрѣпленныхъ съ исподи въ деревянномъ чурбанѣ, разстояніемъ одно отъ другаго не много болѣе толщины человѣческаго колѣна. По окончаніи сего дѣйствія, соскребаютъ еще на станкѣ скребкомъ мездру съ лѣвой стороны кожи, и потомъ идетъ она въ продажу.

Подошвенную кожу, по окончаніи работы, кладутъ въ воду для того, чтобы она разбухла и казалась толще.

Лучшую кожу, козловую и также яловочную обрабатываютъ нѣсколько инымъ манеромъ. Дѣлаютъ изъ нея мѣшокъ, которой наполняютъ *толоконникомъ* (*Arbutus uva ursi*), которой для сего въ большемъ количествѣ покупаютъ здѣсь же на Украинѣ, и заливаютъ водою, которую, когда съ низу вытечетъ, то доливаютъ свѣжею.

Вообще, при всякомъ дубленіи теплая вода сему дѣйствию пособствуетъ, чего ради сдѣлана на дворѣ въ ямѣ печь, въ коей вмазанъ большой желѣзной котелъ для согрѣванія подливаемой туда воды.

Самую же величайшую осторожность надлежитъ наблюдать, когда кожа къ дубленію предъготовляется, и требуетъ безпрестаннаго присмотра, особливо, когда она лежитъ въ вышеупомянутой кислой хлѣбной водѣ; ибо отъ нерадѣнія при семъ обработываніи получаетъ она дырѣя.

Дубовую кору сперва сушатъ въ особой избѣ, гдѣ съ низу проведена печь, потомъ толкутъ ее въ особой толчеѣ, гдѣ толчейные песты снабжены съ низу четырьмя на крестъ расположенными рѣзцами. Машина сія обращается посредствомъ лошадей. Такимъ же способомъ толкутъ и вышеупомянутый толоконникъ.

Яловочную неокрашенную кожу послѣ дубленія съ лѣвой стороны, какъ уже сказано, соскребаютъ; но прежде сего натираютъ ее еще съ той же стороны дегтемъ, дабы она была мягче.

Крашеніе кожи въ красной цвѣтъ производится сандаломъ съ малою частью извести. Въ чернѣй цвѣтъ красятъ не купоросомъ, ибо говорятъ, что онъ вѣдокъ,

но настойкою желѣзныхъ опилокъ въ кислой хлѣбной водѣ, къ чему прикладываютъ старыхъ обломковъ отъ бочекъ, въ коихъ производилось дубленіе.

На всѣ обработываніе кожи проходитъ шесть мѣсяцовъ. Содранный въ щелокъ шерсть обмываютъ и продаютъ для набиванія кожаныхъ подушекъ и пр. дубъ отъ дубленія остающійся на забучиваніе мокрыхъ низменныхъ мѣстъ; обрѣзки кожъ на клеовареніе. На вышепомнянутыхъ правилахъ производится также и обработываніе юфти.

Очевидно, выдѣлка кожъ по англійскому способу должна была значительно сократить эту операцію и дать въ результатѣ товаръ, болѣе высокихъ достоинствъ; судимъ такъ потому, что кожевенное производство воронежцевъ еще недавно сравнительно находило себѣ спросъ не только на югъ и востокъ, но даже во Франціи.

Кожи составляли предметъ и внутренней и вывозной торговли. Преимущественно сбывали ихъ въ Польшѣ и Цесарской землѣ; въ торговлѣ различали кожи коневныя, оленины, лосиныя, овечьи, козлиныя (исключительно въ Острогжскѣ) яловичныя, бычачьи и *буйволыи*. Тоже самое и *рога* продавались двухъ сортовъ: бычачьи и *буйволыи*. Откуда придонская Украйна добывала буйволовъ, намъ доискаться не удалось; предположить можно, что подъ этимъ названіемъ былъ въ XVII в. извѣстенъ *зубръ*, который въ настоящее время, кромѣ Бѣловѣжской пуши, встрѣчается еще на Кавказѣ.

Таково было въ общихъ чертахъ состояніе мѣстнаго сельскаго хозяйства, въ какомъ его оставилъ Петръ I.

Намъ остается еще ознакомиться съ мѣрами Петра I, клонившимися къ обезпеченію процвѣтанія мѣстной промышленности.

Отъ гениальнаго ума великаго монарха не могъ укрыться тотъ важный фактъ, что основа процвѣтанія всякаго рода промышленности заключается прежде всего въ удобствахъ путей сообщенія, въ возможности легкаго сбыта произведеній промышленности. Воронежскій край имѣлъ одинъ лишь водяной путь—р. Донъ, посредствомъ котораго сообщеніе шло какъ съ югомъ, такъ и съ востокомъ, благодаря близости Волги къ Дону у Качалина. Но Воронежъ не имѣлъ удобныхъ путей сообщенія съ торговыми пунктами, находившимися въ другихъ направленіяхъ. Попытки Петра Великаго утилизаціи сѣвернаго теченія р. Воронежа и Дона, какъ оказывается по древнимъ актамъ, не увѣнчались успѣхомъ: суда слегка нагруженные могли быть сплавлены только въ половодье; притомъ зимою рѣками вовсе нельзя было пользоваться; сухопутныя же дороги находились въ такомъ жалкомъ состояніи, что сообщеніе по нимъ въ дурную погоду дѣлалось совершенно невозможнымъ. Обходя разныя препятствія, какъ озера, болота, горы и большіе лѣса, дороги эти чрезвычайно удлиннялись и тѣмъ значительно увеличивали цѣнность провоза. Рѣки также нуждались въ разныхъ исправленіяхъ для свободнаго плаванія судовъ, въ особенности же донскія гирлы. Все это позаботился исправить Петръ I и ему Воронежскій край долгое время обязанъ былъ своими благоустроенными торговыми дорогами.

Къ числу наиболѣе интересныхъ мѣръ относительно облегченія плаванія по Дону принадлежитъ закрытіе двухъ гирлъ Кутюрыи и забивка ихъ сваями, о чемъ сохранилось цѣлое дѣло, сообщеніе нѣкоторыхъ подробностей изъ котораго, полагаемъ, небезинтересно будетъ для читателя, хотя бы для ознакомленія

съ гидротехникой того времени. Дѣло заключалось въ слѣдующемъ. Весною 1702 года Петръ I приказалъ запрудить два гирла рукава Дона, называемаго *Кутерьмою*, съ цѣлью поднятія уровня воды въ другихъ гирлахъ. Для этой работы были вызваны Острогожскіе черкассы, мельники, Дмитрій Михайловъ съ товарищи, которые проработавъ лѣто, явились въ Азовъ и заявили думному дворянину и воеводѣ Степ. Богд. Ловчикову, что «по указу Великаго Государя, велѣно имъ подъ Азовомъ въ рѣкѣ Кутюриѣ запрудить той рѣки два гирла и въ томъ же мѣстѣ побили они сваи триста тритцать, длиннику на то на семидесять на дву саженьяхъ, воды къ томуhalbно прибавить берегу сажень по десяти и болши и всего той плотины будетъ на дву стахъ саженьяхъ и въ которыхъ мѣстехъ вода, на тѣхъ мѣстахъ надобно ставить ящики дощатые вышиною на осмидесять на дву саженьяхъ, по двѣ сажени на осмнатцати саженьяхъ, по полторы сажени, на семдесять на дву саженьяхъ по сажени; а тѣ ящики ставить ихъ возлѣ свай, а въ нихъ класть камень безъ извести, а отъ ящиковъ вверхъ по рѣкѣ выстилать травкою камышемъ и засыпать землею сажень на десять, а сверхъ земли для укрѣпленія пошвъ осыпать мелкимъ каменемъ вышиною на аршинъ, а на ту плотину землю возить изъ за рѣки Кутюры съ береговъ и изъ иныхъ мѣстъ, гдѣ въ близости сыметца, а камышъ надобно готовить заравѣ, вязать въ снопы большіе и скласть въ груды возлѣ той плотины въ близости, для того: какъ ящики будутъ насыщаны каменемъ и въ то время тѣми снопами чинить отъ ящиковъ въ рѣку Кутюру отсылку и засыпать землею вскорѣ, безовсякія остановки и замедленія, и для того тѣ снопы надобно приготовить заравѣ, такъ же и земля бѣ была въ то время вся въ готовности, а естли тому дѣлу учинитца продолженіе и зачѣмъ остановка и которой камышъ будетъ положенъ въ постилку, а не закрѣпленъ, и ту землю водою вымоетъ, а камышъ разнесетъ; а на то дѣло вынѣ возятъ камень толко на дватцати бударехъ, а на нихъ камня по сажени и менши и которые будары приходятъ съ Чюлика и тѣ обарачивающа въ двои сутки по одинажды, а которые приходятъ съ Темерника, и тѣ обарачивающа въ недѣлю по одинажды и оттого чинитца великая мѣшкота и для привозки того камня надобно бударъ прибавить многое число, чтобъ за тѣмъ тому дѣлу остановки не учинилось. Да для готовленія камышу и земли надобно людей тысяча человекъ, а имъ надобно для еопанья и ношеня земли сто лопатокъ желѣзныхъ, двѣсти лопатъ деревянныхъ, три ста мѣшковъ, да для кошенья и рѣзанья камышу пятьдесятъ серповъ, пятьдесятъ косъ».

Познанія скромныхъ мельниковъ, вѣроятно, показались воеводѣ недостаточными, потому что онъ послалъ за помощникомъ главнаго инженера М. Симунта, за Герардомъ Тиріономъ, и просилъ его высказать свое мнѣніе. Тиріонъ, какъ специалистъ, счелъ себя обязаннымъ не согласиться съ мнѣніемъ простыхъ мельниковъ и поэтому высказалъ: «будетъ де въ той плотинѣ ставить ящики, надобно въ нихъ класть камень съ известью, также какъ и въ гавани, и тѣ ящики укрѣпить сваями, такъ же какъ и въ гавани» но доморощенные острогожскіе мельники—инженеры, увѣренные въ правотѣ своего дѣла, также не сдавались, они обиженно заявили, «что де каменемъ де съ известью они класть не умѣютъ и того дѣла не знаютъ, а хотя де въ тѣхъ ящикахъ камень съ известью будетъ и положенъ, и тѣми ящиками той плотины ут-

вердять будетъ не возможно для того: подъ тѣ ящики и межъ ящичковъ пойдетъ вода».

Выслушавъ спокойный, но насильливый отвѣтъ черкассъ, инженеръ Тиріонъ, не удостоивъ ихъ болѣе взглядомъ, пустился разяснять воеводѣ свои ученыя соображенія; онъ говорилъ: «Будетъ де въ тѣ ящики камня безъ извести не класть и чтобъ отъ воды пошву утвердить, надобно де подѣлать ящики свайные, такъ же какъ и у гавани, только тѣ ящики были бы шириною четырехъ сажень, а въ нихъ насыпать камня безъ извести и тѣ ящики надобно укрѣпить, также какъ у гавани, позади свай съ обѣ стороны класть брусья дубовые и поперекъ класть брусья дубовые жъ, а по концамъ укрѣплять желѣзомъ, такъ же какъ и у гавани, остилка камышемъ и землею такъ, какъ и мельники сказали. Слушавшіе безмолвно ученую рѣчь Тиріона, рекомендовавшаго имъ все дѣлать «также какъ и у гавани», т. е. по его методѣ, мельники опять спокойно, но рѣшительно заявили: «будетъ де остилка такой быть, какъ мы выше сего сказали, и такимъ свайнымъ ящикомъ и лѣсу напрасно издержкѣ быть не для чего: та де плотина, буде она построена будетъ, какъ мы выше сего сказали, и безъ того будетъ тверда и будетъ де камень будетъ навезенъ и камышъ и земля будетъ приготовлена, мы де ту плотину симъ лѣтомъ въ отдѣлкѣ поставимъ». Побѣда осталась за Острогожскими мельниками....

Не менѣе интересны заботы монарха объ улучшеніи сухопутныхъ дорогъ и о сокращеніи протяженія ихъ. Черезъ овраги и рѣки были перекинуты мосты; вдоль расширенныхъ и укороченныхъ дорогъ разставлены верстовые столбы, а для устраненія столь часто повторявшихся случаевъ гибели путниковъ зимою, сбывавшихся въ ятели съ пути, по обѣимъ сторонамъ дорогъ были посажены деревья, такъ что дороги походили на аллеи.

Главныя торговныя пути или шляхи получили слѣдующія направленія:

Торговый шляхъ на Саратовъ.				Сколько верстъ.
Отъ города Воронежа до села Усмани	—	—	—	15
» Усмани до Московскаго поселка	—	—	—	25
» Поселка до села Средняго Икорца	—	—	—	35
» Икорца » Шестакова	—	—	—	35
» Шестакова » Казловки	—	—	—	27
» Казловки до слободы Великихъ Хуторовъ	—	—	—	20
» Великихъ Хуторовъ до слободы Васильевской	—	—	—	16

По Саратовскому намѣстничеству.

» Васильевской до села Еланскаго Колѣна	—	—	30
» Еланскаго Колѣна до города Новохоперска	—	—	29

Итого отъ Воронежа до Ново-Хоперска — 232

» Новохоперска до села Калмыка	—	—	24
» Калмыка до рѣчки Свинцовки	—	—	29
» Свинцовки до слободы Ильмена	—	—	19
» Ильмена » Макашевки	—	—	24

» Макашевки	» Засецкой	—	—	—	—	25
» Засецкой до города Балашова	—	—	—	—	—	15
Итого отъ Новохоперска до Балашова						136
А отъ Воронежа (чрезъ Новохоперскъ) до Балашова	—	—	—	—	—	368
» Балашева до села Катавраса	—	—	—	—	—	30
» Катавраса до деревни Ельшанки	—	—	—	—	—	21
» Ельшанки до Григоровки	—	—	—	—	—	25
» Григоровки до села Колѣна	—	—	—	—	—	20
» Колѣна до села Маматова	—	—	—	—	—	27
» Маматова до Земляныхъ хуторовъ	—	—	—	—	—	16
» Хуторовъ до города Актарска	—	—	—	—	—	21
Итого отъ Балашова до Актарска						160
А отъ Воронежа до Актарска	—	—	—	—	—	528
» Актарска до села Корякина	—	—	—	—	—	24
» Корякина до деревни Кувыковки, Разуваевка тожъ	—	—	—	—	—	16
» Разуваевка до села Курдюма	—	—	—	—	—	15
» Курдюма до города Саратова	—	—	—	—	—	25
Итого отъ Актарска до Саратова						80
А отъ Воронежа до Саратова	—	—	—	—	—	608 версть

1.

Отъ города Воронежа въ столичные города, Сантъ Петербурхъ и Москву.

1) Отъ Воронежа до Старо-Животинного постоялыхъ дворовъ	—	—	—	—	—	—	—	25
2. До Бестужевки	—	—	—	—	—	—	—	17
3. » села Хлѣвнаго	—	—	—	—	—	—	—	14
4. » города Задонска	—	—	—	—	—	—	—	26
Итого								82

2.

Отъ города Воронежа въ городъ Танбовъ.

5. Отъ Воронежа до Усмани Собакина	—	—	—	—	—	—	—	12
6. До города Орлова	—	—	—	—	—	—	—	20
7. » Большой Приваловки	—	—	—	—	—	—	—	21
Отъ Приваловки до границъ Танбовской губернии								1
вер. — 73 саж.	—	—	—	—	—	—	—	1

Итого отъ Воронежа до границы 54 в. 73 с.

3.

Отъ Воронежа въ городъ Астрахань.

Отъ Воронежа до Усмани Собакина	—	—	—	—	—	—	—	12
8. До поселка Московскаго	—	—	—	—	—	—	—	25
9. » Можайскаго	—	—	—	—	—	—	—	13

10. » Средняго Икорца — — — — —	27
11. » села Шестакова — — — — —	34
12. » слободы Отрошки, Козловка тожъ — — — — —	31
13. » Великихъ хуторовъ — — — — —	23
14. » Васильевки — — — — —	18
15. » Еланскаго Болѣва — — — — —	31
16. » города Новохоперска (245 ¹ / ₂) — — — — —	31 ¹ / ₂
17. » Таволожной — — — — —	24
18. » , которой подлѣ границы — — — — —	21
Итого — — — — —	290 ¹ / ₂

Отъ города Воронежа въ войско Донское.

Отъ Воронежа до Усмани Собакиной — — — — —	12
До Московскаго поселка — — — — —	25
» Можайскаго поселка — — — — —	13
» Средняго Икорца — — — — —	27
» села Шестакова — — — — —	34
» слободы Моствой — — — — —	14
» города Павловска (146) — — — — —	21
» хут. Казинскаго — — — — —	24
» села Нижняго Мамова — — — — —	23
» слободы Бычка — — — — —	27
» вновь учрежденной почтовой станціи — — — — —	23
» границы Войска Донскаго — — — — —	4-445
Итого — — — — —	247-445

Отъ Воронежа въ города Курскъ.

Отъ Воронежа до Ендовища — — — — —	15
До села Турова — — — — —	32 ¹ / ₂
» города Нижнедѣвицека (64) — — — — —	16 ¹ / ₂
» Умликсины пески, Нового Роговаго тожъ — — — — —	31 ¹ / ₂
» Курской границы — — — — —	5 ¹ / ₂
Итого — — — — —	101

Отъ Воронежа въ городъ Бобровъ.

Отъ Воронежа до Усмани Собакиной — — — — —	12
До Московскаго поселка — — — — —	25
» Можайскаго поселка — — — — —	13
» села Средняго Икорца — — — — —	27
» города Боброва — — — — —	16 ¹ / ₂
Итого — — — — —	93 ¹ / ₂

Отъ Воронежа до города Землянска.

Отъ Воронежа до слободы Ендовище — — — — —	15
До города Землянска — — — — —	26
Итого — — — — —	41

Отъ города Землянска до города Нижнедѣвица.

Отъ Землянска до села Нижней Вѣдуги	—	—	—	14
До села Турова	—	—	—	20
» города Нижнедѣвица	—	—	—	16 ¹ / ₂
Итого	—	—	—	50 ¹ / ₂

Отъ города Воронежа въ городъ Валуйки.

Отъ Воронежа до слободки Алексѣевки	—	—	—	15
До села Оленья Колодезя	—	—	—	19
» Старой Хворостани	—	—	—	23
» города Коротояка (78)	—	—	—	21
» Острогожска (94)	—	—	—	16
» села Олшанки	—	—	—	17
» Иловскаго	—	—	—	19
» города Бирючья (148)	—	—	—	18
» бывшаго города Ливенска	—	—	—	25 ¹ / ₂
» слободы Мандоровой	—	—	—	17
» города Валукъ	—	—	—	18
Итого	—	—	—	208 ¹ / ₂

Отъ города Воронежа до города Старобѣльска.

Отъ Воронежа до слободки Алексѣевки	—	—	—	15
До села Оленья Колодезя	—	—	—	19
» Старой Хворостани	—	—	—	23
» города Коротояка (78)	—	—	—	21
» Острогожска (94)	—	—	—	16
» Евдаково	—	—	—	25
» слободы Сагуновъ	—	—	—	29
» слободы Сапринай	—	—	—	27
» города Калитвы	—	—	—	27
» хутора Ципнова	—	—	—	20
» слободы Таловъ	—	—	—	35
» Константиновки	—	—	—	24
» Каменки	—	—	—	33
» Студенца, Писаревка тожъ	—	—	—	25
» города Старобѣльска	—	—	—	25 ¹ / ₂
Итого	—	—	—	364 ¹ / ₂

Отъ города Воронежа до города Богучара.

Отъ Воронежа до слободки Алексѣевки	—	—	—	15
До села Оленья Колодезя	—	—	—	19
» старой Хворостани	—	—	—	23
» города Коротояка (78)	—	—	—	21
» Острогожска (94)	—	—	—	16
» слободы Евлакова	—	—	—	25
» Сагуновъ	—	—	—	29
» Саприна	—	—	—	27

» бывшего города Калитва	—	—	—	—	27
» хутора Ципнова	—	—	—	—	20
» города Богучара	—	—	—	—	29
Итого					251

Отъ города Богучара до города Старобѣльска.

Отъ города Богучара до слободы Таловъ	—	—	—	35
До слободы Константиновки	—	—	—	24
» Каменки	—	—	—	33
» Студенца Писаревка тожъ	—	—	—	25
» города Старобѣльска	—	—	—	25 1/2
Итого	—	—	—	142 1/2

Отъ города Боброва до города Павловска.

Отъ города Боброва до села Пестякова	—	—	—	35
До слободы Лосевой	—	—	—	14
» города Павловска	—	—	—	21
Итого	—	—	—	70

Кратчайшія проѣзжія дороги суть слѣдующія:

Отъ города Воронежа въ городъ Липецкъ.

Отъ города Воронежа по Большой Московской дороги					
до села Старо-Животинное	—	—	—	—	25
До села Воронежской Лазовое	—	—	—	—	30
» деревни Грузное	—	—	—	—	22 ¹ / ₂
» границы Тамбовской губернии Липецкаго уѣзда	—	—	—	—	9 ¹ / ₂
Итого	—	—	—	—	87

Отъ Задонска въ городъ Лебедянь.

Отъ города Задонска до деревни Черняговки	—	—	15
До села Казино	—	—	9 1/2
» деревни Варваровки	—	—	4 1/2
» села Пружниковъ	—	—	10 1/2
» границы Тамбовской губерніи Лебедянского уѣзда	—	—	6
Итого	—	—	45 1/2

Проходящей чрезъ Задонскій уѣздъ Орловской губерніи отъ города Ельца въ Липецкъ.

Отъ села Попернаршева состоящей на самой границы						
до села Студенаго	—	—	—	—	—	5
До села Малаго Скорлекова	—	—	—	—	—	3
» Казина	—	—	—	—	—	3 1/2
» границы Тамбовской губерніи	—	—	—	—	—	8 1/2
Итого	—	—	—	—	—	20

Отъ города Валукъ Слободской Украинской губерніи
въ городъ Купенскъ.

Отъ Валукъ до села Богородицкаго	—	—	—	—	6 ¹ / ₂
До деревни Шелаева	—	—	—	—	1 ¹ / ₂
» слободы Уразовой	—	—	—	—	5
» слободы Двулучной	—	—	—	—	3 ¹ / ₂
» деревни Логачевки	—	—	—	—	7
Итого	—	—	—	—	23 ¹ / ₂

Отъ города Бирюча въ городъ Нижнедѣвицкъ.

Отъ города Бирюча до деревни Прудковъ	—	—	—	—	19
До села Хмелеваго	—	—	—	—	11
» Бруглаго	—	—	—	—	5
» Сетища	—	—	—	—	4 ¹ / ₂
» Потудань	—	—	—	—	12 ¹ / ₂
» Краснаго	—	—	—	—	21
» Сипныхъ Липеговъ	—	—	—	—	26
» Першина	—	—	—	—	14
» города Нижнедѣвицка	—	—	—	—	8
Итого	—	—	—	—	121

Отъ города Бирюча въ городъ Коротоякъ.

Отъ Бирючя до прудковъ	—	—	—	—	19
До села Хмелеваго	—	—	—	—	11
» Круглаго	—	—	—	—	5
» Сетища	—	—	—	—	4 ¹ / ₂
» слободы Сасовки	—	—	—	—	17 ¹ / ₂
» Колбиной	—	—	—	—	2
» города Коротояка	—	—	—	—	18
Итого	—	—	—	—	—

Отъ Землянска въ Ливны.

Отъ Землянска до деревни Круглаго	—	—	—	—	9
До границы Орловской губерніи Ливенскаго уѣзда	—	—	—	—	14
Итого	—	—	—	—	—

Отъ Землянска въ городъ Елецъ.

Отъ Землянска до села Большой Поляны Каманика тожъ	—	—	—	—	25
До села Нижняго Ломовца	—	—	—	—	13
» деревни Долгуши	—	—	—	—	5
» границъ Орловской губерніи Елецкаго уѣзда	—	—	—	—	3
Итого	—	—	—	—	—

Отъ Землянска въ городъ Задонскъ.

Отъ Землянска до села Верейна	—	—	—	—	18
До деревни Крещенской	—	—	—	—	5
» села Дмитришевки	—	—	—	—	15

До села Хлѣвнаго — — — — —	3
» города Задонска — — — — —	26
Итого — — — — —	—

Отъ города Коротояка въ городъ Бобровъ.

Отъ города Коротояка до села Старо-Покровскаго —	13 1/2
До села Средняго Икорца — — — — —	22 1/2
» города Боброва — — — — —	16 1/2
Итого — — — — —	52 1/2

Отъ города Валукъ въ Старобѣльскъ.

Отъ города Валукъ до слободы Венденевки — —	20
До села Бѣлаго Колодезя — — — — —	22 1/2
» слободы Ровеньковъ — — — — —	20
» Бѣлолуцкой — — — — —	26 1/2
» Осиновки — — — — —	16 1/2
» Студенца Писаревка тожъ — — — — —	6
» города Старобѣльска — — — — —	25 1/2
Итого — — — — —	115 1/2

Отъ города Богучара въ городъ Новохоперскъ.

Отъ города Богучара до слободы Бычекъ — — —	17
До слободы Петропавловки — — — — —	11 1/2
» Старой Мѣловой — — — — —	20 1/2
» Ширяевой — — — — —	8
» Калача — — — — —	12 1/2
» хутора слободы Воробьевки — — — — —	11
» слободы Березовки — — — — —	6
» Васильевки — — — — —	24
» Еланскаго Колѣна — — — — —	31
» Новохоперска — — — — —	31 1/2
Итого — — — — —	—

Къ городу Черкаску.

Отъ Воронежа по вышеписанной Саратовской дорогѣ до села Шестакова.

Отъ Шестакова до города Павловска — — —	37
» » » до слоб. Николаевки — — —	23
» слободы Николаевки чрезъ село Карабутъ до города Калитвы — — — — —	16
» города Калитвы на слободу Калитву до Савчина хутора — — — — —	25
» хутора Савчина до города Богучара — — —	20
» города Богучара до слободы Бычка — — —	15
» слободы Бычка до границы Войска Донскаго — — —	23
» границы до Казанской Станицы — — —	13

Отъ города Калитвы до города Бѣловодска.

Отъ города Калитвы на слободу Нову Калитву до слободы Таловъ — — — — —	27
» слободы Таловъ до слободы Константиновки — —	25
» Константиновки до слободы Марковки — —	27
» Марковки до слободы Курчечевки — —	15
» Курчечевки до города Бѣловодска — —	21

Къ городу Харькову.

Отъ Воронежа по вышечисленной Тамбовской дороги до слободы Придачи, отъ которой до села Оленья Колодезя — — — — —	33
» села Оленья Колодезя до села Старой Форостани 24 в.	350 с.
» Старой Форостани до города Коротояка 22 »	200 »
Итого — —	80 в. 300 с.

Отъ города Коротояка до города Острогожска — —	15
» Острогожска до города Ольшанска — —	17
Отъ Ольшанска до села Иловскаго — — — —	18
» Иловскаго до города Бирюча — — — —	20 1/2
» города Бирюча до города Ливенска — — — —	25
» Ливенска до слободы Мондаровой — — — —	17 1/2
» слободы Мондаровой до города Валукъ — — — —	16
» города Валукъ чрезъ деревню Пристѣнную до деревни Бабки — — — — —	25
» деревни Бабки чрезъ слободу Казинку до слободы Ольховатки — — — — —	23
» слободы Ольховатки до границы Харьковскаго намѣстничества — — — — —	14
» границы жъ до первой станціи хутора Еглова — —	11

Отъ города Валукъ до города Купенска.

Отъ города Валукъ до слободы Двучной — —	21
» слободы Двучной до слободы Каменки — —	16
» Каменки » Двучной — —	19
» Двучной до города Купенска — —	19

Впослѣдствіи, въ царствованіи Екатерины II, когда дороги получили новую распланировку, они почти всѣ сохранили направленіе, данное имъ въ царствованіе Петра I.

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о характерѣ и размѣрахъ мѣстной торговли за первую половину XVIII в.

Выше уже было сказано, что воронежцы еще въ исходѣ XVII в. начали пользоваться сами и сбывали въ другія мѣстности не мало произведеній мѣстной фабрично-заводской промышленности. Въ началѣ XVIII в. главными торговыми центрами края являются два города, Воронежъ и Острогожскъ, сосредоточившіе въ себѣ почти всю мѣстную торговлю. Отличительная черта ихъ та, что въ Воронежѣ преобладаетъ торговля привозная, а въ Острогожскѣ

преимущественно производится сбытъ мѣстныхъ сельско-хозяйственныхъ произведеній. Второстепенная роль выпадаетъ на долю новаго города Павловска и старинныхъ — Валукъ и Коротояка. Послѣдній изъ упомянутыхъ городовъ, вѣкогда опасный соперникъ въ торговомъ отношеніи Воронежу, вслѣдствіе близости цвѣтущаго города Острогожска, начинаетъ терять свое прежнее значеніе. Изъ двухъ соперничающихъ главныхъ торговыхъ центровъ, Острогожская промышленность и по характеру своему и по размѣрамъ одерживаетъ сначала всемірный верхъ надъ Воронежскою и это потому, что первая шла своимъ историческимъ ходомъ, развивалась болѣе самостоятельно, вторая же долгое время поддерживалась и питалась, какъ мы уже ранѣе видѣли, казенными подрядами; но Воронежъ, какъ административный центръ, сосредоточившій въ себѣ всѣ мѣстные капиталы, мало по малу взялъ верхъ надъ своимъ опаснымъ соперникомъ.

Характерная особенность мѣстной торговли была та, что она даже въ срединѣ прошлаго вѣка производилась большею частью не на наличныя деньги, а путемъ обмѣна. Быть можетъ въ этомъ случаѣ воронежцами руководили экономическія соображенія, такъ какъ для таможенного сбора требовалось *жить* капиталъ, предвѣщенный торговымъ человѣкомъ на покупку товаровъ, причемъ выгадывалось отъ умышленно пониженной цѣнности товаровъ, при обоюдномъ согласіи покупателя и продавца. Таможенные сборы взыскивались: 1) съ продажи всякихъ товаровъ по выписямъ, съ цѣны (т. е. съ оцѣнки) — по *пяти* денегъ съ рубля. 2) Съ прибылые цѣны (т. е. съ чистой прибыли) по *десяти* денегъ съ рубля. 3) Съ продажи вещей товаровъ и съ перекупныхъ по $1\frac{1}{2}$ деньги съ рубля. 4) Мелочной сборъ, носившій особенное названіе на языкѣ таможенныхъ головъ и цѣловальниковъ — «ящичной выспики», и, наконецъ, сборъ съ нѣкоторыхъ предметовъ производился натурою, а затѣмъ продавался въ таможнѣ, какъ напримѣръ, лубья, конхъ въ 1711 г. было собрано въ одной только воронежской таможнѣ 560 штукъ и затѣмъ продано за 28 руб.

Другая особенность заключалась въ необычайно широкомъ развитіи кредита, такъ что не только частныя лица между собою, но даже правительственная таможня кредитовала мелкимъ купцамъ и посадскимъ людямъ, не говоря уже объ *извѣстныхъ* таможахъ своими торговыми оборотами капиталистовъ, притомъ кредитъ распространялся не на однихъ только мѣстныхъ жителей, но и на пріѣзжихъ изъ дальнихъ городовъ. Изъ того же таможенного отчета за 1711 г. видимъ, что изъ всего сбора воронежской таможи за этотъ годъ — 4047 р. 21 алтынъ и 3 деньги, въ долгахъ оставалось на воронежцахъ — 449 руб. 8 алт. и полшеста ($5\frac{1}{2}$) денегъ; кромѣ того, не мало на Москвитчахъ, Суздальцахъ и другихъ.

Кабалы (росписки) писались лишь въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда лицо, бравшее деньги, казалось подозрительнымъ, или же когда имѣлось въ виду его *закабалить*. Часто довольно крупныя счета велись простой помѣтой мѣломъ на дверяхъ, по числу рисуемыхъ крестовъ и палочекъ, количество слѣдуемыхъ рублей и мелкихъ денегъ, а внѣ дома — надрѣзами на пальцѣ кредитора. Еще недавно сошли въ могилу старики, по разсказамъ которыхъ, угроза кредитора неаккуратному должнику, стереть эти мѣломъ черченныя палочки съ дверей

или соскочить ихъ съ палки, приводили въ отчаяніе послѣдняго и заставляли его умолять объ отсрочкѣ и избавить отъ предстоящаго «срама и позору».

Третья особенность заключалась въ томъ, что торговля распадалась на лѣтнюю и зимнюю; весною и осенью она бывала крайне ограничена. Первая велась главнымъ образомъ *плавнымъ путемъ*, вторая, сухопутная, гужевымъ порядкомъ, преимущественно съ Москвою и другими болѣе сѣверными городами; но зимняя, по размѣрамъ оборота, значительно уступала лѣтней. Позднѣе, когда Донъ значительно обмелѣлъ, такъ что судоходство производилось лишь весною и осенью, то и самая сплавная торговля передвинулась къ этому времени.

Наконецъ, четвертая особенность торговли глубокой старины заключалась въ томъ, что лавокъ съ такъ наз. специальными товарами не было, а въ каждой лавкѣ можно было найти самые разнородные предметы.

Самые важные предметы сбыта мѣстныхъ рынковъ были хлѣба, продукты скотоводства, хлѣбное вино и рыба. Чтобы дать понятіе о промышленности края, приведемъ нѣсколько выдержекъ изъ воронежскихъ и острогожскихъ таможенныхъ книгъ за 1706—1710 года. Таможни вели торговые книги, куда ежедневно вносились званія, имена, отчества и фамиліи пріѣзжихъ промышленныхъ людей, указывалось число явленныхъ денегъ или перечислялись привезенные для продажи и явленные ими предварительно въ таможенѣ товары, затѣмъ отмѣчалась купля-продажа и количество изысканныхъ съ нихъ таможенныхъ денегъ.

Такъ, напримѣръ, явилъ, 30 сентября 1706 г., въ воронежской таможенѣ мѣстный посадскій человекъ Вас. Елисеѣвъ запасу и товары, бывшіе въ его бударѣ:

- Пшеничной муки—173 куля, а цѣна за ста—13 руб.
- Гречишной муки—250 кулей » » » —10 »
- Сѣмя—50 кулей, цѣна 5 рублей.
- Овса—150 кулей, цѣна за ста—12 руб.
- Пшеница—255 кулей » » » —12 »
- Гороху—135 кулей » » » —7 »
- Цыновокъ—465 » » » —5 »
- Аленой холстины 1900; цѣна за ста (аршинъ?)—60 алт.
- Хрешу—5050 аршинъ; цѣна за ста—36 алт. 4 ден.
- Аленой холстины сельской—350 аршинъ; цѣна за ста полтара рубля 5 алтынъ.
- Сермяжнаго сукна 315 арш.; цѣна за ста 3 р. 26 алт. 4 д.
- Нетертаго сукна—55 арш.; цѣна 1 руб.
- 5 юфтей товару; цѣна 5 руб.
- 16 шубъ; цѣна *десятакъ*—6 руб.
- 300 вершковъ брановыхъ и урѣшчатыхъ; цѣна за ста 5 р. 16 алт. 4 д.
- 250 варегъ; цѣна за ста—3 р.
- Пишеш бумага 16 дестей; цѣна 8 гривенъ.
- Поллуда восковыхъ свѣчей; цѣна—2 руб.

15 борашневыхъ роговъ; цѣна за десятакъ 1 руб. 16 алт.
4 деньги съ гривною.

Холста крашенины хрешова 350 арш.; цѣна за ста—1 руб.
16 алт. 6 д.

15 тагановъ; цѣна за десятакъ—20 алтынъ.

2 связки желѣза; цѣна связки—20 алтынъ.

Смола 43 *лѣяки*; цѣна за десятакъ—1 р. 13 а. 2 д.

Лаптей 400; цѣна за ста—16 алт., 4 д.

30 ситъ; цѣна за десятакъ—9 алтынъ.

100 рѣшотъ; цѣна 20 алтынъ.

13 шѣпакъ сѣдельныхъ; цѣна за десятакъ—15 алтынъ.

Ковшей и чаракъ 500; цѣна за ста—13 алт. 2 д.

Мисъ 25; цѣна за десятакъ по 2 алтына.

10 хамутиныхъ; цѣна за десятакъ 15 алтынъ.

20 хамутиныхъ начальныхъ; цѣна за десятакъ по 2 алтына.

Горшковъ, кушиновъ и корчагъ—на 2 рубля.

Меду 48 кадей, а вѣсу въ нихъ 443 пуда; цѣна за пудъ
по двадцати по два алтына.

300 тарелакъ; цѣна за ста—6 алтынъ 4 д.

Гребней и гребенакъ 50; цѣна за десятакъ по 2 алт.

Чюлковъ 130; цѣна за ста—5 руб.

Бечовъ большой и средней и малой руки 86; цѣна 7 руб.

Желѣзнаго всякаго мелкаго дѣла на 4 р.

200 мылъ; цѣна 1 руб.

23 скляницы; цѣна 5 алтынъ.

Хмѣлю 11 четвертей; цѣна 4 руб. 6 алт.

Хрещу 2515 аршинъ.

Всѣ эти товары помѣщались въ одной бударѣ, что можетъ
дать нѣкоторое понятіе о размѣрахъ бударъ того времени; вопро-
чемъ, объ нихъ будетъ сказано ниже.

Или, напримѣръ, 29 сентября 1709 г., явилъ въ таможенѣ воронежецъ,
посадской человекъ Дорофѣй Масалитиновъ въ донской отпускъ, въ бударѣ,
запасу и товару:

800 кульковъ пшеничной муки—по 10 алтынъ.

160 мешерокъ арженной муки — по 10 »

200 кулей гороху — — — по 2 гривны.

60 кульковъ пшена — — — по 10 алтынъ.

53 кулька гречныхъ крупъ — по 2 гривны.

40 » » муки — по 10 алтынъ.

400 мешерокъ овса — — — по 2 гривны.

3000 аршинъ холста хрещу по полтара рубли за сто.

Въ той же бударѣ товаръ Меркула Масалитинова:

200 роговъ цыновакъ—12 рублевъ.

100 пудъ нити—90 рублевъ.

600 аршинъ холста хрещу по полтара рубли за сто.

3 куля хмелю вѣсу 3 пуда—60 алтынъ.

9 мешерокъ солоду арженого — по 10 алтынъ.

Всего на 690 руб. 3 алт. 2 д.

Зимнею порою отправки бывали въ значительно меньшихъ размѣрахъ. Такъ, наприимѣръ, отпущено было воронежцами сухимъ путемъ, 30 ноября того же 1709 г., Е. Сяницкимъ — въ Симбирскъ: 25 кумачей красныхъ, плохихъ, толстыхъ — 15 р. М. Сахаровымъ — въ Москву: 2100 кожъ говяжьихъ Д. Климовымъ — въ Орелъ: 180 осетровъ коренныхъ — 54 р. Имъ же, въ Болховъ: 180 осетровъ коренныхъ — 54 р. Имъ же въ Вѣлевъ: 180 осетровъ коренныхъ — 54 р. Силой Русиновымъ — въ Шую: 500 кожъ яловочныхъ, — 200 руб. К. Харинымъ въ Москву: 850 кожъ яловочныхъ, 275 кожъ опойковъ, 190 зайчинъ чалыхъ. П. Клочковымъ въ Москву: 100 пудъ сала говяжьего, 880 кожъ яловочныхъ, 100 опойковъ, 2 медвѣдн. С. Сахаровымъ — 1350 кожъ яловочныхъ, 30 опойковъ, 1320 зайчинъ-русаковъ. П. Клочковымъ, въ Москву: 220 пудъ сала говяжьего, 100 телатинныхъ кожъ, 2 лосины, 70 сайгачинъ. С. Колесниковымъ къ Москвѣ. 1435 кожъ яловочныхъ, 52 телатины, 33 сайгачины, медвѣдня и т. д.

Отправки на Довъ товаровъ случались также и зимою, но, повидимому, не часто. Такъ было отправлено 31 декабря того же года, М. Тулиновымъ въ Донскіе городки, на 6 подводахъ: 95 сапогъ Касимовскихъ, цѣна 24 р. съ полтиною, 6160 аршинъ холстины льняной — 184 р. и 8 гривень. 3800 аршинъ хрещу — 57 руб. 13 юфтятокъ телатинныхъ и коневыхъ малыхъ — 13 руб., 350 аршинъ пестреди сандальной — 130 руб. съ полтиною, 120 аршинъ сукна сермяжнаго — 7 руб. 2 гривны, 830 аршинъ крашенины ровной — 24 р. 30 алт. 6 ден., шанки съ черною овчинкою да мелочнаго товару на 7 руб. на 30 алт. Всего по цѣнѣ на 337 руб.

Въ Острогжской промышленности рыба играла первенствующую роль; количество рыбы, продававшейся ежегодно въ Острогжскѣ, въ началѣ прошлаго столѣтія, легко могло бы показаться въ наше время невѣроятнымъ, если бы объ этомъ не свидѣтельствовали сохранившіеся таможенныя книги. Приведемъ на выдержку нѣсколько примѣровъ изъ таможенной книги 1710 года:

2-го января, сурженецъ Герас. Тютюниченко купилъ за 13 рублей 40 осетровъ коренныхъ, по 2 руб. за десятокъ, и 5000 сухой тарани, по 1 руб. за 1000.

Староосколецъ М. Измайловъ продалъ 45 лисицъ, по 7 р. за десятокъ, 1000 зайчинъ бѣлыхъ и сѣрыхъ за 25 руб., 30 волковъ, по 7 р. десятокъ.

6-го января Острогжской казакъ И. Филимоновъ продалъ 31 возъ свѣжей рыбы за 46 руб. и 25 возовъ плотвы за 27 руб.

Казакъ Е. Ивановымъ продано 6 бочекъ рыбы *корамону*, по 2 р. съ полтиною за бочку.

19 генваря купилъ житель села Буда, Глуховскаго уѣзду, Марчихинъ 25,000 тарани сухой, по 30 алт. за тысячу; 10 пудъ икры зернистой, по 20 алт. за пудъ; 90 сазановъ вялыхъ (вяленыхъ) за 6 руб.

Тогожъ уѣзда, с. Ивановскаго житель, И. Степановъ купилъ 25,000 тарани сухой, по 30 алт. за 1000; возъ рыбы *синги* свѣжей — 40 алтынъ и бочку плотвы за 1 р.

21-го января купилъ бѣлевецъ А. Атражей: 3 воза свѣжей рыбы щукъ, лещей, карасей за 7 руб. съ полтиною; 2 бочки рыбы *корамону* щукъ, цѣною бочка по 2 р. по 10 алт.; 2 бочки селявъ, цѣна 4 р., 4 бочки плотвы, — 4 руб. и 8 гривенъ, кадка окуней, цѣна 10 алтынъ, двѣ бочки жеры, цѣною бочка по 7 р.; возъ стерлядей свѣжихъ, цѣною 4 р. 20 алт.

Бѣлевецъ С. Девулинъ купилъ 58 воевъ рыбы свѣжей всякой, по 2 р. по 20 алт. за возъ, 5 бочекъ рыбы *корамону* всякой, цѣною бочка по 2 р., кадка рыбы *корамону* — плотвы, цѣною рубль.

Января 28 продано мѣстнымъ жителемъ Алнатовымъ 1000 сомовъ вя-
лыхъ за 40 руб., а донскимъ казакомъ, Григорьевской станицы, М. Кирил-
ловымъ продано 3300 стерлядей свѣжихъ, цѣною за 1000 по 8 р.; при-
быль объявилъ 6 р. 20 алт.

Одоевецъ Т. Тарховъ купилъ 4 воза свѣжей рыбы всякой, по 3 руб. за
возъ, 3 воза стерлядей и карасей, 90 бѣлугъ коренныхъ по 1 р., бочку
икры зернистой, вѣсомъ 10 пудъ, цѣною пудъ по 20 алт.; 10 *омоховъ*
сомовыхъ, цѣною 1½ руб., 200 осетровъ коренныхъ, цѣною 72 руб., 10
воевъ свѣжей рыбы *ласкирю*, цѣною 1¼ рубля возъ.

Орлянинъ Кир. Грибачевъ купилъ 12,000 стерлядей коренныхъ по 40
алтынъ за 100, рыбы бѣлужины звенной 150 пуд., цѣною по 20 алт.
пудъ, 3000 *сулы* вялой, по 26 алт. за сотню и 30,000 чебаковъ вялыхъ,
по 4 руб. за тысячу.

Приведенныя цифры объясняютъ лишь размѣры мелкой торговли, а вотъ
нѣсколько примѣровъ болѣе крупныхъ сдѣлокъ.

1-го сентября отправилъ острогожщанинъ Кондратъ Долгополовъ на бударѣ
въ донской отпускъ запроданной имъ рыбы: 2000 сомовъ сухихъ, проданы
по 20 руб. за тысячу, 100,000 тарани сухой, по 20 алт. тысяча, 10,000
щуки и 10,000 сулы сухой по 5 руб. за тысячу, 100,000 чебаковъ су-
хихъ — по 2 руб. и 1200 сазановъ вялыхъ по 1½ руб.

Житель города Сѣвска Д. Халзинъ отправилъ въ донской отпускъ куп-
ленную имъ рыбы 3000 сомовъ сухихъ, 280,000 тарани сухой по выше-
указанной цѣнѣ и 60 пудъ икры зернистой, по 20 алтынъ за пудъ, и т. д.

Продажа скота и продуктовъ скотоводства была сравнительно незначи-
тельная вѣроятно потому, что помѣщики вели торговлю съ Дономъ или у
себя въ помѣстьяхъ, или же непосредственно съ козачьими городками, на сво-
ихъ бударахъ, но во всякомъ случаѣ, минуя городовъ и городскихъ таможенъ.
На подобныхъ судахъ весь экипажъ состоялъ изъ крѣпостныхъ людей помѣщика.
Почему на городскіе рынки, понадало лишь незначительное сравнительно коли-
чество продажнаго скота или продуктовъ скотоводства, необходимое для мѣст-
наго потребленія. Напримѣръ:

21-го августа продалъ казакъ Я. Ивановъ пригонной скотины. рогатой,
35, овецъ старыхъ и молодыхъ 50, цѣною крупный скотъ по 1 р., а овцы
по 2 гривны. Цѣна такъ дешево скотъ, воронежцы однако дорого цѣнили
продукты скотоводства. Такъ 1 пудъ свиного сала стоилъ 1 рубль, а пудъ
коровьяго масла — отъ 30 алтынъ и до 1 руб., очевидно, что воронежцы не
испытывали нужды, если такъ дорого оцѣнивали свой трудъ.

Конскіе хвосты употреблялись, какъ выше было упомянуто, частью на выдѣлку подошвъ, частью же на приготовленіе сѣтъ, цѣдилокъ и разныхъ предметовъ украшеній; люди состоятельные набивали ими тюфяки, кресла и диваны. Въ Острогжскѣ хвосты продавались *кипами*; за кипу платили по 3 руб. 33 алт. и 2 д. Кожа продавалась яловочныя — по 40 р. за сотню, козлиныя — по 8½ р. за сотню, телячьи — по 3 руб. за сотню. Юфтяная кожа черная, за юфтѣ по 1½ руб.; сафьянъ — по 1 руб.; юфтяныя хозы подошвенныя — по 20 р. за сотню. Сапоги говяжьи мужскіе — по 25 руб. за сотню; высшаго качества сапоги русскіе и черкесскіе, по 30 р. за сотню; галицы баравовыя и жеребковыя — по 2 руб. и 12 алт. за сотню. За десятокъ овчинъ платили по 8 гривенъ; за сотню рунъ волны овечьей 5 р. 6 алт. 4 ден. Сотня овчинъ мерлужчатыхъ — 5 р. За 100 сурковъ — 1 р.; лисица да куница за десятокъ по 8 р.: недолиски — по 5 руб. десятокъ; десятокъ волковъ — по 7 руб.; десятокъ волковъ — осеншинъ — 5 р. Сотня хорьковъ — 1 р.; десятокъ медвѣдней — 9 руб.; сотня хорсовъ — 3 руб. Сто паръ лисьихъ лапъ — отъ 4 р. до 4½ р.

Продажа звѣриныхъ шкуръ производилась преимущественно въ Валуйкахъ.

Бобровые ожерелки продавались по 30 р. за сотню, но они очевидно были привозные, а не мѣстнаго происхожденія; 1000 зайчинъ — 54 р.; 1000 бѣлокъ — 5 р.; десятокъ тулупцовъ бѣлыхъ мерлужчатыхъ — 5 р. Сукна продавались по слѣдующимъ цѣнамъ: сукно сермяжное — за 100 аршинъ 4 р.; аба — за 100 штукъ 100 руб.; суконце манатейное — за 10 аршинъ 2 р.; шиптухъ — за 100 арш. 18 р.; сукно коруновое — по 16 р. за половинку; шпанское — по 1 р. аршинъ. Полотно Битюцкое цѣною 3 рубля за *бунтъ*.

Прочіе предметы, употреблявшіеся какъ въ хозяйствѣ, такъ и для разныхъ производствъ, продавались: гвоздики за фунтъ 1½ р., корица — 1 р. 16 алт., перецъ за пудъ 8 р., ладанъ за пудъ 9 р., квасцы пудъ 2 р., стали пудъ 3 р. Бѣлое листовое желѣзо за 100 листовъ 4 р., сѣра за фунтъ алтынъ; свинецъ за пудъ 20 алтынъ; огнестрѣльный порохъ за пудъ 5 р., тростниковаго сахару головного за пудъ 6 р., сандалъ за пудъ 1½ р., золото за полъ литры — 7 р. 6 алт. 4 ден., краска брусковая за пудъ 60 р., за 100 аршинъ холста — хрящу — 9 руб., крашенина выбойчатая хрящевая за 100 арш. 2½ р., крашенина красочная — 3 р. Сто сковородъ 10 руб., 100 сѣтей 30 руб., сто хомутихъ обшитыхъ — 5 р., сто сѣделокъ лошадиныхъ — 5 р., сто нагалищъ пищальныхъ — 8 руб., сто черезовъ — 2 руб., кулъ кремня — полтина. За 10000 гвоздей скобяныхъ — 2½ р., за 6000 добочныхъ 40 алтынъ, сто косъ сѣнокосныхъ — 30 р.; котлы: бражной желѣзной — 1½ р., пивоваренной — 1 р. 6 алтынъ 3 ден., путной — 8 алт. 2 ден., сковороды блинныя за 100 — 10 р., сто топоровъ дровосѣчныхъ — 26 р., сто ножей — 2 руб. Огородныя, садовыя и лѣсныя овощи и плоды продавались: чеснокъ за 100,000 — 20 р., арбузы за сотню — полтина, яблоки, по 3 алтына и 2 деньги за *мѣхъ*, лѣсныя орѣхи, по 1 рублю по 10 алтынъ за четь.

Соль употреблялась трехъ сортовъ: *Маноцкая*, *Торская* и *Бахмутская*. Первая продавалась по 6 алтынъ по 4 деньги за пудъ, вторая — по два рубля за бочку (въ 10 пудовъ) а третья — по два рубля съ полтиною

за бочку. Манецкая—нижній сортъ употреблялась для соленія рыбы и сала въ прокъ, а также для овецъ; Торская, называвшаяся бузуномъ, считалась срединнѣй сортомъ, Бахмутскую же употребляли болѣе зажиточные люди. Дѣготъ продавался бочками, мѣрою каждая по шести ведеръ; такая бочка съ дегтемъ продавалась какъ въ Воронежѣ, такъ и въ Острогожскѣ, по 8 гривенъ.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о стоимости провоза, о цѣнности снаряжавшихся бударъ и во что обходилось воронежцамъ славить подобную будару на югъ въ казачьи городки и обратно.

Еще Петръ I, въ виду упорядоченія способовъ взиманія и увеличенія государственныхъ доходовъ, очень интересовался этимъ вопросомъ. Было извѣстно, что сельско-хозяйственная промышленность представляетъ собою почти всю торговлю придонскаго края; далѣе, что промышленники, ведя очень прибыльную торговлю, богатѣютъ однако не отъ большихъ прибылей на продаваемые товары, не превышающихъ за нѣкоторыми исключеніями 10—15%, но главнымъ образомъ отъ того, что имъ удается сдѣлать 4—5 торговыхъ оборотовъ въ теченіи года и такимъ образомъ они наживаютъ по 4 гривны и до 20 алтынъ на рубль въ теченіи года. Чтобы имѣть возможность болѣе правильно распредѣлить новыя налоги, царю необходимо было еще собрать свѣдѣнія, во что промышленнымъ людямъ обходится постройка и снаряженіе въ путь и обратно будары вмѣстѣ съ гребцами. Подобный запросъ былъ имъ сдѣланъ воронежской земской избой бурмистрамъ 20 октября 1703 г., и вотъ что они отвѣтили на это „Намъ велѣно въ Приказъ Адмиралтейскихъ Дѣлъ подать письмо: у кого бываютъ въ Черкасскомъ торговые промыслы и для того строятъ будары, по чему тѣ будары на ходу со всѣми припасы и снастями цѣною ставятся и кормишниковъ и гребцовъ по сколку человѣкъ на бударѣ бываетъ и въ ходъ до Черкасскаго, по сколку человѣку за работу денегъ и запасовъ дается?

И по справкѣ въ Воронежской земской избѣ съ воронежцы, посадскими людьми, которые будары строятъ для вышеписанныхъ промысловъ, воронежцомъ посадскимъ людямъ такія будары съ принадлежащими припасы и съ снастями на ходу ставятся рублевъ по шестьдесятъ и по семидесятъ и по осмидесятъ. А на тѣ будары съ Воронежа до Черкасскаго нанимаютъ въ кормишники рубля по четыре и по пяти человѣка, а гребцовъ по полтора и по два рубля съ полтиною человѣка, а на кормъ тѣмъ людямъ исходитъ съ Воронежа до Черкасскаго запасу рублевъ по шесть и на восемь и на десять и на двѣнадцать рублевъ на будару. А которыхъ такихъ рабочихъ людей нанимаютъ на такія жъ будары съ Воронежа до Черкасскаго назадъ до Воронежа, и тѣмъ даютъ кормишкамъ рублевъ по осьми и по девяти и по десяти рублевъ человѣку, а гребцомъ рубли по три и по четыре и по четыре съ полтиною и по пяти рублевъ человѣку. А запасовъ тѣмъ гребцомъ исходитъ на кормъ рублевъ на двадцать и на двадцать на пять и на тридцать рублевъ на будару. А на бударѣ бываетъ кормишниковъ по одному человѣку, гребцовъ съ Воронежа до Черкасскаго по шти и по семи и по осьми человѣкъ на бударѣ, а отъ Черкасскаго до Воронежа—по двѣнадцати и по тринадцати и по четырнадцати и по пятнадцати и по шестнадцати человѣкъ на бударѣ“.

Съ тѣхъ поръ прошло около восьмидесяти лѣтъ. Самъ по себѣ богатоодаренный природою, юный Воронежскій край, благодаря заботамъ о его благоденствіи великаго монарха, вскорѣ одѣлался одною изъ богатѣйшихъ житницъ Россіи, снабжавшей хлѣбомъ не только сѣверъ, но и югъ; послѣдній преимущественно, благодаря своей „водяной комунікаціи“. Но за эти восемьдесятъ лѣтъ, вслѣдствіе усиленнаго лѣсоистребленія и увеличенія народонаселенія, процентное отношеніе между угодьями въ прошломъ столѣтіи уже значительно измѣняется: пашни оказывается—въ круглыхъ цифрахъ, 3.000.000; луговъ 2.400.000, а лѣсовъ около 600.000 десятинъ, при числѣ жителей 800.000 душъ, что составляетъ на душу пашни $3\frac{3}{4}$ десят., луговъ 3 десят. и лѣса $3\frac{1}{4}$ десят., тогда какъ изъ 6.000.000 десятинъ всей площади ея въ 17 вѣкѣ приходилось, приблизительно: пашни 1.000.000 десят.; луговъ и лѣсовъ—по 2.500.000 десятинъ, при населеніи, едва превышавшемъ 100.000 душъ, или 17.766 дворовъ, такъ что на душу приходилось около 10 дес. пашни и по 25 десят. луга и лѣса. Въ Воронежской губерніи вслѣдствіе этого хлѣбопашество начало преобладать надъ всѣми другими отраслями сельскаго хозяйства. Въ 1783 году правительству вторично понадобились свѣдѣнія о цѣнности рѣчныхъ судовъ и стоимости сплава.

Сравненіе отвѣта воронежскаго магистрата въ 1783 г. съ тѣмъ, который былъ имъ данъ восемьдесятъ лѣтъ предъ тѣмъ, настолько интересенъ, что приводимъ его цѣликомъ:

„Воронежскому намѣстническому правленію потребны съ воронежскаго городского магистрата свѣдѣнія: 1) Будары, на коихъ отъ здѣшнихъ купцовъ отправляется водяною комунікацію хлѣбъ, какой пропорціи и въ какую цѣну готовы и гдѣ именно покупаются? 2) Ежели здѣсь строятся, то лѣсъ и всѣ принадлежащее къ тому матеріалы откуда и по какимъ цѣнамъ получаютъ? 3) Канаты разной толщины и смола на канаты и на будары откуда и по какимъ цѣнамъ получить можно удобнѣе? 4) Буде можно, показать, во что точно стать могутъ постройки на мѣстѣ будары, одна длиною 21 аршинъ, а шириною 9, другая длиною 15 арш., а шириною 7 арш., то объ ономъ, подписавъ на семъ, возвратитъ къ просителю сего числа. Марта 31, 1783 года.

Воронежскій магистратъ далъ слѣдующій отвѣтъ:

По сему запросу, по освѣдомленію съ имѣющими промыселъ въ сплавѣ съ хлѣбомъ будары, оказалось: на строеніе оныхъ лѣсъ, сосновый *топорный*, получаемъ бываетъ Тамбовскаго намѣстничества изъ г. Моршанска, а *тильной*—съ Волги.

Каковыя будары строятся въ Воронежѣ мѣрою въ длину отъ сорока восьми до пятидесяти пяти, шириною отъ десяти до двѣнадцати, вышиною два съ половиною аршина, цѣною становятся отъ 350 до 450 руб.

На оныя покупаются потребныя матеріалы въ Воронежѣ, желѣзныя гвозди разныхъ сортовъ, привозятъ оныя изъ г. Касимова, по одному рублю по десяти коп. пудъ.

Мочалы на конопатку оныхъ привозятся Тамбовскаго намѣстничества изъ села Чирикова, по 25 коп. пудъ. Смола на оныя здѣсь не употребляется.

Готовы будары покупаютъ въ крѣпости Св. Дмитрій и, разбивъ оныя, на будары жъ, вывозятъ въ Воронежъ, гдѣ и собираются въ вышеписанную мѣру; цѣвою оныя обходятся по 800 руб.

Потребныя къ онымъ канаты и веревки привозятъ изъ орловскаго намѣстничества и отъ разныхъ мѣстъ въ Воронежъ.

Покупаютъ цѣвою за пудъ несмоленные: толстыя — по одному рублю по двадцати коп. за пудъ, тонкій восемьдесятъ коп. пудъ.

Смоленные толстыя конаты получаютъ воронежскаго намѣстничества въ г. Павловскѣ, съ завода, по 2 руб. пудъ. На каждую будару потребно по 25 пуд.

Показанныя же малой той мѣры изъ сосноваго лѣсу здѣсь не дѣлаются."

Читатель видитъ, что эпоха Петра миновала: воронежцы выписываютъ многое изъ того, что ранѣе приготовлялось воронежскими заводами. Тѣмъ не менѣе, мѣстная сельско-хозяйственная промышленность находилась въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. Благосостояніе мѣстныхъ жителей бросалось въ глаза. Простые казаки и посадскіе люди одѣвали своихъ женъ и дочерей въ шелкъ и бархатъ, украшали ихъ жемчугомъ. Что же сказать о мѣстныхъ помѣщикахъ, дворянахъ? До середины прошлаго вѣка они не только не ѣздили за границу, но даже неохотно на время покидали свои имѣнія, и то — ради государственной службы. Опытные и трудолюбивые хозяева, при необычайно плодородности земли, они наживали громадные, по тому времени, состоянія. Ведя скромную жизнь у себя дома, они, появляясь въ свѣтъ, однако любили блеснуть своимъ богатствомъ. Такъ напримѣръ, когда мѣстному помѣщику Антону Лаврентьевичу Веневитинову служившему въ Азовѣ, было поручено лѣтомъ 1711 г. вѣдать на Битюгѣ десятинную пашню, то сынъ его Ѳаддей Антоновичъ билъ челомъ объ отпускѣ въ Азовъ особую будару для взятыя отца его дворовыхъ людей и домовою рухляды. Какъ многочисленна должна была быть эта дворня, видно изъ того, что только на прокормленіе ея въ пути Ѳ. А. Веневитиновъ отправилъ хлѣбныхъ запасовъ 100 четвертей ржаной муки и отдѣльно 50 мещерокъ этой же муки, 50 кульковъ пшеничной муки, 100 кульковъ гречневыхъ крупъ, 60 кульковъ гречневой муки, 48 кульковъ пшена и пр., и этотъ значительный запасъ Ѳ. А. называлъ въ своей челобитной „небольшой хлѣбъ“.

Закончимъ нашъ очеркъ сельско-хозяйственной промышленности краткимъ обзоромъ запаса практическихъ свѣдѣній, коими еще въ глубокую старину обладали воронежцы какъ въ области сельскаго хозяйства, такъ равно и въ тѣсно связанныхъ съ ней медицинѣ и ветеринаріи.

Изучая исторію Воронежскаго края въ этомъ отношеніи, мы наталкиваемся на поразительные факты. Многое, что казалось намъ открытымъ лишь въ текущемъ столѣтіи, или въ крайнемъ случаѣ въ самомъ концѣ прошлаго, оказывается давнымъ-давно извѣстнымъ Воронежцамъ. Даже такія животрепещущія новости, какъ открытіе сдѣланное въ 1882 г. Пастеромъ, Рено и Лангелонгомъ, что зараза собачьяго бѣшенства заключается въ слюнкѣ — было торжественно подтверждено воронежскими домогосподствующими эскулапами предъ воронежскимъ намѣстникомъ за сто лѣтъ до открытія, сдѣланнаго фран-

пузскими знаменитостями ¹⁾. Воронежцы отличались замѣчательно вѣрнымъ пониманіемъ характера заразныхъ болѣзней; не сомнѣвались, что они происходятъ особыми специфическими ядами, изъ коихъ одни заносятся воздухомъ, *по-вѣтру* (моровое повѣтріе) и уничтожаются дѣйствіемъ высокой температуры („черезъ огонь“) или обеззараживающихъ средствъ; знали они, что послѣднія легче всего добыть какъ продукты окисленія и перегонки дерева (дымъ, уголь, дѣготъ, древесный уксусъ.) Понимали важность изоляціи зараженныхъ больныхъ и еще въ XVII в. спѣшили отдѣлить заболѣвавшихъ людей и животныхъ отъ здоровыхъ; ставили заставы крѣпкія, т. е. устраивали карантинны, ничѣмъ не отличавшіяся отъ современныхъ. Лѣчили сифилисъ азотнокислою закисью ртути, которую сами приготовляли, растворяя ртуть въ азотной кислотѣ, а послѣднюю сами добывали изъ мѣстной селитры. Такимъ образомъ и леченіе сифилиса ртутными препаратами, и самые препараты эти были извѣстны воронежцамъ по меньшей мѣрѣ, лѣтъ за сто до Ганнемана, фанъ-Свиттена и другихъ *открывателей*. Знали также воронежцы, что нѣкоторые яды могутъ быть съ успѣхомъ привиты и прививали оспу дѣтямъ, опять таки не менѣе, чѣмъ за сто лѣтъ до знаменитаго Эдуарда Джениера. Мастерски справлялись съ страшною въ наше время водобоязною, простымъ прокалываніемъ прыщиковъ („Зиньски щинята“, какъ ихъ называли по мѣстному, въ Острогжскѣ) и выполаскиваніемъ рта; съ большимъ успѣхомъ лѣчили сибирскую язву и однородныя съ нею эпидемическія болѣзни табачнымъ настоемъ, вылѣчивали самыя упорныя лихорадки подсолнухомъ и т. д. Имѣли прекрасное понятіе объ огнеупорномъ матеріалѣ и еще въ срединѣ прошлаго столѣтія покрывали сельскія постройки глино-соломенными крышами; удабривали тощія почвы навозомъ и костями; истребляли саранчу, не давъ ей окрылиться.

Всѣми почти познаніями этими Воронежскій край обязанъ Острогжскимъ черкасамъ.

Въ особенности народная медицина находилась въ XVI и XVII в.в. у Малоросовъ въ несомнѣнно болѣе цвѣтущемъ состояніи, нежели у какого бы то ни было другаго европейскаго народа. Причиной тому полагать можно то, что Малороссы всегда отличались, какъ способностями, такъ главнымъ образомъ любознательностью. Отправляясь *громить* крымскій улусъ, турецкій или польскій городъ, малороссъ никогда не упускалъ случая завладѣть мѣстными произведеніями человѣческаго ума: фоліантами, книгами, предметами искусствъ, картинами и математическими инструментами. ²⁾ Безпрестанно сталкиваясь съ западною и восточною культурою, умъ малоросса постепенно

¹⁾ О лѣченіи водобоязни и вообще о народной медицинѣ см. статьи мои въ „Медицинск. Вѣстникъ“ за 1888—90 г.

²⁾ Во время войны съ Польшею, въ срединѣ XV столѣтія, наши ратные люди вывели оттуда великое множество книгъ и рукописей, которыя спустя пятнадцать лѣтъ, Польша, воспользовавшись ослабленіемъ Россіи Разинской смутой, энергично потребовала обратно. Въ силу состоявшагося договора съ Холмскимъ воеводою Яномъ Глинскимъ, Царь Алексѣй Михайловичъ въ 1672 г. указалъ Бѣлгородскому воеводѣ, кн. Ромадановскому, учинить заказъ съ великимъ подтвержденіемъ, чтобы польскія и латинскія книги и всякія письма, которыя во время войны въ Польскихъ городахъ Великаго Государя ратные люди поймали, у себя никто въ домѣхъ въ тай и явно не держали а передавали бы Воронежскому воеводѣ для отправленія ихъ въ Смоленскъ. (См. собр. нами Матер. по исторіи Вор. и сосѣд. губ. стр. 277, т. I).

развивался на счетъ той и другой; изъ этого обстоятельства, повидимому, нельзя не приписать и столь ранѣе возникновеніе Кіевской академіи, сравнительно съ другими высшими школами тогдашняго славянскаго міра. Почти поголовная грамотность, не исключая женщинъ, любовь къ поэзіи и музыкѣ были отличительною ихъ чертою, но особенно высокаго развитія, достигла у нихъ народная медицина, перенесенная въ Воронежскую губернію Малороссами, при переселеніи ихъ съ береговъ Днѣпра на Донъ. ¹⁾

Въ заключеніи нашего очерка укажемъ еще на одну особенность мѣстнаго сельскаго хозяйства, насколько намъ извѣстно, не имѣющая себѣ прѣбра ни въ одной изъ остальныхъ губерній за прошлое столѣтіе, это—культура *картофеля*, занесенная сюда нѣмецкими колонистами, переселенными, на Тихую Сосну Императрицею Екатериною II въ 1766 г. и основавшими здѣсь двѣ колоніи: на Соснѣ—Сосендорфъ, а на р. Рыбной—Рыбенсдорфъ. Картофель сначала туго прививался къ мѣстному сельскому хозяйству,—его избѣгали, но когда колонисты начали его продавать по дешевой цѣнѣ на городскихъ рынкахъ, картофель вошелъ въ употребленіе, на первый разъ у мѣстныхъ дворянъ. Названія „картофель“ здѣсь не знали, а называли его *землянымъ яблокомъ*.

Таково было состояніе сельско-хозяйственной промышленности Воронежской губерніи, въ которомъ засталъ ее указъ Императрицы мѣстному губернатору—уговорить мѣстныхъ *коммерсантовъ* учредить акціонерное общество и построить торговый флотъ.

Л. Вейнбергъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ВЫПУСКА.

¹⁾ См. „Ист. оч. санит. сост. Ворон. губ.“ втора, стр. 23.

А Б В Г Д Е Ж З

Сельско-хозяйственной и заводской промышленности придонского края.

(Составлена преимущественно по местным архивным документам).

Годы отъ
Рожд. Хр.

1389. Митрополитъ Пименъ проѣзжалъ р. Дономъ въ Царьградъ: „Бысть же сіе путное шествіе печально и уныливо, бяше бо пустыня зѣло всюду, не бѣ бо видѣти тамо ничто же, ни града, ни села; аще бо и бываша древле грады красны и нарочиты зѣло видѣніемъ мѣста, точію жъ пусто жъ все и не населено: нигдѣ бо видѣти человѣка, точію пустыня велія и звѣріе множество“... (Ник. Лѣт. IV, 159).

1476. Венеціанскій посолъ Контарини и Московскій посланецъ Марко Руфъ, на возвратномъ пути изъ Персіи въ Москву, проѣзжали чрезъ пустынные Донскія и Воронежскія степи, гдѣ не видали ничего, кромѣ неба и земли, не находили ни вѣрныхъ дорогъ, ни мостовъ; сами дѣлали плоты при переправахъ черезъ рѣки, и восхваляли милость Божію, когда достигли до Рязанскій области. Карамз. Ист. Гос. Рос., V, примѣч. 354).

1499. Великій князь посылалъ дѣка Голохвастова къ султану Баязиту посломъ; сопровождавшіе его въ Тану (Азовъ) многіе купцы грузили свои товары на барки у *Каменнаго Коня*, на р. Красной Мечѣ, впадающей ниже г. Лебедяни съ правой стороны въ Донъ (Штукенбергъ. Hydrogr. d. Rus. Reich. Bd. III. S. 178, 179 или Рос. Мерк. годъ III, стр. 285.)

1501. Анна Васильевна, Великая княгиня Рязанская, пожаловала Ермола Стерлегова вотчиною на Пониковцѣ, на старомъ Ананьинскомъ городищѣ. (Вор. акты, нами изд., вып. XV).

1514. Первый посолъ Турецкій, князь Мангунскій Теодоритъ Камаль, отправленный въ Москву вмѣстѣ съ бывшимъ въ Царьградѣ посломъ дворяниномъ Алексѣевымъ, проѣзжали изъ Азова

въ Москву, терпѣли недостатокъ, голодъ въ степяхъ Воронежскихъ, лишились всѣхъ коней, шли пѣшкомъ и едва достигли предѣловъ Рязанскихъ, (г. Рязска) гдѣ ждали ихъ люди, высланные къ нимъ отъ великаго князя. (Ист. Гос. Рос. VII, 38).

1571. Въ октябрѣ, по государеву указу, кн. Воротынский съ товарищи приговорили жечь степь, осенью, по заморозямъ, въ октябрѣ или ноябрѣ, какъ на полѣ трава сильно посохнетъ, сѣговъ не дожидаясь, въ ведренную и сухую пору, чтобъ вѣтеръ былъ отъ государевыхъ украинскихъ городовъ на польскую (степную) сторону. Станицамъ для зажженія степи выѣзжать изъ Мещеры, Донкова, Дѣдилова, Крапивны, Новосила, Мценска, Орла, Рыльска и Путивля, жечь на пространство степи отъ верховьевъ Ворони до Дѣпра и Десны. (Чтенія Моск. Ист. Об. № 4, ст. Бѣляева).

1585. Въ Рязанскихъ въ писцовыхъ книгахъ Михайла Пушкина съ товарищи 93 году написано: Рязанского уѣзду села Ворыщъ за бортники Демки Айдарова сына Панина да Игнатки Инютина сына Кочапина да Ивашки Олексѣева сына Ларивонова, за ними на оброкъ бортовыхъ ухажеевъ да рыбныхъ ловель: Ивашко Олексѣевъ сынъ Милкинъ, Оедоска Оеонасеевъ сынъ Карыгинъ ходятъ лѣсъ бортовой на Воронежъ, Радчинской ухажей да Сѣкинской два знамени, знамя крестъ косой на верху двѣ рубежа да знамя крестъ косой же, въ споди рубежъ, на верху рубежъ же; оброку съ тѣхъ знаменъ пять пудъ меду.

Демка да Гришка Оеонасеевы дѣти Айдарова, Ивашко Григорьевъ сынъ Степанова ходятъ лѣсъ бортовой на рѣкѣ на Устьмани, знамя соха внизъ, на правой сторонѣ два рубежа; оброку два пуда меду.

Игнатко Инютинъ сынъ Полянской ходятъ лѣсъ бортовой ухажей въ Хамѣхъ Канановской; знамя соха въ сохѣ, промежи дву рубежеевъ; оброку четыре пуда меду.

Демка же да Гришка Оеонасеевы дѣти Айдарова, Ивашко Григорьевъ ходятъ лѣсъ бортовой на Устьмани, Брудастной ухажей, на рѣкѣ на Хавѣ; знамя курья нога съ отинкомъ, оброку три пуда меду. Ивашко Милкинъ да Ивашко Корыгинъ ловятъ въ рѣкѣ въ Воронежъ тоню Радчинскую съ устья рѣки Усмани, что внала въ Воронежъ до озера Затенного; оброку 30 алтынъ безъ гривны.

Демка Айдаровъ ловить тоню въ рѣкѣ въ Усмани жъ да въ Хавѣ; оброку рубль.

Игнатко Инютинъ сынъ Кочапинъ ловятъ тоню Домажировъ, да рѣчку протокъ верхней узголовьи да по нижней, отъ Чертовницкой поляны на низъ по Воронежю по Черкасской бродъ; оброку двѣ гривны.

Игнатко Тимоѣевъ да племянникъ его Оедька Карповъ

сынъ Лукьяновъ ходять лѣсъ бортной ухажей на Усмани, зная соха въ сохѣ, подъ исподомъ рубежъ; оброку полтретья пуда меду.

Да тотъ же Оилатко ловить тоню въ рѣкѣ въ Усмани отъ рѣки отъ Воронежа съ Усмани оба берега Верганевымъ большимъ плесъ по притоки; оброку полтина.

Въ 93-мъ году были челомъ государю царю и великому князю Федору Ивановичу всеа Русіи Резанского уѣзду, села Ворышъ, бортники Демка Айдаровъ сынъ Павинъ да Игнатко Инютинъ сынъ Кочапинъ да Ивашко Олексѣевъ сынъ Ларивоновъ, а сказали: *были* де за ними на оброкѣ въ Резанскомъ уѣздѣ бортные ухажьи и рыбные ловли и тѣ де ихъ бортные ухажьи и рыбные ловли *отписаны къ новому городу, къ Воронежу*, и тѣми ихъ угодья Воронежскіе жильцы владѣти имъ нынѣ не дадутъ и впередъ де имъ оброку добывать негдѣ, а нынѣ на нихъ того оброку правятъ. (Прик. дѣл. ст. лѣтъ, св. 2, № 1).

1594. „А хлѣбъ, государь, на Воронежѣ дорогъ: четверть ржи купили по 20 алтынъ з гривною и вполтретьятцать алтынъ, и дворовъ, государь, ставить не чимъ: нужны и голодны , а въ твоихъ государевыхъ житницахъ на Воронежѣ твой государевъ хлѣбъ, рожь и овесъ и всякой запасъ, есть...“ (Изъ отписки казачьяго сотника Оролова. Ibidem.)

„Приходятъ, государь, ко мнѣ, къ холопу твоему, *старые* откупщики, которые откупали на Воронежѣ твои государевы воды и лѣса 102-го году, а просятъ у меня, у холопа у твоего, тѣхъ же моихъ ухажьевъ и водъ и лѣсовъ изъ твоего государева оброку на 103 годъ *съ Семена дни*, а у меня у холопа у твоего государева указу о тѣхъ водахъ и лѣсахъ на новой годъ нѣтъ. (Изъ отписки И. Кобякова. Ibidem).

Августа 29 „ писалъ еси къ намъ, что приходятъ къ тебѣ старые откупщики, которые откупали на Воронежѣ воды и лѣса въ нынѣшнемъ 102-мъ году, а просятъ тѣхъ ухажьевъ, водъ и лѣсовъ на откупъ на 103 годъ, а у тебя о томъ нашего указу нѣтъ, и тыбъ тѣ воды и лѣса отдалъ въ откупъ изъ наддачи, хто будетъ предъ прежнимъ наддастъ. А будетъ болши прежняго откупу не дадутъ, и тыбъ отдалъ прежнимъ откупщикомъ и откупъ на нихъ взялъ по прежнему, а кому на откупъ дашь и что откупу возьмешь, и тыбъ о томъ къ намъ отписалъ, а денегъ бы еси къ Москвѣ не присылалъ до нашего указу. (Изъ грамоты царя Федора Иоанновича Кобякову. Ibidem).

„ и стрѣльцомъ, государь, обида великая отъ дѣтей боярскихъ и отъ черкасъ стоятъ черкассы въ (у) стрѣльцовъ да *сытлятъ медъ* на продажу и пють въ день и

въ ночи и зерню играютъ и Иванъ (Кобяковъ), государь, тѣхъ черкассъ отъ воровства не уймаеъ “ (Изъ отписки стрѣльцоваго головы Арсеньева. Ibidem).

„ іюля въ 21 день пришли на Воронежъ ко мнѣ, къ холопу твоему, твоимъ государевымъ бортники, Рязанскаго уѣзду, села Ворищъ, Васька Ерохинъ да Еeimка Зуевъ да Васька Михайловъ да Петрушка Князевъ да твоего государева боярина князя Тимофея Романовича Трубецкого крестьянинъ села Пустотина Карпъ Матѣевъ сынъ Поповъ, да твоего государева боярина Ивана Васильевича Лодунова крестьянинъ села Поплевина Ивашка Бутиновъ, и подали мнѣ, холопу твоему жалобницу на воронежскихъ казаковъ Борисова приказу Хрущева а сказали: что прїѣзжали тѣ казаки Милованъ Вѣтровъ съ товарищи да Черкашенинъ Иванъ Коптевъ въ ихъ ухажьи и на ихъ станъ разбоємъ и лошади, и платья, и медь и все ихъ животы. статки у нихъ на стану пограбили и ихъ де, государь, били и на пытки пытали и Борисъ Хрущовъ на тѣхъ казаковъ и на Черкашенина суда не далъ, а тѣхъ государь казаковъ и Черкашенина Коптева отпустилъ опять по вотчинамъ *добуватца* (наживаться) (Изъ отписки Кобякова. Ibidem.)

„ мнѣ, холопу твоему, на Черкасѣхъ сказывали, что многіе Черкассы медь ставятъ на продажу, и язъ холопъ твой къ Борису къ Хрущеву послалъ чтобъ Борисъ Черкасѣхъ отъ воровства уймалъ (Борисъ) отказалъ: „Черкассы медь ставятъ съ моего доклада; тебѣ де до Черкасѣхъ дѣла нѣтъ — Черкассы де мнѣ приказаны“ и по вотчинамъ, государь, Борисъ Хрущовъ съ Воронежца Черкасѣхъ отпускаетъ верстъ по 30-ти и по 40.“ (Изъ другой отписки Кобякова. Ibidem.)

„... Писалъ къ тебѣ, къ государю, Иванъ Кобяковъ на меня должно буттося я у своемъ приказѣ въ козацкѣхъ и въ захребетникахъ *бѣглыхъ крестьянъ* не сыскиваю, и я холопъ твой у своемъ приказѣ съ Иваномъ съ Кобяковымъ сыскивалъ и *сыскавъ* бѣглыхъ крестьянъ, дѣломъ боярскимъ отдавали Да велѣлъ ты, государь, братъ *посохи* съ Резани и съ Рясского уѣзду, а на Воронежъ лѣсу возить и города дѣлать 150 человекъ, 100 конныхъ, 50 пѣшихъ а посоха на Воронежъ пришла съ твоимъ государевымъ посланникомъ на зборной недѣли Великого поста и твой государевъ посланникъ посоху Ив. Кобякову отдалъ всю сполна 150 чел. и Ив. Кобяковъ посоху ропустилъ, а лѣсу, государь, посоха на городъ мало возила Да прїѣзжалъ государь на Воронежъ съ твоею государевою грамотою Широкой Муромцевъ для своихъ *бѣглыхъ крестьянъ*, Понкратка Шишлова да Тимошка Мож-

ринова. И Понкратка, государь, Шишловъ на Воронежѣ *старой* казакъ, и отдалъ мнѣ его въ списку служилымъ козаки Козаринъ Крюковъ прошлого 101 году, а Тимошка, государь, Можариновъ написался въ твою государеву службу . . . въ прошломъ 101 году, а сказываютъ, государь, что жили за Широкимъ два года *не на пашни* . . . сказали, что въ ихъ дворахъ за Широкимъ жильцы остались . . . “ (Изъ отписки Б. Хрущева. Ibidem.)

„...Черкасы, стоячи въ стрѣлцкой слободѣ, *корчмы* у себя медвенны держуть . . . у Коптева Гришки меду сыченого пудъ съ пять вынесли . . . “ (изъ отписки Кобякова. Ibid.)

27 Сент. „ . . . и тыбъ тѣмъ плотникомъ и которые съ Воронежа не бѣгали далъ для ихъ нужи изъ *Воронежскихъ доходовъ* по полуполтинѣ человѣку да на 5 человѣкъ по 2 чети муки да по полусосьминѣ крупъ, по полусосьминѣ толокна человѣку“ (изъ грамоты царя Ѳедора Иоанновича князю Василью Щетинину. Ibidem.)

„ . . . Борисъ же, государь, Хрущовъ отпускаетъ тѣхъ козаковъ по твоимъ государевымъ вотчинамъ по бортникамъ . . . и тѣ, государь, козаки и черкасы, ѣздячи по бортничьимъ вотчинамъ, бортниковъ грабятъ и меду дерутъ и лошади емяютъ и за тѣми, государь, черкасы и козаки бортники прѣзжаютъ на Воронежъ бити челомъ (изъ отписки Воронеж. казак. сотниковъ Сыдавнаго Марина съ товарищи. Ibidem.)

„ и стрѣльцы которыхъ я выбралъ на твою государеву службу подъ Азовъ съ твоимъ государевымъ посланникомъ з Даниломъ Исленьевымъ да съ Турскимъ Чаушомъ, и тѣхъ лучшихъ стрѣльцовъ оставилъ Ив. Кобяковъ, а ималъ у нихъ наймитовъ и на *поля* тѣхъ стрѣльцовъ отпускаетъ Ив. Кобяковъ и на рыбную ловлю и на звѣри ночью и на Русь“ (Изъ отписки стрѣлцаго головы Арсеньева. Ibidem.)

„Сотники, государя, Кондрать Жаворонковъ да Сыдавный Маринъ со мною, холопомъ твоимъ, на твоей государственъ службѣ на Воронежѣ не живутъ, а живутъ государь *въ себя*, по домамъ *въ деревняхъ*, а съѣхавъ, государь, . . . съ Воронежа С. Маринъ у себя *въ деревни* годовалъ и сотникъ, государь, Михайло Спыльный напившись пьянъ, застрѣлилъ изъ пищали Воронежскаго *торговаго* человѣка Коншею Подсѣкина и платья, государь, на немъ изъ пищали пробилъ и тѣла занелъ и я писалъ на сотникѣ къ государю не однажды, что они на твоей государственъ службѣ на Воронежѣ не живутъ а живутъ, государь, *въ себя, въ деревни*...“ (Изъ отписки Б. Хрущева. Ibidem.)

Сентября 9. „По государеву цареву и В. К. Ѳедора Ивановича всеа Русіи указу, память дьяку Василью Щелканову: Въ прошломъ во девяносто третемъ году били челомъ государю Резанского уѣзду села Ворищъ бортники Демка Айдаровъ сынъ Панинъ да Игнатко Ииютинъ сынъ Кочапинъ да Ивашко Алексѣевъ сынъ Ларивоновъ, а сказали: были де за ними на оброкѣ въ Резанскомъ уѣздѣ бортныя ухожи и рыбныя ловли и тѣ де ихъ бортныя ухожи и рыбныя ловли отписаны къ новому городу къ Воронежу и тѣмъ ихъ угоды Воронежскіе жильцы владѣти имъ нынѣ не дадутъ и впередъ де имъ оброку добывати негдѣ, а нынѣ на нихъ того оброку правятъ. и дьяку Василью Щелканову велѣти выписать изъ книгъ: тѣ бортныя ухожи и рыбныя ловли, которыя въ сей памяти писаны, къ городу къ Воронежу отписаны ли? И будетъ отписаны, и кому онѣ на оброкъ даны ли? И будетъ даны, и что съ нихъ велѣно оброку платити? И на колко верстъ около города Воронежа, Воронежскимъ всякимъ жильцомъ всякихъ угодей дано владѣти и по которыя урочища; да то выпись прислати ему въ Приказъ Большого Дворца къ боярину и къ дворецкому къ Гр. Вас. Годунову, за своею приписью, для справки медвенныхъ и денежныхъ оброкъ (Ibidem).

Сентября 11. „...Принесъ трубникъ Захаръ Звягинъ всего 16 пудъ съ полупудомъ (меду?) а денегъ 2 рубли 30 алтынъ; скавалъ воронежскій казакъ Рудачко: „дано имъ за половину жалованья ухажавъ по Воронежу вверхъ верстъ съ 30 по рѣчку Излегощъ, а тѣ ухожаи въ томъ мѣстѣ есть рѣчка Усианъ, отъ Воронежа верстъ съ десять, а по Дону вверхъ до Кривого Вору, а внизъ до Коросани.“ (Ibidem.)

1604. „А съ 112 г., какъ почела быть отъ Ростриги смута, и на Ельцѣ съ того межусобья по 124 г. государевы десятинные пашни не пахали за войною и за смутю.“ (Опис. Док. и бум. Моск. Арх. М. Ю., кн. 4., стр. 364).

1613. Заруцкій повоевалъ села и вотчины: (Писц. кн. 1615 г.).

1615. „Во 123-мъ году прислана государева грамота на Воронежъ къ воеводѣ ко князю Никитѣ Воротинскому, велѣно тѣ (всѣ откупныя) вотчины вѣдать и отдавать ему князю Никитѣ“ (Писц. кн. В., 614. Арх. Мин. Юст.)

1616. Изъ грамоты царя Михаила Ѳедоровича Ворон. воевод. В. Провскому и А. Лодыгину: „велено игумену Ѳеодосію съ братією въ руги мѣсто, собирать съ вотчинъ проходную и мытную, пристанную и съ рыбы и всякаго звѣря пошлину и перевозъ, буде тѣ пошлины собираютъ откупщики безъ указу. (Матер. по Ист. Вор. и сосѣд. Губ. т. I., № 8, 1887., изд. авт.).

— Въ Ельцѣ въ 124 г., на 100 д. взято ржи 200 чети, ужато 582 копны, а по опыту умоту 1124 чети съ осьминою въ московскую мѣру. (Ibidem).

1617. Изъ другой грамоты, по челобитію игумена Θεодосія: „вельно на ослушникахъ, которые игумену Θεодосію съ братією пошлинъ имать и платить не учнутъ,—имать заповѣди по указу и отдавать игумену съ братією.“ (Ibidem).

— Въ 125 г. на (тѣхъ же) 100 д. высѣяно 200 чети ржи; на другихъ 100 д. посѣяно 400 чети овса, ужато 430 копень, а по опыту умоту 831 четверть съ полусминою. (Ibidem).

1618. Во 126 г. на тѣхъ же 100 д. вновь высѣяно 400 же четвертей овса. (Ibid).

1619. „Сколько у нихъ на Воронежѣ таможенной голова К. Мартыяновъ съ товарищи собралъ было насильствомъ пошлинъ на 127-й годъ, и то вельно игумену Θεодосію съ братією отдати. (Ibidem.)

— Въ 127 г. Государевой десятиной пашня на 100 десятинныхъ посѣяно 200 чети ржи и на 100 десятинныхъ 300 чети овса. (Ibid).

1620. Изъ грамоты осадному головѣ П. Шишкину: „Игумену Θεодосію съ братією на р. Дону вотчиннымъ проходомъ и мытомъ въ руги мѣсто вельно владѣти по прежнимъ грамотамъ. (Ibidem.)

1622. „Середкой и Битюцкой ухожен сданы въ откупъ изъ Разряду за 31 руб.“ (Акты изд. Второвымъ, кн. III, стр. 13).

1623. „Во 131-мъ году, на Воронажѣ, кобакъ и томга даны въ откупъ крестьянину Савинскія слободки, что на Москвѣ, Левкѣ Кострикину на полтора года и на одиннадцать день откупу и цѣлой годъ старого, 1035 рублевъ, 11 алт., 5 денегъ да наддачи 231 рубль. (Мат. по ист. Вор. и сосѣд. руб. Т. I, изд. авт.)

— „Тѣже ухожен сданы за 54 р. 18 алт. 4 1/2 д. (Ibidem.)

— „И во 131-мъ году откупщику Л. Кострикину, противъ его челобитья, дана таможенная уставная грамота съ Курскія Уставныя грамоты 128 года, а мытная пошлина написана въ уставную грамоту съ уставныя грамоты Коломенской, а собирать вельно мытными пошлинами противъ Коломенской (Ibidem.)

1624. „Тѣже ухожен сданы за 56 р. 32 алт. 1 1/2 д. И билъ челомъ прежней откупщикъ Гришка Побѣжимовъ: „онъ де, Гриша, въ томъ ухोजе по нашей откупной грамотѣ рыбу ловилъ по прежнему и какъ де онъ, Гриша, ѣхалъ съ рыбной ловли и тѣ

де казаки (новые откупщики) его били и грабили, а взяли грабежомъ рыбы: 103 *сазана*, да *щукъ* и *лещей* и всякія рыбы 10 возовъ да 25 *куницъ*, да 25 *лисицъ*. (Ibid.)

„Во 131-мъ и во 132-мъ году на Воронежѣ варилъ селитру селитреной мастеръ Матусъ Лазовскій изъ кургановъ; для чего выдано на расходъ изъ кабацкихъ и таможенныхъ доходовъ 200 рублей, и они (воеводы) прислали къ Москвѣ 49 пудъ и 30 гривенокъ. А какъ онъ, Матусъ, опытъ сварилъ, и онъ сказалъ, что будетъ де варенья изъ тѣхъ кургановъ три лѣта, а селитры часть выварить пудъ съ 500. (Второвъ, кн. I, стр. 127).

1625. „А тѣмъ дѣтемъ боярскимъ, на чьей хто земли сколько ржи сѣялъ, велѣли дать на землю *стмена* по указу (Второвъ, кн. I, стр. 148).

Грамота Михаила Ѳеодоровича о выдѣлѣ на новопожалованное помѣстье *стмянъ* изъ житницъ прежняго помѣщика (Ibidem. 162).

„а 170 чети овса (на Валуикѣ) не приняли, что тотъ овесъ худъ и гнилъ, въ запасы ни пригодится . . . и какъ къ вамъ ся Наша грамота придетъ, и выбѣ къ намъ тотчасъ отписали, какими обычая и сколь давно таковъ худой овесъ на Воронежѣ за *десятинную пашню* взять и много ли нынѣ такого худого овса на Воронежѣ въ нашихъ житницахъ?....“ ((Ibidem. кн. II, стр. 22—23).

„На Воронежѣ кобакъ и тамга на нынѣшней 133-й годъ въ откупъ, . . . а въ откупной грамотѣ у откупщика написано: . . . велѣно беречь накрѣнко, чтобы опричь кобака никакого питья на продажу никто не держалъ, . . . а кому будетъ *про себя* хеду поставить или пиво сварить и брагу пьяную сдѣлать, и они бѣ являлись на кобакъ откупщику, а явки велѣно съ нихъ имать: съ меду—съ пуда, а съ пива—съ чети Московскія по алтыну, а съ браги съ пьяныя—по 2 деньги съ чети, а хто учнетъ на продажу корчемное питье держати и по тѣхъ людей на Воронежѣ и въ уѣздѣ *верстѣ по десяти* и болши посылати и . . . заповѣди имать по указу. (Втор. кн. II, стр. 38).

„Билъ Намъ челомъ Воронежецъ Прокофій Шипкинъ на . . . атамановъ, ихъ братью и крестьянъ, а сказалъ: „вотчина де за нимъ откупная Потуданской и Лысогорскій ухожен въ откупъ . . . а платить де онъ . . . по 39 рублей з гривною на годъ. И въ прошломъ 132 и нынѣшнемъ 133-мъ ту откупную вотчину пустошатъ другой годъ насильствомъ и украдомъ: *рыбу* ловятъ, *звѣря* бьютъ и *земль* дерутъ. (Ibid. 159).

„Въ нынѣшнемъ во 133-мъ году писалъ къ Намъ . . . Подыженской . . . въ роспросѣ ему сказали . . . въ осень передъ Покровомъ Святой Богородицы въ Роздорскомъ городкѣ было Донскихъ козаковъ 400 ч. и тѣ де козаки повѣтріемъ померли, только де осталось 7 чел. . . . а многіе люди сказывали что повѣтрея нѣтъ, . . . и выбъ Воронажскія заставы, которыя поставлены отъ Дону для береженья отъ морового повѣтрія, велѣли свести. (Втор. II, 26 — 29).

1626. „... А въ обыскѣхъ съ Воронажа обыскныхъ людей всего 132 чел. сказали . . . на рѣкѣ на Воронажѣ изъ Дону и изъ вотчинъ проходные и мытные и съ судовъ береговое пристанище и съ рыбы и съ звѣря и со всякого товару пошлина и перевозъ прежь сего *въ откупѣ не бывало*, а плачивали пошлины товару *въ таможи*, а со 124-го Успенского монастыря игуменъ Ѳеодосей ималъ мыто по царевой грамотѣ. Въ обыску же 465 чел. сказали: на Воронажѣ, на р. Дону, изъ вотчинъ проходная и мытная и съ судовъ пристанная и съ рыбы и со всякого звѣря пошлина и перевозъ, что во 124-мъ году дано съ Воронажа игумену Ѳеодосію съ братією въ руги мѣсто, въ откупѣ бывало за Московскимъ торговымъ человекомъ за Ѳ. Хамойниковымъ да за Воронежскими жильцы“ (Мат. по Ист. Ворон. и сос. губ. Т. I, изд. авт.)

1627. (Изъ челобитной Воронежскаго казака Д. Даншина) „побилъ де у него Микитка Усковъ *двадцать* свиней супоросныхъ да креша (хрѣка)“ (Ibidem. № 10).

1631. (Изъ грамоты воеводѣ, кн. С. П. Львову) „указали есмь съ Воронажа денежные Наши доходы: дворовой и лавочной оброкъ и съ рѣкѣ и съ лѣсовъ и съ угодей откупные и оброчные деньги . . . (Ibidem. № 13).

— (Изъ челобитной сына боярскаго Алтухова) „передъ Филипповымъ заговѣнемъ пожгли де у него крестьяне 7 стоговъ сѣна, а въ стогахъ де было *30 копенъ*. (Ibidem. № 14).

1639. (Изъ грамоты царя Михаила Ѳеодоровича воеводѣ Вельяминову) „и тыбъ тою рѣкою Усманью велѣлъ владѣти атаманомъ Сукочову съ товарищи съ Воронежскими помѣшники вопчѣ съ одного, потому что они въ нашу казну оброкъ платятъ вмѣстѣ, а *въ захватѣ ни кому и ни что бы ни владѣлъ*“. (Ibidem. № 16.)

— Поселены въ Воронежской уѣздѣ Черкасы: 2 атамана, 2 ясаула и 162 чел. пятидесятниковъ, десятниковъ и рядовыхъ, съ надѣленіемъ „для ихъ иноземства“ денежнымъ жалованьемъ и съ наказомъ: чтобы они Государю служили, Русь отъ бусурманъ оберегали, Государевымъ жалованьемъ въ своихъ слободахъ на вѣч-

ное житѣ строились и пашни пахали и хлѣбъ сѣяли. (Вор. Ак. II. 181).

1640. (Изъ грамотъ Михаила Ѳеодоровича Вельяминову) „и на томъ дикомъ полѣ велѣно переписать присады и урочища, а дикое поле измѣрить въ десятины, а десятину велѣно мѣрить вдлину по 80 сажень, а поперегъ по 30 с. и изверстать въ томъ дикомъ полѣ четвертную пашню гораздо, чтобъ ту четвертную пашню во всѣ три поля въ книги равно написать, а сѣнные покосы и лѣса пашенные и непашенные велѣно измѣрить въ десятины же. А гдѣ будутъ лѣса большіе, а мѣрить ихъ десятины нельзя, и тѣ лѣса велѣно писать выпрашивая, тутѣшнихъ и стороннихъ людей и самому смѣчать на крѣпко, сколько гдѣ какого пашеннаго и непашеннаго и бортного лѣсу *верстъ* или десятинъ и что рѣкъ и озеръ и рыбныхъ ловель и бобровыхъ гоновъ и бортовыхъ ухажевъ и спудей и перевѣсей...“ (Мат. по Ист. Ворон. и сос. губ. Т. I, изд. авт. № 18).

— (Изъ грамоты Михаила Ѳеодоровича воеводѣ Сонцову, по челобитью Рязанца Хирина) „бѣжалъ отъ него, Хирина, старинной его крестьянинъ съ женою и дѣтьми, а бѣгючи живутъ въ Воронежскомъ уѣздѣ, въ с. Излегощѣ за разными помѣщиками *переходя* и тыбѣ (Хирину) далъ пристава, а велѣлъ ему гдѣ истецъ укажетъ, тѣхъ бѣглыхъ людей съ понятими людьми вынать, *отричь* Нашихъ дворцовыхъ . . . патриаршихъ и митрополитч. (и архіерейскихъ?) вотчинъ и иноземцовъ помѣс(тій) (Ibidem. № 19).

— „И какъ къ тебѣ сея Наша грамота придетъ, и тыбѣ у Воронежскихъ у торговыхъ людей межъ ихъ лавокъ проѣзжихъ крестцовъ, для проѣзду и для береженья отъ пожарного времени, лавками и инымъ ничѣмъ занимать невелѣлъ, чтобъ утѣсненія не было, а по конецъ ихъ лавокъ велѣлъ Воронежцамъ *устроить мясной и рыбный рядъ* изъ оброку жъ, а оброкъ положилъ прииѣрся къ инымъ оброчнымъ мѣстамъ“ (Ibid. 60).

— Отправлены изъ Москвы на Воронежъ *судовые мастера* Логиновъ и Ивановъ, для постройки судовъ, а Воронежскому воеводѣ велѣно, какъ вода вскроется, отпустить на судахъ 5 т. четв. хлѣбныхъ запасовъ въ Азовъ, занятый въ то время Донскими казаками. (Вор. Ак. II. 182.)

1641. „Вилъ челомъ Воронежецъ посадской человекъ Ѳ. Кулешовъ на К. и Ѳ. Корчагинныхъ, а сказалъ: „какъ де онъ Ѳедька въ нынѣшнемъ во 149-мъ году ѣхалъ изъ за Донья съ покупнымъ медомъ и съ хмѣлемъ и тотъ де К. и Ѳ. . . грабежемъ взяли у него денегъ 150 рублей да 30 пудъ меду—

цѣна 27 руб. съ полтиною, меринъ сѣръ 7 л., цѣна 8 руб. съ полт. Сняли платья: зыпунъ лазоревъ цѣна 3 руб., кафтанъ шубной, цѣна 2 р.; пищаль—4 р., шапка съ пухожъ—1 р. 50 к., двѣ телеги, два хомута—3 р., всего на 209 рублей” (Мат. по Ист. Ворон. и сос. губ. Т. I, изд. авт. № 20.)

— „Билъ челомъ г. Щеголеватый—Макаровъ, а сказалъ: въ 148 г. былъ онъ, по указу, на заставѣ въ Ворон. уѣздѣ въ Боршевомъ монастырѣ, и Авг. въ 5 день пріѣхалъ снизу рѣкою Дономъ, на суднѣ, Рязского уѣзду полъ Безсонъ, а съ нимъ на суднѣ 7 чел. И онъ де Гришка тѣхъ людей и борошень ихъ и рыбу послалъ на Воронежъ къ (воеводѣ) Вельяминову и Вельяминовъ прислалъ на заставу В. Куликовского съ товарищи и они Безсона и гребцовъ и рухледь и рыбу съ судна взяли съ собою на Воронежъ. И нынѣ де въ той рухледи бьетъ челомъ на него, Гришу вдова Анница“. (Ibid. № 21).

— Грамота Михаила Ѳеодоровича воеводѣ Сонцову, о рознскѣ крестьянъ, бѣжавшихъ на Воронежъ въ 1611 году (Ibidem. № 22).

1643. „Билъ челомъ житной целовальникъ И. Микитинъ, а сказалъ на третій день послѣ Николина дня пришелъ де онъ къ стрѣльцу М. Чебетарю повѣщать для *житного* сбора и тотъ де . . . съ братомъ . . . грабежомъ у него взяли *сборныхъ* денегъ 75 рублей...“ (Ibidem. № 27).

1644. „Билъ челомъ Ворон. казакъ А. Гудковъ, а сказалъ: былъ де его шуринъ В. Банниковъ съ О. Сторожевнымъ на *зѣтриной* ловлѣ и тотъ де Оська его шурина Васку изъ пищали убилъ.“ (Ibidem. № 29).

1651. По осени сего года, на Донъ, въ бударахъ, для промысловъ и съ запасы, ходили небольшіе (немногіе) люди, и по зимнему пути изъ городовъ, съ солью и къ хлѣбомъ и со всякими товарами, на Воронежъ пріѣзду не было, потому что всякихъ чиновъ промышленные люди изъ городовъ, съ солью, хлѣбомъ и со всякими товарами, ѣздили въ новые города въ Сокольской, на Усмань, на Уривъ, на Коротоякъ, на Ольшанскъ; а городъ Воронежъ, передъ прежними лѣты, всемъ оскудалъ, и люди обнищали, и стало безлюдно, и на кабакахъ питуховъ стало мало, не противъ прежнего, и изъ Дону и изъ откупныхъ вотчинъ торговые и промышленные люди на Воронежъ никакихъ товаровъ не привозили, продавали всякіе товары въ новомъ городѣ Коротоякъ безпошлинно, таможенные пошлины сбирато было не съ чего, всякіе промыслы отстали къ городу Коротояку (Вор. Ак. III. 33.)

— „Били Намъ челомъ Воронежцы В. Михневъ да Ѳ. Филиповъ: въ прошломъ де во 158 году дана имъ на откупъ рѣчка Икорецъ со всеми угодья *безъ перекупки*, а въ нынѣшнемъ во

160-мъ году та рѣчка Икорецъ отдана въ откупъ Воронежцу М. Прибыткову *изъ наддачи*, и Намъ бы ихъ пожаловать велѣть р. Икорецъ дати имъ въ откупъ *изъ наддачи безъ перекупки*“ (Втор. Кн. II, стр. 27).

..... Въ разрядѣ въ окладной въ приходной книгѣ нѣнѣшнего 160-го году написано: въ Воронежскомъ уѣздѣ юртъ Бѣлозатонской въ откупѣ Алексѣевского монастыря за игуменемъ Павломъ; откупѣ на немъ на 159 г. взято 20 р. 20 а. 2 д. И нынѣ билъ Намъ челомъ Воронежецъ Ѳ. Филиповъ: тотъ де игуменъ Павелъ умеръ, а нынѣ де юртомъ владѣеть тогожъ монастыря строитель старецъ Іона, и тотъ де строитель Іона никакого монастырскаго строенія не строить, безпрестанни пьеть и отъ его де безпрестанного пята монастырь оскудѣлъ, братья, вкладчики и бобыли—все разбрелись И по нашему указу тотъ юртъ Бѣлозатонской данъ въ окупъ Воронежцу Ѳ. Филипову на три годы *безъ перекупки*, а откупѣ велѣно ему платить съ новою наддачею по 23 р. на годъ. (Втор. кн. III, 28).

1652. Учрежденъ на Воронежѣ кружечный дворъ съ продажнымъ виномъ, и oprичъ того двора, на Воронежѣ и въ уѣздѣ, кабакамъ и винокурнямъ быть не велѣно (Вор. Ак. III. 18.)

Въ августѣ приходили къ Усманскимъ крѣпостямъ Татары, раскопали валъ, пришли на Усманскія городскія поля и людей побили и въ полонъ поимали, и стада конскіе и животинные отогнали (Вор. Ак. I. 54, II. 133.)

Воевода Ѳеодоръ Юрьев. Арсеневъ устроилъ на Острогожскомъ городищѣ новый Острогожскій острогъ; а въ томъ острогѣ устроилъ, на вѣчное житье, нововыѣзжихъ Черкасъ: Полковника Ивана Дзинковскаго, обознаго Исаря, сотниковъ, ясуловъ, знаменщиковъ, поповъ и рядовыхъ, 1000 чел., дворами, гумнами, пашенною, подгородною и отъѣзжею землею, сѣнными покосами и всякими угодами. (Острог. Ак., вып. V, изд. нами.)

„Воронежскихъ таможенныхъ и кабацкихъ доходовъ велѣно собрать противъ прошлаго 158 году 1765 рублей полчетверты деньги, а голова Петръ Толмачовъ и цѣловальники въ 159-мъ году собрали 1397 рублей 2 алт. полпята деньги, . . . недобрали 367 руб. 31 алт. съ деньгою, и тѣ недоборные деньги на Толмачовъ велѣно доправить. И Толмачовъ билъ челомъ, что „въ прошломъ-де въ 159-мъ году по осени на Донъ въ бударахъ для промысловъ и съ запасы ходили не большіе люди и съ Воронажскаго кабака вина не имали, и по зимнему пути изъ городовъ съ солью и съ хлѣбомъ и со всякими товары на Воронежъ пріѣзду не было, потому что всякихъ чиновъ промышлен-

ные люди . . . ѣздятъ для промысловъ мимо Ворожа въ новыя города: въ Сокольской, на Усмань, на Урюкъ, на Коротоякъ, на Олшанскъ, а городъ де Ворожа предъ прежними лѣтъ всѣмъ оскудалъ . . . и съ Дону и изъ откупныхъ вотчинъ торговые и промышленные люди на Ворожа никакихъ товаровъ не привозятъ *для таможенныхъ пошлинъ*, продаютъ всякіе товары въ новомъ городѣ на Коротоякъ *безпошлинно* . . . всякіе промыслы отстали . . . (Ibid. кн. III, стр. 32).

— „Въ городѣхъ и въ уѣздехъ, въ помѣстьяхъ и вотчинахъ и по дорогамъ кобакамъ и винокуренымъ поварнямъ нигдѣ быть не велѣно, опричь тѣхъ поваренъ, на которыхъ поварняхъ, по Нашему указу, *сидятъ подрядно* вино уговорщики къ Москвѣ на Отдаточнои дворъ и въ города на кружечные дворы . . . и ты бѣ на Ворожа . . . сю Нашу грамоту у Приказныхъ Избы велѣлъ прочесть и биричемъ въ торговые дни велѣлъ прокликати не по одинъ день, что по Нашему указу велѣно на Ворожа быть *одному кружечному двору* съ продажнымъ виномъ, а опричь кружечного двора на Воронежъ и . . . и въ селехъ и деревняхъ кобакомъ и винокурнямъ быть не велѣно и вина на продажу никому николи не держать.“ (Ibid. кн. III, стр. 18.)

1655. „Писали къ Намъ изъ Асторохани . . . князь Пронскій съ товарищи, что де волею Божію учинилось моровое повѣтріе. И какъ къ тебѣ ся Наша грамота придетъ, и тыбѣ велѣлъ по Воронежской чертѣ, съ степную сторону, учинити заставы крѣпкія...“ Акт. изд. авторомъ, вып. III).

1658. (Изъ грамоты Алексѣя Михайловича Ворон. воеводѣ) . . . уѣзднымъ людямъ велѣлъ сказывать, чтобъ они, по нынѣшнимъ вѣстямъ, съ женами и съ дѣтьми однолично бѣжали всѣ въ городъ на сѣхъ, а которые . . . въ городъ въ осаду вскорѣ не пойдутъ, а только ихъ воинскіе люди въ уѣздѣ побьютъ и въ полонъ поемлютъ, и то разоренье и полонское терпѣніе будетъ имъ самимъ отъ себя“ (Ibidem. № 42).

1659. Приходилъ на Воронежъ Крымскій Ханъ съ Крымскими людьми и съ Черкасы, и у Воронежскихъ ямщиковъ, въ гонбѣ и стадѣ, Татарова поимали гонѣбныя лошади; въ то же время Татаре Корочунскій монастырь разорили безъ остатку и выжгли, строителя взяли въ полонъ, а братью всѣхъ и крестьянъ поскли, а иныхъ крестьянъ, и женъ и дѣтей ихъ, побрали въ полонъ, а уходцевъ, крестьянъ и дѣтей, только осталось 7 чел., и тѣ одинакіе. (Вор. Ак. II. 23, 144, 145.)

— Велѣно Воронежскому воеводѣ послать въ с. Тарбѣево Козловскаго уѣзда, на пристань р. Дѣснаго Воронежа, струговныхъ

и якорныхъ мастеровъ, которые умѣютъ струги и якори на морской ходъ Донскимъ казакамъ дѣлать, и плотниковъ, и кузнецовъ, и работныхъ людей, сколько надобно. (Вор. Ак. III. 58.)

1660. Велѣно стольникамъ и воеводамъ Симеону и Ивану Хитрово, съ двумя полками солдатъ и шестью приказами стрѣльцовъ, отправиться изъ г. Козлова на судахъ, тамъ устроенныхъ, на Государеву службу, на Донъ и, на пути, взять въ Воронежѣ хлѣбные запасы, которые были въ остаткѣ за отпускомъ донскихъ казаковъ. (Вор. Ак. III. 59.)

„ . . . пожаловали Мы, В. Г., ямскихъ денегъ на нынѣшней на 169 годъ до 170 году *съ сошныхъ* людей имать не велѣли“ (Мат. по Ист. Ворон. и сос. губ. Т. I, изд. авт. № 46).

1664. „Витюцкій и Середскій ухажей отдавъ былъ въ откупъ Воронежцу Московкину за 95 руб. (Второвъ, кн. III, прим. на стр. 16).

„ . . . посланы Наши, В. Г., *многіе* грамоты на Воронежъ къ *прежнимъ* воеводамъ . . . а велѣно указные товары прошлыхъ лѣтъ и 170-го году поташъ, смалчюгу, пенки и юети, соболи, сало говяжье съ Воронежа и съ уѣзда выслать все на Вологду . . . и тыбъ указные товары *прошлыхъ* лѣтъ и 170-го года выслалъ все на Вологду нынѣшнимъ лѣтнимъ путемъ, чтобъ на нынѣшнюю городскую ярмонку поспѣли . . .“ (Ibid. кн. III, стр. 69).

„И тыбъ въ Воронежѣ и уѣздѣ велѣлъ кликати биричомъ по многіе дни, чтобъ Воронежскіе таможеню и кабакъ на 173 годъ хто взялъ на откупъ изъ наддачи а будь тое таможни и кабака ко 173-му году на откупъ ни хто не возметъ, и тыбъ тое таможеню и кабакъ во 173-мъ году велѣлъ вѣдать на Насъ, В. Г., на вѣрѣ вѣрнымъ головъ и цѣловальникамъ, какъ и въ нынѣшнемъ году.“ (Ibid. III, стр. 75).

1668. „ . . . (хлѣбъ) не возять, надѣясь на тѣ свои хлѣбныя кладѣи, которыя у нихъ по лѣсамъ, на станѣхъ а въ городѣхъ въ осадное время отъ того ихъ непослушанья бываетъ малолюдство и хлѣбными запасы скудно . . . и Мы, В. Г., указали, которой немолоченной всякой хлѣбъ въ Воронежскомъ и въ иныхъ Украинныхъ и Польскихъ городовъ въ уѣздехъ у всякихъ людей по гумнамъ и по полямъ, на пашенныхъ земляхъ и въ лѣсахъ по дубровамъ въ кладѣхъ не молочень, и тотъ хлѣбъ молотить и въ городѣ возить тѣмъ людямъ, чей тотъ хлѣбъ. . . . А у которыхъ у градцкихъ и у уѣздныхъ людей на Воронежѣ въ городѣ хлѣбныхъ житницъ и анбаровъ нѣтъ, и они бѣ на тѣ хлѣбныя запасы устроили бы себѣ житницы и анбары или бѣ

тотъ хлѣбъ сыпали у знакомцевъ своихъ и у друзей. . . . А которыми по самой послѣдней мѣрѣ, въ городъ всего своего хлѣба перевозить, за множествомъ, немочно, и они бѣ тѣ свои хлѣбные запасы сыпали въ ямы, гдѣ кому пристойно, чтобъ одновременно у нихъ въ селѣхъ и въ деревняхъ по гумномъ и по полямъ и по лѣсамъ на станѣхъ не молоченого хлѣба въ кладѣхъ воинскіе люди не пожгли“ (Изъ гр. Царя Алекс. Мих. воеводѣ Ромодан. Мат. по Ист. Ворон. и сос. губ. Т. I, изд. авт. № 50).

1668. „Въ нынѣшнемъ во 177-мъ году, октября въ 15 день прислана Твоя, В. Г., (п. т.) грамота изъ Розряду на Коротоякъ къ Ив. Палицину: велѣно ему Ивану писать по Чертѣ и за Черту въ города, къ воеводамъ и къ приказнымъ людямъ, чтобъ донскихъ казаковъ и торговыхъ людей съ Дону въ Украинные города, въ Черту, не пропускать и съ ними не сѣзжатца и ничего у нихъ не покупать и даромъ не имать, никакими мѣры, потому что на Дону, Государь, *на людей завѣтрѣло*. А запасы велѣно имъ давать хлѣбные и сѣнные, чѣмъ бы имъ мочно быть снѣнымъ, и то все велѣно писать въ книги именно и ко мнѣ, холопу Твоему, Твоего, В. Г., указу и отъ воеводъ изъ городовъ отписакъ на Волуйку, прежь прїѣзду донскихъ казаковъ, не писано, что на люди позавѣтрѣло. А (прибывшіе ранѣе до указа на Валуйку) жилецъ, Государь, Герасимъ Евдокимовъ и донскіе казаки на Валуйкѣ въ роспросѣ сказали, что на Дону де въ Валуйкѣ, милости Божію и Твоимъ, В. Г., счастьемъ, далъ Богъ здорова, морового повѣтрея на людей, октября по 12 число нынѣшняго 177-го году, небывало. И я, холопъ Твой, тѣмъ жильцу Г. Евдокимову и донскимъ козакамъ велѣлъ быть на Волуйки на тѣхъ же дворехъ, на которыхъ поставлены, до Твоего, В. Г., указу и поставилъ у нихъ крѣпкіе караулы и на поляхъ учинилъ я, холопъ Твой, у причинныхъ мѣстехъ заставы, чтобъ впредь съ Дону никто въ Украинные города мимо Валуйки не прошелъ; а запасу я, холопъ Твой, жильцу Г. Евдокимову и донскимъ казакамъ выдалъ до указу изъ Твоихъ *государевыхъ житницъ*; и о томъ мнѣ холопу своему, что Ты, В. Г., укажешь?..“ (Изъ отписки Валуйскаго воеводы. Ив. Познякова царю Алексію Михайловичу, Архив. дѣл. Стат. Ком.)

1669. Городамъ Острогожскаго полка, за оказанную Черкасами сего полка вѣрность во время Черкасскихъ смутъ, предоставлено право безоброчнаго и безъявочнаго шинкованія винемъ, пивомъ и медомъ. (*) (Жалов. грамота Острогожскому полку 7178 г. сентября 11 дня).

(*) Привиллегія эта, съ присоединеніемъ права безоброчнаго пользованія нѣкоторыми земляными угольями, была подтверждаема въ послѣдствіи жалованными грамотами 7 марта 1672 г., 8 февраля 1678, 28 февраля 1770 и 22 ноября 1743 г.

1670. „Вѣдомо Намъ, В. Г., учинилось, что стольники и страп-
чѣ и дворяне Московскіе и жильцы и городовые дворяне и дѣ-
ти боярскіе и всякихъ чиновъ служилые люди владѣютъ вотчи-
нами по купчимъ, и по закладнымъ и по ряднымъ и по данымъ,
не записалъ за собою въ Помѣсномъ Приказѣ. И нынѣ Мы, В.
Г., указами тѣ вотчины, которыми они не записавъ вла-
дѣютъ по купчимъ и по закладнымъ и по ряднымъ и по данымъ
—записывать Іюня съ 21 числа нынѣшняго 178-го году впредь
до году до такова жъ числа. А будетъ хто . . . не запишетъ,
и тѣ вотчины указали Мы, В. Г., отписывать на насъ, а тѣ
крѣпости—не въ крѣпости . . .“ (Втор. III, стр. 142).

— „. . . . и торговне бѣ люди ни съ какими товары и съ
хлѣбными и съ *сѣстными* запасы и съ инымъ ни съ чѣмъ
на Донѣ никто не ѣздили, покаместо отъ его, Стенкина воров-
ства Донѣ очистила . . .“ (Мат. по Ист. Ворон. и сос. губ. Т.
I, изд. авт. № 51).

— Велѣно Воронежскому воеводѣ, у Донскихъ станичниковъ,
которые учнутъ прїѣзжать на Воронежъ осматривать: не объявят-
ся ли у нихъ, сверхъ Донскихъ казаковъ, бѣгле холопы, или
ниже какіе люди, и такихъ людей имать и сажать въ тюрьму;
въ уѣздѣ же, по селамъ и деревнямъ, учинить приказъ: никакихъ
людей безъ проѣзжихъ не пропускать. (Вор. Ак. II. 151.)

1671. „. . . Вѣдомо Намъ, В. Г. учинилось, что на Воронежѣ
всякихъ чиновъ *люди многіе* умѣютъ строить *копченую* и *вя-
лую* рыбу, а та рыба бываетъ и *впредь прочна гораздо* . . .
и тыбъ на Воронежѣ выбралъ къ тому рыбному строенью знаю-
щаго человѣка и велѣлъ сдѣлать копченой и валой рыбы сколь-
ко доведетца . . . А выбравъ рыбака и построя рыбу и запе-
чатавъ въ чемъ пристойно, прислалъ къ Намъ . . . А сколько
какой рыбы послано будетъ и во что та рыба станеть, о томъ
отписать, а отписку . . . рыбака и рыбу объявить Приказу
Нашихъ Тайныхъ Дѣлъ....“ (Мат. по Ист. Ворон. и сос. губ.
Т. I, изд. авт. № 57.)

— „Въ нынѣшнемъ во 179-мъ году писалъ еси къ Намъ,
В. Г., что собралъ ты съ Воронежцовъ со всякихъ чиновъ людей
за десятинную пашню посопнаго хлѣба и устроилъ въ жит-
ницы изъ *доимки* на 177 и 178 годы и на 179 г. всего
собрано ржи 976 чети, овса тожъ; обоего—1955 чети, а *по
окладу* донять на Воронежцовъ . . . посопнаго хлѣба ржи 812
чети, овса тожъ . . .“ (Втор. III, стр. 172).

1672. Писалъ съ Усмони Гр. Спѣшневъ: „Воронежцы де всякихъ
чиновъ люди переѣзжаютъ черезъ рубежъ, въ Усмонскую сторо-
рону, за рѣку Воронежъ безпрестанно и Усмонскіе лѣса рубятъ
и пустошатъ и живутъ въ тѣхъ лѣсахъ многое время и всякія
издѣлья дѣлаютъ и дороги и стежки съ степи накладываютъ и

на степь проѣзжаютъ и въ лѣсахъ огни кладутъ и пожары пу-
щаютъ..." (Изъ грамоты Алекс. Мих. воеводѣ Самарину. Мат.
Т. I, изд. авт. № 26).

— Грам. Алекс. Мих. воеводѣ Самарину, велѣно „Воронеж-
ского уѣзду съ Битюцкого и Серецкого ухажья оброчныя день-
ги 355 р., 16 алт., 4 д., да меду 20 пудъ допра-
вить" (Ibid. № 65).

— „Мы, В. Г., указали Московскимъ стрѣльцомъ
на жалованье собрать съ Нашихъ, В. Г., дворцовыхъ селъ и съ
патріаршихъ, и съ архіерейскихъ, и съ монастырскихъ, и съ цер-
ковныхъ, и съ помѣщичьихъ, и съ вотчинниковыхъ крестьянъ
передъ прежнимъ съ прибавкою съ живущіе чети сошнаго письма.

Съ нашихъ, В. Г., *дворцовыхъ* селъ — стараго по осьминѣ
безъ полчетверика да прибавочнаго по двѣ чети безъ четверика
и безъ полъ-получетверика ржи, овса по тому жъ, всего по двѣ
чети съ полуосминою и по полъ-получетверику ржи; овса по то-
му жъ.

Съ *патріаршихъ* и со архіерейскихъ и съ монастырскихъ
вотчинъ, — стараго по двѣ чети съ третникомъ, да прибавочнаго
по двѣ чети безъ четверика и безъ полъ-получетверика, всего
по четыре чети и по получетверику и по полъ-полутретнику и
полъ-получетверику ржи; овса по тому жъ.

Съ *помѣстныхъ* и съ *вотчинныхъ* земель, . . . стараго
по двѣ чети безъ полуосмины да прибавочнаго по двѣ чети безъ
четверика и безъ полъ-получетверика, всего по три чети съ ос-
миною и по получетверику и по полъ-получетверику ржи; овса
по тому жъ.

А которой хлѣбъ иманъ напередъ сего съ *посадовъ*, и
нынѣ того хлѣба и житничныхъ денегъ не имать, а имать съ
нихъ деньгами: за четверть ржи да за четверть овса, по два руб-
ли за юоть, для того что они (стрѣльцы) *люди торговые, а*
не пашенные и никогда въ городѣхъ воеводы хлѣба съ по-
садскихъ людей не собираютъ, а собираютъ деньгами, *дорогою*
цѣною и присылаютъ къ Москвѣ съ выборными цѣловальники
тѣхъ городовъ, а они пріѣдутъ къ Москвѣ, дадутъ тѣ деньги
подрядчикамъ, а подрядчики емлютъ на нихъ за тотъ хлѣбъ и
свыше сборныхъ денегъ дорогою цѣною и отъ того себѣ чинятъ
великія прибыли, а посадскимъ людямъ въ тѣхъ подрядѣхъ ве-
λικое утѣсненіе и убытки. А иные уговорщики, взявъ деньги,
не давъ по себѣ добрыхъ порукъ, проподаютъ и бѣдняютъ и
вмѣсто тѣхъ подрядчиковъ, другой хлѣбъ правятъ на посадѣхъ
же. Да изъ тѣхъ же денегъ и сборщики и посадскіе люди, ко-
торые ѣздятъ къ Москвѣ съ тѣми деньгами, користуютца жъ и
на всякіе жъ свои харчи держатъ изъ тѣхъ же денегъ по со-
вѣту съ уговорщиками, хотя, гдѣ мочно и дешевле подрядить на

хлѣбъ, а они для своей корысти давали уговорщикомъ дорогую цѣну, и тѣ деньги у посадовъ межъ уговорщиковъ и челобитчиковъ пропадаютъ, *а безъ подрядчиковъ имъ хлѣба взять негдѣ*. А подрядчики, взявъ тѣ деньги, хлѣбъ покупаютъ на Москвѣ жъ, съ воровъ и съ судовъ, *а не въ Украинныхъ городѣхъ*, и отъ тѣхъ подрядчиковъ въ закупѣ хлѣба на Москвѣ цѣна на хлѣбъ прибываетъ и всего Нашего государства людямъ отъ того утѣсненіе и убытки. И тому впредь отнюдь не быть, чтобъ отъ того въ посадѣхъ тягости, а на Москвѣ на хлѣбъ дорогія цѣны и *бѣднымъ людямъ утѣсненіе* не было...“ Изъ грам. Алекс. Михайл. Ворон. воеводѣ М. Ѳ. Самарину, Ibid. № 66).

— „... Бѣлгородцаго полку въ городѣхъ воеводы Наши и приказные люди изъ Рязанскихъ и изъ Украинныхъ и изъ Запечерскихъ и изъ Замосковныхъ городовъ служилыхъ и посадцкихъ людей, которые покиня прежніи свои службы и тягло, сбѣжали и холопей и крестьянъ бѣглыхъ же принимаютъ и пишутъ ихъ въ службу и втягло . . . самовольствомъ для . . . многихъ взятковъ . . . и тыбъ . . . ихъ отнюдь не принималъ и въ службу не писалъ и помѣстными и денежными оклады не версталъ *и на усадбу и на пашню земель* имъ не давалъ, которыми дѣлы, чтобъ тѣмъ . . . ни какіе люди отъ службъ и отъ тегла, бѣглецы люди и крестьяне отъ холопства и отъ крестьянства не отбывали...“ (Ibid). 7,

1673. „... и какъ къ тебѣ ся Наша, В. Г., грамота придетъ, и ты бъ на Воронежѣ или гдѣ въ иныхъ мѣстѣхъ купишь *вялой* же рыбы, 500 сомовъ, 1000 сазановъ, а на тое покупку деньги далъ изъ тамошнихъ доходовъ, какіе есть въ сборѣ. А въ какую цѣну та рыба будетъ куплена, о томъ къ Намъ, В. Г., отписалъ и *прежней* и нынѣшней покупкеъ рыбу и *Воронежца* Емельку Синиченка прислалъ безъ мотчанья“ (Ibid. № 67).

— Государево жалованье помѣсье, жеребей села Ряднаго 38 чети, продано въ вотчину Воронежцу И. Юрьеву по 1 р. за четь. (Матер. Т. I., изд. нами № 149).

— „... писалъ къ Намъ, В. Г., изъ Верхососенского И. Секіотовъ: Іюня жъ де въ 13 числѣ, въ 11 часу дни, приходили подъ Верхососенской воинскіе люди Татарова, съ 500 чловѣкъ и болши, черезъ Ново-Осколской Прогорѣлой валъ, и у Верхососенцевъ всякихъ чиновъ людей конскія и животинныя стада отогнали и пастуховъ поймали въ полонъ...“ (Ibid. № 72).

1674. По донесенію Валуйскаго воеводы Баскакова, что Валуйчанамъ, требуемаго съ нихъ въ Бѣлгородъ на 1667, 1668 и 1669 г., доимочнаго хлѣба, ржи и овса, по 3 полуосмины съ

двора, заплатить не чѣмъ, хлѣбъ не родится, сами ѣдятъ, съ мякиною мѣшаючи, племъ и жолуди, племковые кнюки, и отъ голоду Валуичане бредутъ съ Валуики въ разные города для прокормленія, — велѣно дать бѣднымъ жителямъ г. Валуекъ, въ займы, хлѣбъ изъ государевыхъ житницъ, а доимочный хлѣбъ, для ихъ бѣдности, хлѣбнаго недороду и частныхъ Татарскихъ приходовъ, съ нихъ не править. (Ш. Соб. Зак. 1. № 577.

— „Меринъ чубарь, 8 лѣтъ — данъ 5 руб.; меринъ рыжъ, 6 лѣтъ, правая уха порота, данъ 6 руб. (Арх. дѣл. Стат. Ком.)

— „По грамотѣ В. Г., велѣно на Воронежѣ въ Донской отпущъ изъ лѣну дѣлать оетиль . . . а у того оетильнаго дѣла велѣно быть работнымъ людямъ *противъ прошлаго* 181-го года 109 чел. (Ibid).

— „18 августа напали калмыки на *пустую* деревню Назаровку за р. Дономъ, Коротояцкаго у. и *пустыя избенки* пожгли. И напали они на станичника Лева Бычковского и онъ отсидѣлся отъ нихъ въ Прогорѣломъ, *въ пустыхъ избахъ*; 20 августа 150 чел. татаръ подошли къ Усмони, прокопали валъ, проломали надолобы въ 2 вер. отъ города и угнали конскія и животинныя стада. 5 сентября татары *выдрали* все деревни въ Верхососенскомъ уѣздѣ. (Орл. а. 350 - 4).

1675. „ . . . пожаловали Мы В. Г., Бѣлгородскаго полку городовъ Новоосколцовъ, Верхососенцовъ, Усмонцовъ, Усердянь, Козловцевъ градскихъ и уѣздныхъ всякихъ чиновъ людей за ихъ многія службы и *для хлѣбнаго недороду*, . . . четвериковаго хлѣба . . . на прошлые годы изъ доимки, что съ нихъ довелось взять, имать съ нихъ нынѣ и впредь не велѣли...“ (Мат. Т. I, изд. нами № 75.)

— „ . . . Да хлѣбныхъ запасовъ муки ржанья 7162 чети съ полуосминою, крупъ 2414 чети, толокна 1334 чети, всего 10910 чети съ полуосминою. И изъ тѣхъ хлѣбныхъ запасовъ, по Нашему, В. Г., указу, велѣно отпустить съ Воронежѣ на Донъ . . . войсковому атоману и *казакѣ* 5000 чети. А за тѣмъ на Воронежѣ въ остаткѣ хлѣбныхъ всякихъ запасовъ 5910 чети съ полуосминою.

Да на нынѣшней, на 183 годъ взято съ Воронежцевъ *стрѣльцкаго* хлѣба 550 чети безъ четверика ржи, овса тожъ.

Да съ Воронежцовъ же по окладу на нынѣшней на 183 годъ доведетца взять *четвериковаго* хлѣба, ржи 943 чети, овса тожъ, и о взятьѣ съ нихъ того хлѣба въ житницы Нашъ Государевъ, указъ посланъ къ тебѣ напередъ сего. Всего на Воронежѣ будетъ хлѣба 8896 чети...“ (Ibid. № 76).

— „ . . . Били челомъ Намъ, В. Г., Донокой атаманъ и

казаки о пропускѣ на Донъ торговыхъ людей. А задержаніе де торговыхъ людей бываетъ на Воронежѣ. . . . и Мы, В. Г., указали: на Воронежѣ и въ Воронежскихъ пригородѣхъ вамъ, воеводамъ, торговыхъ людей, которые изъ верхнихъ городовъ поѣдутъ на Донъ для своихъ торговыхъ промысловъ *съ хлѣбными запасами*, пропускать безъ всякихъ задержаній....“ (Ibid. № 77).

1680. „Лѣта 7188-го учинились отъ зажигальщиковъ пожары многіе писалъ князь П. И. Хованскій, что у него въ полку поймали двухъ лазутчиковъ Черкасѣ и одинъ во роспрѣ винился: „послалъ де его изъ Немирова Юраска Хмельницкій . . . въ Украинне города для провѣдыванія и приказано имъ города зажигать.“ (Орл. а. 388).

1681. „... Да по указу В. Г. и по грамотамъ послу, окольничему Ильѣ Ивановичу Чирикову дано для Царегрядского посольства съ Воронежского кружечнаго двора вина, *взаимы*, 150 ведеръ, 5 ведеръ укусу, 2 чети муки ржанья, да вмѣсто 2 чети муки пшеничной, дано 4 чети муки жъ ржанья, да вмѣсто 5 полоть ветчины, дано крупъ гречневыхъ 2 чети, да муки гречневья жъ 2 чети, да двѣ чети солоду ржаного, *для того что въ государевъ казнь муки пшеничной и ветчины на Воронежѣ нѣтъ*. (Мат. Т. I, изд. нами № 152).

— „И нынѣ Мы, В. Г., пожаловали, — доимочныхъ денегъ прошлыхъ лѣтъ по 166 годѣ, *для мороваго повѣтрія*, имать не велѣли, кромѣ откупныхъ и что взять на подрядчикахъ за какіе подряды. А со 166 года на комъ что по доимочнымъ книгамъ написано, доимочныя деньги взять, а на ослушникахъ доправить. (Орл. а. стр. 115).

— „И впрямъ ли у нихъ (у цѣловальниковъ) во 189-мъ году тотъ недоборъ учинился, что подъ Орловъ городокъ татарове приходили и годъ стояли, и хлѣбу у нихъ былъ недородъ, и скотина померла...“ (Ibid. стр. 129).

— „Били челомъ Орловцы дѣти боярскіе: велѣно взять съ нихъ въ Донской отпускъ муки рженые 1181 четверть съ осминою и съ четверикомъ. И они де того четвериковаго хлѣба заплатили на Воронежѣ черезъ великую силу собравшись 522, чети съ осминою а въ достальныхъ стоятъ они на правѣжѣ по се число, а *заплатить нѣчимъ*: года два у нихъ былъ недородъ, и *купить нѣчимъ*: волею Божіею скотина у нихъ, коровы и овцы *выпала* безъ остатку. (Ibid. стр. 120).

1682. „1. — Поговорить съ Орловцы и помыслить на крѣпко: по Орловской чертѣ прежніе острожки и надалобы и всякія крѣпости, которыя дѣланы были лѣсомъ и то все огнемъ, мочно

ли нынѣ виѣсто тѣхъ крѣпостей, *для тѣхъ скудости*, починить дерномъ и землею и виѣсто деревянныхъ крѣпостей, сдѣлать земляной валъ *безъ ослонного лѣсу?* (Ibid. стр. 120).

„... велѣно про дорогой винной подрядъ розыскать всякими сыски на крѣпко, по тому что въ нынѣшнемъ во 190-мъ году во Приказѣ Нашіе, В. Г., Большія казны уговаривающа подрядчики вино ставить на Московскій и оддаточнои дворъ не дорогою цѣною, а въ города на Каширу и на Орелъ и во ныне уговорились поставить по шти алтынъ по четыре деньги и по *семи алтынъ ведро*.“ (Ibid. стр. 126).

„Вѣдомо учинилось В. Г. подлинно, что въ Польшѣ, Краковѣ, въ Крыну и въ крымскихъ и турецкихъ городехъ, которые по Дняпру и въ Сѣчи, на людей большое моровое повѣтріе, и (украиннымъ воеводамъ) велѣти бѣ въ городѣ и уѣздѣ по Чертѣ, на проѣзжихъ дорогахъ, гдѣ пристойно, поставить заставы и заказъ учинить крѣпкой, хто и откуда прїѣдутъ . . . и на заставѣхъ тѣхъ прїѣзжихъ и прохожихъ людей велѣть спрашивать съ великимъ подкрѣпленіемъ, нѣтъ ли въ тѣхъ мѣстехъ, откуда они прїѣхали, на люди мороваго повѣтрія? И буде скажутъ что есть, и ихъ спрашивать *черезъ огонь*, на крѣпко, подлинно — въ какихъ мѣстехъ и сколь давно учинилось? И велѣти рѣчи ихъ переписать *черезъ огонь* и прислать къ себѣ въ городѣ. Въ городѣ велѣти тѣхъ распросные рѣчи переписывать на новую бумагу *черезъ огонь же* и послать въ Козловъ. (Орл. и др. акты).

„... Били челомъ Острогожскіе Черкассы ихъ землями и сѣнными покосы и всякими угодами владѣють насильствомъ коротояченя русскіе всякихъ чиновъ люда, а ихъ бьютъ и грабятъ и на межахъ грани портятъ и лѣсъ сѣкутъ, чинятъ имъ великое развореніе, пуше татаръ, и отъ того де дхъ утѣсенія, голодомъ померло у нихъ. Острогощанъ лошадей—1000 животини рогатой—1000 жъ, овецъ 5000...“ (Мат. Т. I, изд. наши № 91).

1683. „велѣно . . . учинить мѣры, всѣ равны и съ верхи, подгребло и, заоря, послать во всѣ Приказы и во всѣ города отъ Приказа Болшого Приходу. И о томъ заказъ учинить на крѣпко, подсмертною казнью, чтобъ тѣхъ новопоставленныхъ подгребенныхъ орленныхъ мѣръ на Москвѣ и въ городѣхъ никто не перемѣняли и тѣмъ велѣлъ вычестъ въ слухъ чтобъ посадціе и уѣздные и всякихъ чиновъ люди, хлѣбъ всякой покупали и продавали въ тое новую мѣру. И для пріему и отдачи стрѣleckого и ружникомъ и обротчикомъ и для продажи всякаго хлѣба въ ряды и на торговую площадъ съ той мѣдной новой мѣры велѣлъ таможенному головѣ съ товарищи сдѣлать по-

вны мѣры, слово въ слово, подгребло жь, и гребла тотчасъ и за орля и наложя годъ, раздавать ихъ торговнымъ людямъ противъ прежнего. И съ тою образцовою мѣдною мѣрою велѣлъ ихъ пропускать по часту, *чтобъ были сходны*; а подлинную мѣру четверикъ и гребло велѣлъ держать для образца и всякого спору въ таможи А старые всѣ верховные деревянные мѣры изъ рядовъ и съ площади и гдѣ есть собравъ, велѣлъ *переколотъ на мелко*...“ (О. а. 144—5).

„На Воронежѣ въ житницахъ хлѣбныхъ запасовъ: въ отдаточную мѣру подъ гребло муки ржанна—526 чети безъ полу-четверика, (ржи) 1382 чети съ получетверикомъ четверика, овса—6363 чети безъ получетверика, крупъ овсяныхъ и гречневыхъ—1082 чети безъ получетверика, толокна и гречневой муки—1023 чети съ полуторомъ четверикомъ . . . да выдано Воронежцамъ во молотѣ 579 чети съ осминою. Запасной соли въ рогожныхъ куляхъ—221 пудъ съ полупудомъ, пеньки—1308 п.

Хлѣбныя мѣры: осьмина мѣдная съ двомя кольца да мѣры деревянные (для Донскаго отпуска) осьмина, полосьмина, четверикъ приѣмныя осьмина, полосьмина, полосьминны, четверикъ отдаточныя. (Мат. Т. I, изд. нами № 96).

1684. Грамота Орловскому воеводѣ о сборѣ четверикового хлѣба: „и которые обявятца сверхъ переписныхъ книгъ съ дворовъ, а не съ службъ и *непоголовно*, ржи по три четверика *съ двора* на годъ.“ (О. а. стр. 228).

1685. „Указали Мы, В. Г., бѣлгородскаго разряду въ городѣхъ, которые землями вѣдомы во Розрядѣ, для помѣстныхъ и вотчинныхъ земель послать съ Москвы писцовъ, и впредь въ тѣхъ городѣхъ ни кому ни какихъ земель и всякихъ угодѣй изъ Курска и изъ Бѣлгорода бояромъ Нашимъ и воеводамъ, безъ Нашихъ государевыхъ указныхъ грамотъ, не давать и ни-какимъ людямъ въ помѣстье дикихъ полей и ни какихъ порозжихъ земель и выморочныхъ помѣстей и всякихъ угодѣй ни кому не давать; и по займамъ и по поступкамъ и по закладнымъ ни кому владѣть не велѣлъ отнюдь, никоторыми дѣлы. (О. а. стр. 151).

„Указами Мы, В. Г., Бѣлгородскаго полку въ городѣхъ Черкасского Острогожскаго полку въ Землянску, и Сумскаго и Харьковскаго и Ахтырскаго полковъ въ городѣхъ построить вновь кружечные дворы и на тѣхъ дворѣхъ для продажи держать вино и медъ и пиво и тыбъ о томъ Нашъ, В. Г., указъ вѣдалъ и полку своего Черкасамъ сказалъ, чтобъ они по жалованной грамотѣ . . . шинковали и всякими промыслами промышленяли, по прежнему...“ (Изъ грам. Острог. полков. Сасу. Мат. Т. I, изд. нами № 198.)

1686. „По Нашему В. Г., имянному указу велѣно Московскаго уѣзду, Нашего, В. Г., села Покровскаго оброчныхъ крестьянъ, которые въ то село записаны, а живутъ въ Орловѣ городкѣ своими дворами и въ наемныхъ, и торговыми промыслами промышляютъ, а тягла и податей съ тѣхъ своихъ дворовъ и съ промысловъ во Орловѣ городкѣ не платятъ и служебъ не служатъ, а отъ платежу тягла и податей и отъ служебъ отбываютъ, тѣмъ, что они написаны въ то село Покровское во крестьяне, сыскавъ выслать къ Москвѣ.“ (О. а. 1166.)

— „Вѣдомо Намъ, В. Г., учинилось что Крымскіе и Азовскіе татарова многочисломъ нынѣшнюю весною хотятъ приходить подъ Наше, В. Г., украинные города чтобъ во нынѣшнее работнее время всякіе бѣ люди на поляхъ пашню пахали и сѣно косили и всякую работу работали съ большою осторожностію.“ (О. а. стр. 167—8).

— По рѣкамъ Икорцу, Битюку и Айдару, для охраненія границъ государства, по Государеву указу, начали селиться перевенцы изъ г.г. Воронежа, Ельца и Коротоюка. (Болх. 15).

1687. „По Нашему, В. Г., указу, во Орловѣ и того города во уѣздѣ въ селехъ и во деревняхъ и гдѣ бывають торжки и ярмонки, на конскихъ плащадкахъ конскія пошлинныя деньги ноября съ 1-го числа нынѣшняго 196 г. ноября по 1-е жъ число 199-го году велѣно собирать стряпчему конюху Максиму Ходнреву и ты (воевода) учинился непослушенъ: къ тому конскому пошлинному сбору для засылки разсылщиковъ и на ослушниковъ стрѣльцовъ и пушкарей затинщиковъ и для письма дьячка и для кличи бирича и конскихъ полтинныхъ денегъ ему, Максиму собирать не велѣлъ, а велѣлъ де ты . . . собирать на себя, не вѣдомо по какому Нашему, В. Г., указу . . . по Нашему, В. Г., указу во всѣхъ городѣхъ конскія пошлинныя деньги денежными сборами велѣно вѣдать во Конюшенномъ Приказѣ.“ (О. а. 186).

1688. „Прислано на Воронежъ изъ Бѣлагограда на корнѣ Нашихъ В. Г., 135 лошадей и людямъ приказалъ, чтобъ они тѣхъ лошадей берегли и кормили, чтобъ къ полковымъ подъемамъ всегда тѣ лошади были готовы. А буде изъ тѣхъ лошадей отъ безкормицы падуть или какимъ небереженьемъ пропадутъ, и вмѣсто тѣхъ лошадей взято будетъ столько жъ и такихъ же лошадей.“ (О. а. стр. 190—1).

1689. „... Указали Мы, В. Г., . . . въ нынѣшній Донской отпускъ изготovitъ муки ржанна изъ налична да къ тому во прибавку . . . смолоть въ муку изъ налична ржи . . . а принимать тое муку съ примоломъ, а примолу по полусосьминамъ съ

чети. Всего велѣно изготавить 12223 чети съ осьминою и съ полчетверикомъ, а въ Донской отпускъ велѣно послать 6500 чети. И Микиту Головкину тое нуку изготавить и устроить въ рогожныя четвертины кули. Да велѣно послать 500 ведеръ вина съ Воронежа съ кружечнаго двора въ мѣднее въ заорленное ведро сполна, безъ недоумѣру. (Изъ грам. Ворон. воеводѣ, № 100.)

1691. „Били челомъ Намъ В. Г., Орлова городка полковныя службы казаки да городовыя службы драгуны: служатъ де они Намъ, В. Г., многіе годы, а живутъ они на дѣдовскихъ и на отцовскихъ помѣстьяхъ, на малыхъ дачахъ, человекъ по два и по три на дворѣ для утѣшенія особыми избами, а ныне живутъ въ Орловѣ жъ на драгунской землѣ особъ же дворами по добродѣтели, а пашенныхъ де земель и ни какихъ угодей за ними нѣтъ. А которые живутъ на однихъ же дворахъ порознь избами, а пашенными землями и всякими угодьями владѣютъ они вопчѣ съ родники своими; и съ той пашенной земли хлѣбные запасы во донской отпускъ и всякія денежныя подати платятъ на вся годы А ныне де на нихъ, которые живутъ особъ избами, четвериковой хлѣбъ и всякія подати правятъ съ градскими людьми върядъ а имъ де четверикового хлѣба и всякихъ податей върядъ съ тѣми съ полными помѣщиками платить не въмочь. И Намъ бы ихъ безломѣсныхъ пожаловать велѣтъ бы имъ платить по прежнему, межъ себя повѣтно и по долѣшъ...“ (О. а. 216—16).

1696. По Государеву указу, въ Воронежскомъ уѣздѣ проведена новая линія селеній до Тамбова и Козлова, до Коротояка и до Донскихъ казачьихъ городовъ изъ Русскихъ людей и Черкасъ, сведенныхъ изъ разныхъ украинскихъ городовъ. (Болх. 15).

1697. „... по челобитью Острогжского полку . . . полковника П. А. Буларта, въ Воронежскомъ уѣздѣ Бетицкой и Середцкой уюжьи со всѣми угодьями, которые были на оброкѣ изъ Козлова Троицкого монастыря за архимандритомъ Корниломъ съ братіемъ, отданы на оброкъ ему . . . Буларту, а оброку ему съ тѣхъ уюжьевъ со всѣми угодьями велѣно платить прежнего по 200 рублей да новыя наддачи по 2 рубли на годъ.“ (О. а. стр. 256).

1699. „Указали Мы, В. Г., рѣки Икорца жителей, которые . . . на лицо явились, приписать и которые по той рѣкѣ Икорцу и по рѣкѣ Битюку будутъ селитца, впредь доходами и пашенныхъ дѣлами и во всякихъ дѣлахъ вѣдать въ Приказѣ Большаго Дорца, а въ иныхъ Приказѣхъ и въ городѣхъ ни гдѣ не вѣдать. И которой хлѣбъ по той рѣкѣ Битюку сжалъ Иванъ Бехтѣевъ и складъ по юртамъ въ клади, и тотъ хлѣбъ обмолотить и устроить въ житницы...“ (Мат. Т. I, изд. нами № 116).

1699. 17 Ноября, по Государеву указу велѣно въ Воронежскомъ уѣздѣ рѣки Битюкъ и Игорецъ, съ иными рѣками, которыя въ ту рѣку Битюкъ впади, и по тѣмъ рѣкамъ земли и покосы и всякія угодья, и Игорецкихъ жителей, переписать и вѣдать въ Приказъ Вольшаго Дворца, и поселить на той рѣкѣ Битюкъ на прежнемъ селеніи, гдѣ жили Черкасы, дворцовыхъ крестьянъ, а остальные за селитьбою крестьянъ земли и угодья отдать на оброкъ охочимъ людямъ съ торгу. (Арх. д. Губ. Пр.)

— „Прикази промислить свѣжинькова осетрика, да бѣлужины свѣжой, или хотя новосольной . . . а у насъ, на *Воронежъ* *взять и сомины негодъ*“ (Изъ письма св. Митрофана Куколю).

1701. Заведена на Битюкъ Государева дворцовая волость и переведены туда на тягло дворцовые крестьяне изъ дворцовыхъ волостей Ростовскаго, Ярославскаго, Костромскаго и Пошехонскаго уѣздовъ, всего 1021 дворъ, а въ нихъ 4919 муж. и жен. пола людей. (Арх. д. Губ. Пр.)

1703. Царь Петръ Алексѣевичъ занимался устройствомъ шлюзовъ для починки кораблей, и за тѣмъ поѣхалъ осмотрѣть начатый каналъ для соединенія Дона съ Окою. (Голик. II, 118. Доп. VI, 229).

1704. Февраля 21, Царь Петръ Алексѣевичъ далъ повелѣніе Апраксину измѣрить глубину всего Дона и прислать удобнѣйшее мѣсто для верфи и для надобностей флота, устроить на р. Воронежѣ, въ Романовскомъ уѣздѣ, Липскій (Липецкій) желѣзный заводъ. (Голик. II. 168, 169. Доп. V. 321, 325, 342).

1708. *Цѣны припасамъ:* Сахаръ за 1 ф.—10 алт. Корица за 1 золот. 1 алт. Мыла 10 брусковъ 3 алт. Масло деревянное за око (3 ф.)—6 а. 4 д. Анису за 1 ф. 1 алт. Тимону за 1 ф. 2 а. 2 д. Свѣтильни за 1 ф.—1 а. Огурцы за 100—4 а. Колоточка луженыхъ гвоздей по 6 д. Сурику за 1 ф.—10 а. Вѣлила за 1 ф.—20 к. Яри за 1 ф.—23 а. 2 д. Желти за 1 ф.—20 алт. Лазори за 1 ф.—20 а. Крашенины за 1 арш. 1 алт. Сулея—10 а. Клей за 1 ф. по 2 а. 4 д. (Второвъ, I, стр. 51).

1708. Марта 30, воровскіе казаки Булавинцы, пріѣхавъ на Битюкъ въ с. Бобровское, на Государевъ дворъ, Государеву казну пограбили, грамоту, указы, книги и всякія письма подрали и пожгли, и воеводу Ѳедора Тинькова били смертнымъ боемъ и покинули замертво; да тѣмъ воры съ конюшеннаго двора Государевыхъ присланныхъ съ Скопина жеребцовъ и кобылицъ пограбили жъ; и послѣ того во все лѣто въ Битюцкія и Игорецкія села былъ приходъ воровскихъ казаковъ и Калмыковъ, и тѣ казаки и Калмыки въ трехъ селахъ церкви Божіи разорили, а въ с. Шестаковѣ сожгли, да въ четырехъ селахъ крестьянскіе дворы и на гумнахъ хлѣбъ пожгли, и крестьянскіе пожитки во всѣхъ селахъ пограбили, и лошадей отогнали. (Арх. д. Губ. Пр.)

1711. Февраля 19, приговоромъ Министровъ Ближней Канцеляріи, велѣно указное число на Донъ провіанта 4500 четіи и 500 ведръ вина на 1711 г. и впредь отпускать съ Воронежа на бударахъ изъ Азовской губерніи. (II. Собр. Зак. IV. № 2320).
1719. По рѣкѣ Рыбной, подѣ Острогожскомъ, были выдвинуты *форпосты*, никого не пропускавшіе, и принимавшіе казенные пакеты *чрезъ огонь*. (Павлов. дѣла, тетрадь № 6.)
1724. Повелѣно комендантамъ объявить торговымъ людямъ не пожелаютъ ли кто взять на себя доставку провіанта на 70,000 чел. (Павлов. дѣла № 1104).
1726. По опредѣленію Сената, учрежденная въ Тавровской крѣпости казенная суконная фабрика отдана во владѣніе Воронежскимъ дворянамъ Веневитинову, Титову, Лосеву и Плотникову и купцамъ Гарденину, Сахаровымъ и Тулинову. (Болх. 79).
1728. Чрезвычайною полою водою затопило великую часть г. Павловска и уничтожило цѣлую слободу, а отъ влившейся въ городъ воды сдѣлалось, оставшееся и до нынѣ, озеро. (Болх. 112).
1733. Повелѣно учредить въ кр. св. Анны, въ Изюмѣ, Коротоякѣ, Павловскѣ, Воронежѣ, на устьѣ Хопра провіантскіе магазины, въ каждомъ мѣстѣ по 50 т. четв. муки. (II. Собр. Зак. IX. № 6472 и 6512).
1735. По донесенію вице-адмирала Змаевича, изъ Таврова, что въ Воронежской губерніи по рѣкамъ Дону, Воронежу, Битюку и Хопру лѣсъ рубятъ, кто сколько ни захотѣлъ, отъ чего лѣса во умаленіе пришли, — указомъ Правительствующаго Сената 29 августа, подтверждено воспрещеніе рубки въ означенныхъ мѣстахъ лѣсовъ, годныхъ къ строенію судовъ (II. Собр. Зак. IX. № 6798).
1738. Моровая язва въ г. Павловскѣ опустошила болѣе половины населенія, и купцовъ однихъ умерло 700 душъ. (Болх. 113).
1744. Въ Тавровской крѣпости былъ пожаръ, случившійся отъ весенняго *зажиганія степей* и истребившій все деревянное крѣпостное строеніе и за крѣпостью дворецъ и весь форштатъ до основанія. (Болх. 98; II. Собр. Зак. XIII. № 9779).
- Выгорѣлъ почти весь г. Павловскъ, со всѣми полковыми церквами. (Болх. 113).
1766. Заведена нѣмецкая колонія (Рыбенсдорфъ) въ Острогожскомъ уѣздѣ, изъ 72 семействъ, высланныхъ изъ Германіи, преимущественно Виртембергцевъ. (Ворон. акт. вын. XVI изд. нами).
1768. Высочайшее повелѣно Воронежскому Губернатору распорядиться, свозить, куда отъ фельдмаршала графа Румянцова назначено будетъ, провіантъ и овесъ, которые собрать съ губерніи, разложивъ на ревизскія души, съ зачетомъ въ подушный окладъ, по торговымъ цѣнамъ. (Выс. Реск. 14 Ноября).
1769. Высочайше повелѣно Воронежскому Губернатору произвести съ губерніи дополнительный сборъ провіанта, такимъ образомъ, чтобы съ собраннымъ уже прежде, приходилось со всѣхъ хлѣбо-

пашцевъ по 1 четверику муки и по $\frac{1}{2}$ гарнцу крупъ съ каждой ревизской души, и провіантъ сей доставить въ Воронежъ или Тавровъ, гдѣ сдавать въ вѣдомство Провіантской Канцеляріи, дабы, при открытіи Дона, хлѣбъ могъ быть доставленъ водою въ лежащія на Дону крѣпости. (Выс. реск. 13 Января).

— Высочайше повелѣно Воронежскому Губернатору доставлять въ Азовъ потребный *мѣсъ*, для произведенія разныхъ строеній, по требованію генералъ-поручика Вернеса. (Указъ Сен. 18 Февраля и Выс. пов. 3 апрѣля).

— Высочайше повелѣно Воронежскому Губернатору собрать съ губерніи на продовольствіе войскъ, 50 тыс. четв. муки, да крупъ по числу душъ, и доставить въ крѣпость св. Дмитрія. (Выс. Рес. 15 Декабря).

— Высочайше повелѣно Воронежскому Губернатору принять мѣры къ размноженію посѣва пеньки, потребной для производства по Дону разнаго судового строенія, и разрѣшено употребить на покупку сѣмянъ, для раздачи, до 500 руб. (Выс. Рес. 24 Декабря).

1772. Высочайше повелѣно Воронежскому Губернатору закупить до 20 т. четв. ржаной муки и доставить водою, въ первыхъ числахъ мая, въ крѣпость св. Дмитрія Ростовскаго, для вспомошествованія Ногайскимъ ордамъ, отложившимся отъ Турецкаго подданства и перешедшимъ изъ за Днѣпра и изъ Крыма на Кубанскую сторону. (Выс. Рес. 18 Января).

— Октября 18, Высочайше утвержденъ проектъ Воронежской торговой компаніи. (Выс. Рес. 18 Октября. II. Собр. Зак. XIX. № 13886).

— По случаю бывшаго въ разныхъ мѣстахъ Воронежской губерніи *неурожая* хлѣба, Высочайше повелѣно Воронежскому Губернатору, для доставленія нуждающимся средства къ прокормленію, въ мѣстахъ, гдѣ болѣе претерпѣвали нужду, начать дѣланіе рововъ около уѣздныхъ городовъ за умѣренную денежную или хлѣбную изъ казны плату всякому полу и возрасту. (Выс. Рес. 2 Декабря).

У К И З И Т Е Л Ь

Аба—70.
 Адмиралтейства—71.
 Адмиралтейскій дворъ и дворець—
 62—64.
 Азовскіе походы—86.
 Акціонерное общество—8—17—
 109.
 Ахреяне—66.
 Барилька—74.
 Бахчи—6—85.
 Бахчеводство—75.
 Безоброчное шинкованіе—4.
 Безпошлинное винокуреніе—4.
 Битюги—81.
 Благовѣщенскій соборъ—82.
 Благосостояніе населенія—107.
 Бобры—20.
 Бобровые гонны—стр. 1—6—28
 —29.
 Бобровые ожерелки—77—104.
 Бобыли—35—36—38—41.
 Бобыли кормящіе—43.
 Воринскіе жел. заводы—62—67.
 Брага—73.
 Брегантирные строенія—66.
 Будары—65—105—106.
 Бѣглие—44—47—49.
 Бѣломѣстные атамань—32—42.
 Ввозныя грамоты—37.
 Версты—57.
 Верстовые столбы—91.
 Вережки—107.
 Верфь—64.
 Ветеринарія—107.

Вино—3.
 Вино двоенное—72.
 Вино простое—72.
 Вино хлѣбное—69.
 Виноградники—75—85.
 Виноградъ—6.
 Водобоязнь—108.
 Водяной путь—89.
 Водоносные кувшины—62.
 Военныя поселенія—48.
 Волженская соль—62.
 Вотчины—36.
 Вотчинныя грамоты—37.
 Вотчинное право—51.
 Вотчинное владѣніе—51.
 Воскобойное производство.
 Выхода—74.
 Выленіе рыбы—5.
 Галеры—76.
 Глинобитныя постройки—62.
 Глиносоложенныя крыши—62—108
 Глиняныя издѣлія—62.
 Голодь—18—54.
 Гонка дегтя—6.
 Гонтъ—68.
 Горючій камень—67.
 Гостепріимство—79.
 Грошъ—69.
 Губный староста—41.
 Гулящіе люди—39.
 Дворяне—101.
 Деготь—68—105.
 Демшинскіе хлѣбопашцы—54.
 Дерево—68.

Десятинная пашня—33—34—84—85—107.
 Дзбанн—62.
 Дикія лошади—21—79.
 Дикія поля—39.
 Донскія гирлы—89.
 Донскія лошади—80.
 Донское козачество—40—61—66—74—86.
 Донскіе лѣса—26.
 Донской отпускъ—3—27—40—41—103.
 Дороги—98.
 Дощаники—68.
 Драницы—68.
 Дрожжи—69.
 Древесный уголь—67.
 Дрова—67.
 Дѣловые люди—36—43.
 Дѣтеныши—35—42.
 Евдокѣинъ день—31.
 Екавитое вино—74.
 Ефимки—75.
 Желѣзо—62.
 Желѣзные дороги—21.
 Желѣзная руда—62—83.
 Желѣзные заводы—62—83.
 Желѣзные гвозди—106.
 Жемчужная ловля—6.
 Женщины—51.
 Житницы Государевы—63.
 Заводы—67—82.
 Задворные люди—36.
 Закладчики—39.
 Захребетники—38—41.
 Звѣриная ловля—29—77.
 Земледѣліе—29.
 Земельныя угоды—38.
 Земли добрыя, середнія и худыя—52.
 Земледѣльческія орудія—53.
 Земледѣльческія произрастенія—63.
 Зола—67.
 Зубръ—89.

Известь—62—83.
 Инженеры—91.
 Иностранныя вина—75.
 Истребленіе лѣсовъ—24.
 Казенныя степи—85.
 Казенныя пастбища—65.
 Камень жерновный—62.
 Камнеломни—82.
 Каменные строенія—82—83.
 Каменный уголь—67.
 Каналы—8.
 Канатныя фабрики—6—86.
 Канаты—107.
 Карантинны—108.
 Картофель стр.—1.—109.
 Кафельный заводъ—83.
 Квась—73.
 Кизильбашскіе купчины—40.
 Кизильбашскія лошади—86.
 Кирпичные заводы—82—83.
 Климатъ—20—23—24.
 Ковердакъ—73.
 Кожа—88.
 Кожевенные заводы—6—87.
 Козы—53.
 Колонисты—109.
 Колыбель торговаго флота—3.
 Колокольные заводы—6—83.
 Колонизація степей—84.
 Компанейская контора—11.
 Конскіе заводы—86—528.
 Коневодство—79—87.
 Конскіе хвосты—104.
 Коннозаводство—79—82—85—86—87.
 Конокрадство—87.
 Коневодство—66.
 Конопля—76.
 Копченіе рыбы—5.
 Корчемство—69.
 Кормовые люди—69.
 Кораблестроеніе—82—84—87.
 Крестьянскіе бунты—50.
 Крестьяне стр.—1—35—36.
 Кружечные дворы—71—75.
 Крупный рогатный скотъ—87.

Ш.

Крѣпостное право - 39.
 Кугеляны - 62.
 Купчія отписи стр. 1.
 Ленъ - 76.
 Ливенскіе и Елецкіе торговые лю-
 ди - 45.
 Линейныя мѣры - 56.
 Липскіе ж. заводы - 67.
 Литоврщичи - 75.
 Лихорадки - 108.
 Локоть - 56.
 Лошади - 21.
 Лѣса 2 д. - 76. - 85.
 Лѣсъ хормной и дровяной - 38-53.
 Лѣсоистребленіе 21 - 106.
 Лѣсные пожары - 23.
 Лѣсопильные заводы - 6 - 85.
 Лѣсные орѣхи - 76.
 Малороссы - 108.
 Медовареніе - ст. 1.
 Медъ - 77.
 Медицина - 107.
 Мельницы - 3 - 53.
 Мельники черкасы - 90.
 Межевщичи - 53.
 Метрологія - 55.
 Мещерка ржаной муки - 64.
 Монастыри - 27 - 34.
 Моровое повѣтріе - 45 - 108.
 Московская волокита - 52.
 Московскіе стрѣлцкіе приказы 60
 Мосты - 91.
 Мочала - 106.
 Мѣдь - 63.
 Мѣдная руда 84.
 Мѣль - 62 - 83.
 Мѣдноолавильные заводы - 6-82-83
 Мѣхъ (мѣра) - 60 - 62.
 Мыловаренные заводы - 61.
 Набѣги - Крымцевъ, - Кубанцевъ
 и Ногайцевъ - 4 - 47.
 Наемные рабочіе - 50.
 Наливки и настойки - 73.

Населеніе - 55.
 Насильное закрѣпощеніе 15.
 Недородъ - 7.
 Неурожай хлѣба - 19 - 24.
 Ногайцы - 79 80.
 Нѣмецкая колонія - 6.
 Оброкъ - 31.
 Оброчное право - 51.
 Общинныя мѣры - 57.
 Объемныя мѣры - 59.
 Обмѣнъ - 99.
 Обрабатывающая промышленность
 - 82.
 Овцеводство - 4 - 78 - 87.
 Овчарни - 87.
 Огороды - 53 - 76 - 85.
 Огородничество - 4.
 Опекунская контора въ Саратовѣ - 19.
 Орловское намѣстничество - 107.
 Ордынскіе хищники - 4 - 22 - 25
 - 26 - 29.
 Острамокъ - 66.
 Острогожская промышленность - 102.
 Отдѣлочная мѣра - 55.
 Откупныя вотчины - 26 - 51.
 Отложеніе Татаръ и Ногайцевъ
 отъ Турціи - 9.
 Парусная мельница - 5.
 Парусныя фабрики - 6 - 85.
 Пашенные люди - 41.
 Пашенные лѣса - 53.
 Пенъка - 6.
 Пенязи - 74.
 Перепустъ вина - 74.
 Перелогъ - 35.
 Перепись Павловск. посад. людей
 - 85.
 Петровскій періодъ - 82.
 Пиво - 73.
 Пиленіе бревенъ - 68.
 Писцы - 38 - 53.
 Плавный путь - 100.
 Племенное овцеводство - 87.
 Плуги - 21.

- Побѣги крестьянъ—17—68—66.
 Повинности—18.
 Подряды казенные—6—99.
 Пожары степные и лѣсные—22.
 Пожега степей—24.
 Поземельное владѣніе—32.
 Поземельныя мѣры—56.
 Полковыя лошади—65.
 Полугрошъ—63.
 Помѣстное право—51.
 Помѣстный Приказъ—52.
 Помѣстная система—33.
 Помѣщики—39—50—52—69—107.
 Порозжія земли—39.
 Поташъ—23—61.
 Пошлинные земли—34—35—38.
 Правительственная таможня—99.
 Предметы сбыта мѣстныхъ рынковъ—160.
 Приказъ Адмиралтейскихъ Дѣлъ—105.
 Приволжскіе казаки—40.
 Прикащики—35—36.
 Приставы—41.
 Приказъ Казанскаго Двора—61.
 Приказная водка—72.
 Пристѣны—75.
 Приказъ Большаго Дворца—84.
 Причина успѣховъ Ворон. промыш-
 ленности—7.
 Приемная мѣра—55.
 Продукты царства ископаемаго—61.
 Продукты царства растительнаго—63.
 Продукты царства животнаго—76.
 Промышленность края—100.
 Продовольствіе войскъ—6.
 Провѣзжая память—70.
 Птицеводство—77.
 Птицеводство—78.
 Публичные торги—26.
 Пустые дворы—35.
 Пустошь—37.
 Пути сообщенія—89.
 Пушечные заводы.
- Пчеловодство лѣсное—стр.—1—4—5—6—24—25—26—28—29—77.
 Рабочія руки—53.
 Развитіе сельск.-хоз. промыш.—7.
 Разинская смута—49.
 Растенія полевныя—стр. 1.
 „ огородныя—стр. 1.
 „ зонтичныя—стр. 1.
 „ лилейныя—стр. 1.
 Ратные люди—11.
 Регулярное войско—18.
 Рога бычачьи и буйловныя—89.
 Рыболовство—стр. 1—4—6—25—26—28—29—53—76.
 Рѣки—89.
 Рябиновый медъ—74.
 Рядныя крѣпости—52.
 Садовое пчеловодство—26—27.
 Садоводство—4—26—76.
 Саранча—108.
 Сбитень—73.
 Сбытъ сельско-хозяйственныхъ про-
 дуктовъ—7—99.
 Увеклосахарные заводы—21.
 Свиная ярмарка—75.
 Свиноводство—78—87.
 Своевольство черкасскъ и казаковъ—26.
 Сельско-хозяйст. промыш.—82—105—107.
 Сельское хозяйство—89—107.
 Селитра—23—61—108.
 Сельская упряжь—53.
 Семеновъ день—26—31.
 Сибирская язва—108.
 Скотоводство—4—24—66—77—87—103.
 Слюда—62.
 Смоляные заводы—85.
 Соленіе кожъ и сала—62.
 Соляная контора—12.
 Соль—60—62—65—104.
 Сошное письмо—35—38—40.

Средній урожай—34.
 Стань—36.
 Статсь-контора—19.
 Стени—21.
 Степныя травы—21.
 Стекло—62.
 Строеіе флота—24.
 Судоходство—66.
 Сукно—87.
 Суконныя фабрики—6—87.
 Сухопутныя дороги—91.
 Суховѣй—23.
 Сходцы—85.
 Сѣнокосъ—53.
 Табаководство—3.
 Таможенныя книги—100.
 Таможенные сборы—99.
 Толучѣвскій желѣз. зав.—83.
 Торговля Ворон. губ.—7—98.
 Торговныя сношенія—8.
 Торговые корабли—8.
 Торговая компанія—7—10.
 Торговый флотъ—109.
 Торговныя дороги—89.
 Торговые центры—98.
 Торфяныя болота—23.
 Тромбачи—75.
 Трубки большой и малой руки—62.
 Турскіе послы—11.
 Увеличеніе народонаселенія—106.
 Угольное жженіе—6.
 Указъ о построеніи Ливенъ и Воронежа—25.
 Укосы—85.
 Укусъ—69.
 Уставъ Ворон. акціон. общ.—17.
 Фабрики—6—67—82.
 Фабрично-заводская промышленность—87—9.

Флотъ—62—66.
 Формы незаконнаго землевладѣнія—52.
 Формы поземельнаго права—51.
 Фракціонированная перегонка—73.
 Фуркаты—76.
 Харчи—53.
 Хвойныя лѣса—23.
 Хлѣбныя посѣвы—54.
 Хлѣбный сборъ—6.
 Хлѣбныя запасы—3.
 Хлѣбопашество стр.—1—4—24—53.
 Хмелеводство—4—69.
 Хозяйство крестьянское—стр. 1.
 „ помѣщичье—стр. 1.
 Холопы—39.
 Цѣмбалисты—75.
 Цѣловальники—91.
 Цѣны, стр.—3—19.
 Черкасскія мельницы—4.
 Черепичный заводъ—83.
 Четвертная пашня—32—33.
 Четвертное землевладѣніе—33.
 Число дворовъ—35.
 Чугуннолитейныя заводы—6.
 Шеповалы—78.
 Эпидеміи—23—24.
 Эпизоотіи—23—24.
 Юфть—5—56—59—62—64.
 Ямчужное произв.—3.
 Ямчуга—61.
 Ямщики—87.

Замѣченныя опечатки:

На стр. 59, въ 3 строкѣ снизу, напечатано 20—25 ч., слѣдуетъ читать
4—5 четвертей.

„ 75, въ 11 строкѣ сверху, „ тросигакей „
тромбачей.

„ 103, на 14 стр. снизу „ скотоводствѣ „
скотоводства.

„ 109, вверху 2 стр. „ ранѣе, слѣд. чит. ранее.

Въ лѣтописи, на первой стр. „ Hydrogv., „ Hydrogr.

